

Борис Климычев

КОРОНА СКИФА

р о м а н

1. СУРОВЫЙ ПОРТРЕТ

Получив письмо из Гетеборга от тетушки Амалии, Улаф Страленберг был несколько удивлен. Род Страленбергов был древний и разветвленный, многие Страленберги даже и не были знакомы друг с другом, только одинаковая фамилия напоминала им о родстве. О тетушке Амалии до её письма Улаф даже никогда и не слышал.

Улаф большую часть своей жизни провел за границей, он учился в Берлине, Париже и Лондоне. Он овладевал знаниями с великой страстью, так, что в свои тридцать восемь оставался холостяком. Сначала думал, что еще успеет жениться. Потом думал, что уже опоздал. И считал, что это - к лучшему, по крайней мере, ничто не мешает его научным занятиям. Жаль только своих стариков, которые так мечтают о внуках. Но что же делать? У каждого - свой путь.

Незнакомая тетушка просила его приехать в Гетеборг. Она овдовела и почему-то считала, что он может ей помочь советом. Несколько заинтригованный, он прибыл в Гетеборг, нашел там, у знаменитого крепостного форта "Корона", древний дом в старинном центре города. Его встретила жеманная старушка, пропахшая духами и разными притираниями. Она подносила к глазам лорнет и восторженно восклицала:

- Так вот вы какой? О, да! Так и должен выглядеть настоящий ученый!

Улаф был совершенным альбиносом, с вьющимся волосом, зеленоватыми глазами, курносый носом и большим ртом. Высокий, длиннорукий. Он не был красивым, но женщинам нравился, некоторой угловатостью своей, может, загадочностью еще и отрешенностью от мирских забав.

Тетушка оказалась тараторкой. За чаем, она говорила взахлеб, рассказывала о покойном муже, предлагала Улафу посватать очень красивых гётеборгских невест. Говорила о том, что за Страленбергами быть замужем нелегко. Вот хотя бы её покойный муж...

И, прикрыв рот ладонью, воскликнула:

- О, нет, нет! О мертвых - или хорошо, или ничего.

Потом она показывала Улафу дом, всё от гостиной до старинных подвалов, где хранилось пиво, вино, и съестное. Показала и несколько семейных портретов. Улафу они ничего не говорили. Он не знал никого из изображенных на портретах кавалеров и дам. Мысленно упрекнул себя за то, что мало интересовался до сих пор историей рода Страленбергов

- Это вот Иоганн Филипп фон Страленберг! - показала тетушка на портрет могучего, сурового мужчины, в латах.

Брюнет смотрел на Улафа строго, очевидно, не желая признавать в нем родственника.

- Вы, конечно, знаете его историю? -спросила Амалия.

Улаф смущенно потупился, даже краска проступила на щеках. Он вообще часто и легко краснел, кожа его была белой и тонкой.

Он вспоминал всех знаменитых Страленбергов. Один был важной шишкой при дворе короля, другой был крупный торговец, третий путешествовал в Африке и погиб там от загадочной болезни, четвертый был комендантом крепости Гетеборг.

- Как, вы ничего не слышали о Страленберге, который побывал в русском плену?! - изумилась Амалия.

- Так это он! - воскликнул Улаф, - слышал я о нем, конечно, слышал. Но... в общих чертах. Всё-таки, я изучал до сих пор древние цивилизации, исчезнувшие народы, ставил химические опыты, был всегда очень занят учебой и теперь мне так стыдно...

- Я понимаю вас, юноша,- сказала тетушка весьма взрослому племяннику, и таким обращением ввергла его еще больше в краску. Ничего себе юноша! Хотя... в сравнении с этой надушенной и нарумяненной египетской мумией он, возможно, и кажется юным.

- Я понимаю вас,- продолжила речь Амалия,- но я расскажу вам об этом великом страдальце. Представляете? Провести несколько лет среди дикарей в ледяной пустыне...

Тетушка сбивчиво поведала историю Иоганна Филлипа фон Страленберга, который во времена Карла Двенадцатого и Петра Первого был пленен русскими. Вот как давно это было!

Потом она открыла резной ларец черного дерева, достала небольшую, размером с ладонь желтую пластину, изображавшую оленя и подала Улафу:

- Взгляните. Это тоже осталось мне от покойного мужа, эта вещица. Эту штуку вывез легендарный Иоганн Филипп из Сибири. Муж говорил, что она со времен Иоганна Филлипа передается из поколения в поколение.

Я носила её к ювелиру и потом к антиквару, чтобы оценить, но тот и другой сказали, что ей грош цена. Они, возможно, не понимают. Я обращаюсь к вам, как к ученому. Вы же ботаник, историк, и химик. Поразительно, как один человек сумел вместить в свой мозг столько серьезных наук! Так вот, говорят, Иоганн Филипп копался в Сибири в древних курганах. Эта вещица, может, создана в доисторические времена. Если это так, то я сдам эту древность в музей и получу приличные деньги...

Улаф осмотрел пластину. Она была грубой работы, но не имела исторической ценности. Сделали её не в древности, а всего лет сто назад. Бронза не отшлифована, олень получился аляповатый. Возможно, что Иоганн Филипп очень скучал в плену, решил заняться художественным литьем, да не обнаружил особых способностей. А пластину захватил просто на память о своем пребывании в Сибири. Так Улаф тетушке и сказал.

Амалия пожала плечами:

- Стоило тащить её такую даль. Непрактичный, видно, был человек. От него осталась еще бумаги. Муж мне читал. Бред какой-то. Якобы в Сибири Иоганн Филипп оставил золотой клад. Но отрыть его можно только через сто тридцать лет. А раньше даже и пытаться не стоит. Духи там какие-то грозят. Я так думаю, что у этого бедняги пленного от пережитых страданий помутился разум. И он писал это свое обращение к потомкам, будучи с ущербным умом...

Я спрятала эти бумаги от своих двоих сыновей. Они, слава богу, обучились искусству судовождения. Они теперь водят корабли вокруг Европы в Африку, хорошо зарабатывают, имеют дома и семьи. Увы, женились они на сестрах-француженках, дома у них - в Марселе. Я езжу туда, возжусь с внуками, но в моем возрасте частая смена климата уже вредна. Их же теперь оттуда не выкорчевать... Это пересаженные в другую почву деревца.

Амалия достала кружевной платочек и отерла глаза.

Потом открыла другой ларец и вынула оттуда шелковую суму, в которой хранились пожелтевшие манускрипты.

- Вот эти бумаги, милый племянник, они уже почти истлели, их даже невозможно прочитать, я всё хотела их выбросить, но как-то случайно прочла о вас в газете. Швеция гордится вами... Возьмите бумаги, может, извлечете из них какой-нибудь прок, как историк... Да! Пластину возьмите тоже. На что мне она, если её даже продать нельзя? И это не такая вещица, которой можно любоваться.

Амалия оглянулась на портрет Иоганна Филлипа, лукаво изобразила испуг и рассмеялась:

- Он не будет слишком сердиться на меня. Всё-таки я распорядилась его наследством наилучшим образом. Всё проходит, но историки останавливают время...

Тетушка взяла с Улафа слово, что он навестит её еще при первом же удобном случае. И он обещал ей это, впрочем, не очень-то веря, что когда-нибудь сумеет выкроить время, для нового визита.

2. СТРАННЫЙ ОБЕД

Роман Станиславович Шершпинский был костистым и жилистым долговязым брюнетом, с пышными черными усами. Лицо его было по-актёрски старо-молодое: глаза сияли юношеским блеском и ничуть не запали, волос был черен и глянцежит, но лоб изборожден морщинами, возле рта залегли с двух сторон глубокие складки. Всё это располагало к уважительному сочувствию и к некоторому почтительному расположению всех, кто видел этого человека впервые.

Дом Шершпинского возле Невки знали многие государственные мужи. Но навещали они этот дом тайком, подъезжали с черного хода. Обычно вечерами, выбирая погоду пасмурную, такую, когда на улице малоллюдно.

Человек, впервые попавший в этот дом, не увидел бы внутри его ничего особенного. Лакеи были приличные, обстановка уютная. В гостиной висел достойный портрет государя императора. Паркетный пол сверкал, как зеркало, сияли начищенные прислужгой медные дверки и вьюшки огромных кафельных печей. Удобные диваны и кресла возле стен, звали утонуть в них. Посреди залы стоял рояль с пюпитром.

Шершпинский встречал гостей на лестнице в парадном фраке, рядом с ним сверкали брильянтами в волнистых русых волосах две совершенно одинаковые красавицы. Это были сестры-близнецы, как говорили, графини Потоцкие. Одна из них, пани Ядвига, была женой Шершпинского, другая, пани Анелька, была не замужем. Впрочем, если они менялись на лестнице местами, никто не мог разобрать, где там Анелька, где Ядвига. Это вызывало восхищение и удивление. Даже родинки

на левой щеке, что у одной, то и у другой - одинаковые. Для пушкого эффекта сестрички были одеты совершенно одинаково. Необычайную привлекательность придавали им не свойственные блондинкам жгучие черные глаза.

Гостями были только мужчины. И это была здесь единственная странность, в остальном - это был обычный петербургский господский дом.

Гостям давали немного освоиться и побеседовать в гостиной, затем приглашали в столовую. Вышколенные официанты подавали изысканные вина и кушанья.

Всё было так в этом доме и в тот морозный вечер 1863 года, когда пани Ядвига уселась за столом между Шершпинским и начальником Сибирского комитета Внутренних дел Бутковым, человеком на вид ничтожным, невзрачным, но обладавшим большой властью и деньгами. Напротив Ядвиги за столом сидела пани Анелька, ей кавалер достался куда более симпатичный. Это был молодой правовед, Герман Густавович Лерхе. Жгучий брюнет, с очень белым и чистым лицом, темными, вьющимися волосами, губы и брови его были словно нарисованы, а когда он улыбался в уголках губ возникали смешливые ямочки.

Германа Густавовича привел сюда Бутков. Двадцатилетний красавчик этот нужен был старому интригану, так как отец Германа, герой азиатских походов, славный боевой генерал был особой приближенной к Императору. Стоит угодить этому смазливому юнцу, и его папаша может при нужде замолвить слово на самой верхушке пирамиды.

Когда собирались к Шершпинскому, Бутков пояснял:

- Это лучшее, что можно найти в северной столице...

- Да, но одна из них - супруга Шершпинского?

- Над этим вопросом задумываться совсем не обязательно.

- И они, правда, - графини Потоцкие?

- Это трудно сказать, но и это абсолютно не важно, главное, чтобы компания была вам приятна.

Теперь за столом рядом с Анелькой, а может, и не с Анелькой, черт их разберет, Герман всё больше воодушевлялся близостью прекрасного существа. Бокал вина добавил Герману прыти, он говорил тосты, острил. Потом пошел к роялю.

Едва Герман взял несколько аккордов, из-за портьеры возникли два цыгана - один со скрипкой, другой - с гитарой в руках. Отирая губы розовым платочком, к роялю подошла Анелька, или та, которая исполняла сегодня роль её.

Мятный голосок с чуть заметной трещинкой наполнил зал. Герман косил глазом от рояля и видел как трепещет розовое горло, как капризно изгибаются брови красавицы. Она пела невинность, и он проникался абсолютной нежностью, как к сестре родной. Хотелось взять её на руки, унести в какой-то теплый рай, охранять, лелеять...

А уже через полчаса они пошли с Германом осматривать зимний сад. И Анелька потом распахнула незаметную дверцу. Кабинет был обит розовым. Возле изящной оттоманки стояли в горшках диковинные цветы.

- Здесь приятно бывает отдыхать! Тут такой аромат! - сказала полячка. Герман с ней согласился.

Бутков уединился с Ядвигой (а может, всё же с Анелькой? Кто знает?) в другом кабинете.

В это время дворецкий доложил, что из ресторана принесли заказанное Романом Романовичем блюдо.

- Ничего не заказывал! - удивился Шершпинский. - Зачем ресторация, ежели у нас своя кухня?

- Не могу знать! - отозвался дворецкий, - принесли два судка, в железной корзине с угольями, всё пышет жаром... Куда прикажете?

- Ставь на стол!

В корзине стояло три фарфоровых судка. Шершпинский раскрыл первый судок, в нем лежало два зажаренных человеческих уха. Резко стукнул крышкой.

Во втором судке было два... оборони бог, как жалко выглядели они, вырезанные из чьей-то мошонки. Шершпинский содрогнулся от ужаса и отвращения. В третьем судке - срам сказать что, тоже - жареный... Под судком была записка: "Всё, что осталось от Кляки. Закуси. Скоро и твои поджарим..." Подписи не было, но он всё понял.

3. БРОНЗОВЫЙ ОЛЕНЬ

Улаф Страленберг сидел в своей получердачной комнате с круглым окном, открывавшим прекрасный вид на каналы. Но сегодня он не любовался пейзажем, переданная теткой Амалией рукопись оказалась удивительно интересной. Жаль, что бумагу источили насекомые и мыши. Улаф таращил большие бесцветные глаза, глядя сквозь огромное увеличительное стекло. Иногда по одному оставшемуся слогу, по двум-трем буквам, он угадывал целые фразы.

И когда случалось, прочитав очередной фрагмент, Улаф вставал с тяжелого табурета, делал несколько неуклюжих прыжков, изображавших танец, затем зажигал спиртовку и варил в молоке шоколад, он любил его пить горячим, так, чтобы дух захватывало. Это была его единственная вольность, отступление от спартанских правил, которым он следовал с давних пор.

Вот что удалось ему, в конце концов, прочитать:

"Я попал в плен не по малодушию или слабости. Я был тяжело ранен, и потерял сознание. Видит бог, я предпочел бы смерть позорному плену. Но так вышло, в плену было много наших генералов. Нас тогда называли воинами каролинцами. Сначала мы жили в городе Казани. Я опишу его когда-нибудь после...

После попытки мятежа в Казани, русское правительство выслало пленных в суровую, отдаленную страну Сиберию, или иначе - Сибирь. Около пяти тысяч шведов оказалось в Тобольске, но вскоре русские сочли это опасным, в городе были оружейные и пороховые склады. И вот в 1714 году шведов разделили на небольшие партии и развезли по разным поселениям. Тогда я и попал в Томск.

Что сказать об этом городе? Это столица Сибири. Тут большой торг, много церквей, а мы, шведы, имели моленный дом, и лютеранское кладбище.

Много рыбы, зверя, маленьких, но выносливых лошадок. Удивительные леса! Единственно чего здесь не хватало - женщин. Из-за них возникали тут частые ссоры и драки, но и об этом я напишу потом. Скажу только, что даже Петр Первый, царь

Руссии прослышал о том, что нам жить тоскливо и прислал в Томск музыкальные инструменты, целый оркестр, чтобы мы могли услаждать свои души...

Главное в том, что случилось со мной, когда я попал в экспедицию Мессершмидта. Мы были в диких степях, и я с отрядом забрел в страну гор и ручьев, где, говорят, куда лопатой ни ткни, - наткнешься на золото. Трое из нас отстали и заблудились, в том числе и я. Ночевали у горных ручьев и ели ягоду. Тут и набрали мы на древний курган.

Раскопали ход, и попали в усыпальницу каролуса скифов. Он лежал в отделанной бронзовыми пластинами деревянной гробнице. Это - есть сводчатая камера из лиственничных бревен.

Когда стали отрывать пластины, на миг показалось, что он восстал во гневе. Вроде бы лицо исказилось. Может, так тени упали от факела. На его лбу была диадема из кожи и золота, отделанная крупными рубинами. Состарившиеся, потускневшие камни.

Но вдруг возникла тень с мечом в руке. Она словно грозила нам. Но тень быстро исчезла, и мы засомневались: не был ли это просто утренний туман?

Один из нас, Иохим Ювениус, был священник. Он читал молитвы и произнес речь. Он сказал, что мы тоже воины, но унижены теперь. И хотим бежать из неволи. Золото и драгоценные камни нам помогут...

И мы взяли скифскую корону. И дух в пути не тревожил нас и позволил найти обратную дорогу.

Мы же свою добычу тайно привезли в Томск. Зашли через подземный ход к старому подземному колодцу в круглом древнем острожке, Барбакане. Зарыли сию корону. Думали вернуться к кладу, когда станем уезжать.

Но вскоре мы невольно вспомнили о духе. Он до отъезда не давал нам покоя. Когда собирались мы на свое масонское собрание в подземелье и занимали 12 стульев, дух садился на тринадцатый, и грозно сверкал очами. А однажды вдруг у нас в этом подземелье погасли факелы и свечи, и дух сказал голосом, словно дерево скрипело: "Эту корону отсюда смогут увезти лишь ваши потомки через сто тридцать лет. Ослушаетесь, весь род ваш вымрет в одночасье!"

Вот и не посмели мы тогда драгоценную диадему вывезти. Нарисовали в нашем подвале на столе план, на него надо наложить эту бронзовую пластину.

Если пластинку-оленя положить так, чтобы контур совпал с изгибами рек Ушайкии Томи, то точка-глаз оленя укажет место.

В 1721 году русский царь Петр Первый заключил Ништадский договор о мире, по которому мы могли вернуться домой. И я привез домой эту пластину.

Мой далекий потомок, кто бы ты ни был, говорю тебе через сто тридцать лет! Возьми пластину оленя и поезжай. Дом наш в Томске возле шведского кладбища сложен из прочного камня на двести лет! Стол в подвале вырублен из горной породы, план на нем начертан зубилом. Ты найдешь наш клад и будешь счастлив. Аминь!

Иоганн Филипп фон Страленберг. 17 генваря 1730 года".

4. МОНТЕВИСТКА

"Кляку замочили! Теперь до меня добираются, надо их опередить" - в какую-то долю секунды пронеслась мысль в хмельной голове Шершпинского.

Он приказал дворецкому выгнать цыган, запереть все двери, возле каждой двери за портьерами поставить по мужику с топором или сечкой. В нижнем этаже затворили бы ставни. За верхними окнами пусть горничные смотрят, чтобы никто не влез. Сам Роман Станиславович быстренько шмыгнул в свой кабинет, взял два заряженных пистолета, спрятал их под сюртуком и прошел в зимний сад.

Он подошел к двери, за которой укрылись Анелька и этот красавчик судейского племени. Шершпинский взял садовую склянку, большую такую воронку, через которую переливали разные жидкие удобрения, прислонил склянку к двери, прильнув к склянке ухом. Это было - словно докторская слухательная трубка, только еще эффектнее. Каждый шорох за дверью в банке отдавался, как гром.

- Солнышко закатилось? - с капризным чертиком в голосе произнесла Анелька. - Зимой так редко светит солнышко. А я только кнопок и застежек две дюжины отстегнула... Эти парижские одежки, будь они прокляты!... И холод дует в окно, и небо за шторой зимнее, темное...

Всё стихло. Через какое-то время вновь затараторила Анелька:

- Ага! Солнышко всё же встает, горячее, розовое! Утро разгорается!

Шершпинский отнял склянку от двери и прошел к двери другого кабинета, где находились Бутков и Ядвига. "Черт бы всё побрал! - подумал Шершпинский, - Действительно зима. И порадуешься первому лучу в окне, а он тут же исчезнет, как счастье. А его жизнь могла быть другой! Солнечной! Ему светили какие-нибудь италийские дворцы. Неужто он должен будет весь остаток провести в той гнусной яме, в которую его так неожиданно спихнули? За что?"

За дверью послышался голос Ядвиги:

- Ты спрашиваешь, почему меня к тебе не ревнует муж? Но ты только думаешь, что находишься с Ядвигой, а на самом деле ты теперь - с Анелькой, с незамужней женщиной!

- Но, дорогая, тогда, выходит, с замужней Ядвигой спит теперь Герман Густавович...

- Ничего не значит... Есть еще третья сестра, и она точно похожа на нас... Но мы вам об этом не говорили нарочно...

Шершпинский осторожно постучал.

- Какого черта? - раздраженно спросила Ядвига.

- Федора Алексеевича - по срочному делу! - тихим голосом сказал в щелку Шершпинский.

За дверью недовольно пробормотали. Потом был шепот, шелест. Потом раздались шаги. На пороге показался взъерошенный и бледный Бутков. Он устало дышал, глаза смотрели воспаленно.

- Прошу прощения, м-с-с-с-гдарь,- изогнувшись в поклоне, - полусшепотом сказал Шершпинский. - Только считая своим долгом обезопасить важных особ... Мне сейчас точно донесли, что недруги мои добились клеветами своим вниманием полиции. И сегодня может быть проверка, и я не хотел бы ставить таких людей, как

вы, в сомнение. Полиция не может найти здесь ничего предосудительного и тем не менее... Впоследствии я всегда счастлив буду видеть вас своими гостями.

- Конечно, конечно! - сказал Бутков.- Буди Германа, да пусть подадут экипаж к черному ходу.

- Сейчас разбужу, не хотите ли пока чего-либо выпить?

- Нет, ничего...

Шершпинской направился к двери соседнего кабинета, но вызволить Германа из спальни Анельки оказалось не так-то просто. Тщетно кричал в дверную щелку Шершпинский о том, что Германа Густавовича требуют по срочному делу.

- Какое... там еще срочное дело? Пся крив!

- Герман Густавович! Вас Бутков зовет! Безотлагательно! - взмолился Шершпинский, проклиная в душе Анельку, юного красавца, себя и свою судьбу! О! Если мог бы он приказать высечь всех этих людей на конюшне! Их бы секли, они бы визжали, а он бы стоял, смотрел и улыбался!

- Вам Федор Алексеевич всё объяснит! - сказал Шершпинский, беря молодого правоведа под руку, и увлекая за собой.

Через минуту оба сидели в экипажах. Из-под полозьев взмывал снежный прах.

А дворецкий уже провел к Шершпинскому Полину-монтевистку, за которой съездил по приказанию хозяина.

Полина уселась в кабинете напротив Шершпинского. Её вьющиеся темные волосы рассыпаны по плечам, темная пелерина скроена так, чтобы сделать как можно незаметнее её горбы. Но искривление позвоночника привело к тому, что голова её как бы ушла в плечи. Полина откидывает голову, смотрит пронзительно в переносицу Шершпинского.

- Что за нужда была булгачить меня ночью, да еще под утро, когда самый сладкий сон. Твой дворецкий переполошил всю мою дворню.

- Полина, моя дорогая, мы оба родились в этом проклятом городе, он ест человека белыми ночами, чахоткой, коротким летом, но он его привораживает и не отпускает. Мы - петербуржцы, и мы друзья детства, разве не так? Скажу больше, ты ведь говорила в детстве, что любишь меня... разве не так?..

Смородиновые зрачки Полины неестественно расширяются:

- Ты тоже говорил, что любишь... что же с того? Слова, есть слова...- она смотрит на Шершпинского почти с ненавистью. Но есть и еще какой-то оттенок в её глазах.

- Ты многое знаешь обо мне,- говорит Шершпинский,- но ты знаешь не всё...

- Нет, я знаю всё! - жестко отвечает Полина,- я знаю даже о чем ты хочешь просить меня. Тебе грозят смертью, и ты хочешь спасения...

- Да, ты и в самом деле ясновидящая, я в этом давно убедился,- говорит Шершпинский, - но ты видишь всё общим планом, а я тебе расскажу детали...

- Если я захочу их знать...

Полина невольно вспоминает, как их бонны водили гулять рядышком, как оборачивались прохожие и говорили: "Какие хорошенькие! "Так было, пока Полина не упала на камни, когда порвалась петля исполинки. Потом, сколько помнит себя, были - сиделки, врачи. Мать потратила всё состояние и даже продала дом, чтобы вылечить её. Но никто не выпрямил её горбы, только мать разорилась и умерла от огорчения. А смазливый Ромчик, как только она заболела, так и позабыл её...

Он ей являлся во снах в виде ангелочка. Меж тем, судьба нанесла удар и по семье Шершпинских. Глава семьи подделал в казначействе бумаги. И ушел по этапу.

Юный Ромчик ударился в карточные игры, мухлевал на ипподроме, поссорившись в бильярдной с партнером - ударил его кием в висок и убил.

Он попал в каторгу. Полина уже поняла, что нынешняя его тревога, как-то связана с каторгой. Правда, после каторги он выбился в люди. Стал офицером. Служил в Польше, участвовал в подавлении бунта. Был тяжело ранен, вышел в отставку в чине поручика, долго лечился... Каторга забылась, как дурной сон. Но теперь каторжное прошлое его потревожило, она это чувствовала.

Роман заговорил вновь:

- Да, ты знаешь не всё. Когда, благодаря прошению маменьки на высочайшее имя, я освободился из каторги, то со мной освободились еще двое: Кляка и Гвоздь.

Каторжанская ложа сообщила нам место, где банда зарыла золото, брильянты, прочие ценности, награбленные на сибирских трактах. Мы должны были взять это и вернуться к острогу, закупить оружие, одежду, лошадок, запрятать всё в лесу. Потом подкупить охранников и устроить побег.

И мы нашли эти воровские ценности. Но я понимал, что побег может и сорваться. Тогда меня вновь упрячут в каторгу и уже навсегда, а я был сыт ею по самое горло. И я предложил Кляке и Гвоздю поделить все ценности на три части. Гвоздь отказался...

Он много помогал мне в каторге, и мне жаль было его убивать. Я смалодушничал, я ведь не злодей по натуре, ты же знаешь. Я просто очень прочно привязал Гвоздя к дереву и сказал ему, что вверяю его воле божией...

Шершпинский вздохнул:

- Десять лет прошло, я думал, что Гвоздь тогда там умер. И вот мне прислали в трех судках, всё, что осталось от Кляки. Он ведь тоже здесь обосновался. Бани держал. Раздобрел, семьей обзавелся. Добропорядочный такой христианин. Ты спросишь, что мне прислали?

- Части тела Кляки?

- Да! Но какие! Не буду уточнять, ты ясновидящая, скажу только, что всё это было зажаренным, горячим и в трех фарфоровых судках. Страшно?

- Мне? Ни капельки. Это тебе, да, страшно. Принеси судки.

- Может, не стоит? Уже всё остыло. Я хотел вообще всё выбросить на помойку.

- Хорошо, что не выбросил. Пусть принесут судки... - очень серьезно попросила Полина.

Дворецкий вновь принес злополучный фарфор и зачем-то железную корзину с остывшими уже углями.

- В этой корзине было доставлено...- пояснил Шершпинский.

- Оставьте меня одну!

- Ты что, есть это станешь? - невольно спросил Шершпинский.

- Ну, значит, как ни румянся, всё равно я похожа на ведьму,- невесело проговорила Полина,- вот даже ты про меня такое подумал...

- Нет, ты хорошая, но ты же занимаешься колдовством...

- Уйдите...

Прошло с полчаса, Шершпинский расхаживал по зале, нервно курил, слышал, что Полина звякает посудой. Подзывал дворецкого, спрашивал - не видно ли возле дома подозрительных.

- Мороз велик, ваше благородие,- отвечивал дворецкий, Экипажи и то не ездят.

Но вот Полина приоткрыла дверь, позвала Романа, сама тотчас вернулась в кресло. Не хотела лишний раз стоять рядом с Ромчиком. Рост её ушел в горбы, а Ромчик высок, неприятно ему быть рядом с карлицей.

Полина прищурила глаза в дивных ресницах, брови её соболиные были нахмурены, лицо было бы красивым, если бы не печать страданий - морщины:

- План Петербурха у тебя есть?.. Принеси...

Шершпинский отпер ларец, проигравший немецкую песенку, разложил перед Полиной план.

- Сиди и не сопи шибко-то! - сказала Полина и замерла, склонившись над планом. - Так... здесь нет, здесь нет. Здесь есть, вот здесь! - ткнула она пальцем в план, вот в этом доме, у моста.

- Кто там? Гвоздь? И кто еще? И как ты узнала, что именно в этом доме? Не шутишь ли ты?

Полина смерила его взглядом:

- Если бы я шутила, разве бы зарабатывала я такие деньги? Люди дураки, потвоему, и платят мне ни за что? За красивые глаза, мне платят что ли? Но они красивыми были лишь в раннем детстве, пока я не узнала мучений.

- Но как это ты делаешь? И каждый ли может этому научиться?

- Даже и не мечтай! Ишь - научиться! Для этого сперва надо стать калекой, как я. Познать всю горечь унижений, всю боль от любопытных, то жалостливых, то брезгливых взглядов. А если тебя никогда на улице ребяташки не дразнили, называя горбушкой, никогда не натравливали на тебя собак, не кидали в тебя камнями и палками, то как же ты колдовству научишься? Сперва надо по-настоящему научиться любить, и по-настоящему ненавидеть! - последнее слово Полина произнесла, глядя Роману прямо в глаза, ему стало не по себе, он уж и не рад был, что задал свой последний вопрос. И он сказал:

- Ты же знаешь, я тоже много страдал.

- Ты страдал по собственной вине, а я никого не убивала, и птахи малой не обидела...

- Ладно, милая, не обижайся, ты же мой друг, скажи - кто они, и что мне делать?

Полина задумалась, потом сказала:

- Помогу и денег не возьму, но ты будь нежен со мной... Я же невинная девушка! - неожиданно отчаянно воскликнула она, я никого не хотела, кроме тебя, да и меня никто не хотел любить даже за деньги.

- Но послушай, мы уже в таком возрасте, к тому же я женат...

Глаза Полины стали темнее, чем обычно:

- Женат? Я знаю. Жена твоя Анистья Александровна Виноградская-Заборовская проживает с детьми в другом доме. Фонтанка дом восемьдесят девять, между Мойкой и Обводным каналом у Тучкова моста. Думаешь, я не знаю, зачем тебе нужны эти смазливые мамзельки? Не хочешь меня? Отлично! Скоро тебе отрежут то, чем ты так дорожишь, и поджарят в самом лучшем прованском масле!

Шершпинский с испугом глянул в окно, где уже брезжил рассвет. Полина говорит верно. Они в любую секунду могут явиться. Только бы у него с ней получилось. Уж он будет с закрытыми глазами...

Шершпинский подошел к Полине, приобнял её, ощутил горбы, проклятый отросток у него тотчас совершенно размягчился. А горбунья уже тянулась к нему с поцелуем.

Роман Станиславович поднял её, понес на диван, долго ничего не получалось, он вызывал в воображении образ Анельки и Ядвиги и молил бога, чтобы сестрицы теперь после трудов праведных спали бы крепче, и никто из них не застал бы его с горбуньей в таком виде. Ах, почему он не повернул ключ в двери. Где там! Монтевистка впиалась в него, как пиявка, между поцелуями она судорожно взглатывала воздух и опять приникала к его губам.

Когда у него, наконец, получилось, она вскрикнула, потом прошептала:

- Не так как-то, не туда как-то...

- Всё туда же! - полунасмешливо ответил он, испытывая всё же горькую гордость оттого, что вот еще ему попалась некая нетронутость, которая не так уж часто мужикам и достается. Правда, этим подвигом он вряд ли сможет потом хвастать в мужской компании.

Полина уже не говорила, что не туда и не так, она металась, зыбыв, где она, кто она...

После он отпаивал её молоком со сливками, говоря дворецкому:

- Гостье немного нехорошо стало.

Привычный ко всему, дворецкий сохранял полную невозмутимость...

Полина дала Шершпинскому порошок. Надо только перехватить трактирного полового, ткнуть по башке и забрать у него судки, насыпать порошка, нарядить своего человека половым и пусть снесет обед в тот дом постояльцам, приедем из Сибири.

Как ты узнала, где именно они живут, и - что обеды заказывали?

- Зачем тебе? Поцелуй - скажу.

Пришлось целовать, оглядываясь на дверь и скрывая отвращение.

- Тебе это не пригодится. Я изучила присланные ими посудины. Каждый предмет имеет как бы запах, как бы излучает образы тех людей, которые с ним соприкасались. Если они были злы, взволнованы, то я чувствую их волнение зло, гнев или страх - всё чувствую. Какие-то лучи и запахи входят в мою память. Потом я гляжу на план города и как бы посылаю волну или луч, не знаю - что, то в один квадрат, то в другой. Откуда придет ответ, узнаваемое? И вот чувствую: из того квадрата идет ответ на мои лучи-мысли, из того уголка, из той точки. Там и есть их дом... они там, те самые люди, которые приготовили тебе такое угощение! Всё! Ты понял что-нибудь?.. А теперь я поеду,.. Устала...

"Еще бы, ты славно потрудились..." - подумал Шершпинский. Вслух же сказал:

- А ты уверена, что именно тот дом и тот трактир, именно на Мойке?

Полина ничего не ответила. Уселась в свой экипаж, провожая её, Шершпинский всё оглядывался по сторонам. Он понимал, что его могут пристукнуть, тут же во дворе, каторжники шутить не любят.

Вернулся в дом, заглянул в кабинет, где осталась Ядвига. Она валялась на огромной кровати совершенно нагая, разметалась так, что были видны все потаенные подробности.

Заглядывать в комнату, где спала Анелька, он не стал. Не до того, нужно созывать верных людей и делать всё, что нужно, чтобы отвести от себя угрозу.

5. КОЛЬЦО НИБЕЛУНГОВ

История делается не только на дворцовых приемах и на полях сражений, но в тихих гостиных, за чаем. Играют тут роль простые человеческие симпатии и антипатии, родство, дружба прошлых лет.

- А мы с фашиш патушкой фместе пот азиатским солнышком шарились! - говорил генералу Николаю Платоновичу престарелый генерал Густав Густавович.

Николай Платонович понял, что немец хотел сказать: жарились, а получилось у него смешно. Старый немец, который всю жизнь прожил в России, воевал и страдал всю жизнь во имя России, считал себя русским. И не зря. Он сделал для России много больше, чем иные русские. А главное он спас в битве жизнь отцу Николая Платоновича.

Теперь Густав Густавович просил своего знакомца замолвить словечко за своего младшего сына. Штатский чин, к сожалению. Да и войн нынче стоящих нет, так неужто всю жизнь сыну без толку шаркать по паркетам гостиных? Где же послужить ему Родине?! Да чтобы - с толком большим?

Генерал поднял указательный палец и значительно изрек:

- Он есть мой поскребышек!

Николай Аверьянович сказал, что власть его не слишком велика, что нынче никто никаких заслуг не ценит, возле трона очень непонятные люди порой обретаются. Но он надеется, что сыну знаменитого воина, сыну героя азиатских походов найдут в державе достойное применение.

- Сделаем!

И сделал. Полгода ходили по департаментам бумаги, пока не попали на стол к царю, дело было доложено среди других второстепенных, царь не торопился написать резолюцию. Да он слышал и от жены, что кто-то хлопотал за молодого и, вроде бы, талантливого чиновника. Ах, сколько теперь наваливается на него подобных просителей! Если всех слушать...

В таких высоких инстанциях на исход дела порой влияют совершенно неожиданные вещи. Австрийский посланник перед обедом прогуливался по роще с царем Александром Николаевичем. Тот посетовал на то, что в России очень трудно приживается всё новое, русский любит ехать по наезженной колее, пусть даже она кривая и избитая. И как раз они проходили мимо рухнувшего наземь старого трухлявого клена.

- Что было бы Ваше величество, если бы садовники не удаляли трухлявые деревья, и не высаживали вовремя молодые деревца? - ответил немец, не задумываясь особо, чтобы только поддержать разговор. Но царь воспринял эти слова серьезно.

Вернувшись в кабинет, он перечитал прошение Лерхе-старшего, а затем письма очень важных, титулованных рекомендателей.

Кому как не молодым, родовитым русским дворянам двигать реформы вперед? Предлагают послать молодого человека губернатором в далекий Томск? Что же, пусть будет такой смелый шаг! Оказать доверие! Таким - двигать историю вперед! Но уж очень молод... Хорошо. Пусть подождет до весны. А пока перевели бы его на должность в сибирский комитет, пусть знакомится с сибирскими делами. А к весне дать ему действительного статского советника, чтобы как-то солидности придать. А то ведь уважения от аборигенов сибирских не будет. Дать статского! Так тому и быть...

Так двадцатилетний Лерхе летом тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года получил чин действительного статского советника. Гражданским генералом стал!

В эту пору белых ночей щемяще пахло зацветающими деревьями. Петербуржцы стремились к мостам, каналам, на острова. Вечера проводили у фонтанов, либо в театрах.

И как раз тогда, в северную столицу прибыл знаменитый Рихард Вагнер.

Отец Германа сам плоховато говорил по-русски, а детей воспитывал в русском духе. Но кровь, кровь! И, воспитанный на Пушкине и Лермонтове, юный Герман, чувствовал невольное волнение при звуках "Нюрнбергских мейстерзингеров".

О, лестницы и банкетки! О театральные и дворцовые закоулки! Конюшни дорогими лошадьми! Зеленое сукно карточных и бильярдных столов! Вы есть сводники и разлучники, шептуны и подмигивальщики

И молодой Лерхе слушал про "кольцо Нибелунгов". О! Это кольцо давало власть над миром!

А после концерта, шел он в сиянии, звучавших в нем мелодий. Сияли театральные свечи и зеркала. Впереди его шел директор театра, в жилет которого он только что затолкал несколько сининеньких.

Прошли между свисавших из тьмы веревок и тряпок, по пропахшим пудрой и потом закоулкам, в кабинет. Там сидел, и пил из высокого бокала пиво, сам знаменитый композитор. Рядом с ним сидел другой немец: длинный с худыми приподнятыми плечами, совершенно белыми, бесцветными волосами, и бесцветными же глазами.

Герман начал, было, говорить, но понял, что немецкий у него очень неважный, перешел на французский, с вкраплением русских слов. Потом махнул, рукой, и сказал директору:

- Переведи ему, что моя прародина - Германия. Я люблю его музыку, хотя я русский до мозга костей!

Директор, говоривший на всех европейских языках, перевел.

Вагнер кивнул, налил Лерхе бокал шампанского, потом снял с пальца перстень с красным камнем и примерил его на указательный палец Германа. Перстень подошел. Перстень этот был фальшивого золота, да и камень был дешевым самоцветом, таких перстней у Вагнера в кармане была десятка два, подарив кому-нибудь один перстень, он тотчас надевал на палец другой такой же для следующего подарка. Но Лерхе об этом не знал. Приятно было, что перстень этот - с руки знаменитого композитора, и что после этим можно будет хвастать.

- Кольцо Нибелунгов! - подмигнул Вагнер.

- Дорогой маэстро! - обратился к композитору Лерхе. - Я удивляюсь творческим людям. Скажите, как приходит к вам вдохновение. В каком образе? Вероятно, в образе прекрасной незнакомки?

- Может быть! - хитровато прищурился Вагнер. Вдохновение приходит по-разному. Оно рождается из неосознанных движений души. Впрочем, мой русский друг Михаил Бакунин, с которым мы сражались рядом на баррикадах Дрездена, говаривал, что в наши дни кольцо Нибелунгов вполне может заменить пакет биржевых акций! - рассмеялся композитор, и спросил: - Вы не владеете пакетом акций?

- Господин Лерхе - действительный статский советник, - сообщил Вагнеру директор театра, - он занимается вопросами Сибири и ведаёт огромными странами и просторами.

И тут бесцветноволосый вскочил, сгорбился, изображая поклон:

- Считаю за честь представиться господину Лерхе! - при этом альбинос опрокинул стул, и пролил вино из бокала. - Я есть Улаф Страленберг!

Германа подивило то, что иностранец довольно сносно говорит по-русски. Он оказался шведским ученым. Он умолял помочь получить ему разрешение на поездку в Сибирь для научных опытов. Рекомендации королевского географического общества, письма от видных европейских ученых у него были, но странным образом утрачены...

Улаф прежде никогда не покидал Европы. Многие в Швеции его желание исследовать далекую Сибирь одобряли, но денег на поездку никто не выделял. Отец Улафа продал рыбокоптильню и кожевенную мастерскую. Чего не сделаешь ради единственного отпрыска, пусть и непутевого!

В момент прощания на причале отец умолял Улафа экономнее тратить деньги и никому не доверять. Матушка рыдала и умоляла Улафа отказаться от поездки в Сибирь... это же край где люди имеют одну огромную ногу и два рта, а питаются человечинной... Она сама читала в одной правдивой книжке...

Улафу было жаль стариков, но что он мог поделаться? На его груди, на прочном шелковом шнурке висела бронзовая пластина - изображение оленя. Этот амулет звал в путь, к неведомым опасностям и приключениям.

Улаф долго стоял у борта судна и махал большим клетчатым платком до тех пор, пока земля Швеции не растаяла в тумане.

В кают-компании Улаф познакомился с одним человеком, который утверждал, что он тоже швед, но настолько обруселый, что не знает ни слова по-шведски. Он родился в Петербурге, назвали его Петром, а фамилия его была Юханссон. Это был вертлявый рыжебородый весельчак. Он ездил в Стокгольм заключать торговую сделку и теперь возвращался домой. Юханссон обещал свести Улафа с важным сановником, который за определенную плату оформит все нужные документы. Юханссон отвезет ученого в нужный департамент.

По прибытии в Петербург, Юханссон нанял экипаж, и они покатали по городу. Где-то в самом центре сошли возле огромного дома.

Юхансон дернул кольцо звонка и появился величественный швейцарец. Он выслушал их на крыльце, сказал, что в департаменте обед, но он пригласит нужного им чиновника. И тот через минуту появился на крыльце с чашкой кофея в руке и с сигарой в зубах. Чиновник объяснил, что в обеденное время он не может пригласить

их в присутственное место, но пусть господин Страленберг передаст ему свои рекомендательные бумаги и определенную сумму, подождет с полчаса, за это время чиновник всё оформит...

Улаф остался ждать на крыльце, а Юханссон сказал, что очень спешит обнять жену и детей, дал Улафу свой адрес. Пусть он приходит к нему, как только получит нужные документы. Можно ночевать у него, не тратиться на постой...

Улаф медленно прохаживался возле крыльца, любуясь видом незнакомого города, о котором так много слышал. Дома были здесь поставлены искусными зодчими, всё это были дворцы, и улицы прилично мощены, и деревьев было достаточно.

Прошло полчаса, а потом и час, но чиновник все не приносил бумаги, Улаф решил осведомиться у швейцарца, где же ему найти того чиновника, на каком этаже, в каком кабинете? Улаф подергал кольцо звонка, но никто не вышел. Озадаченный, Улаф потихоньку потянул дверь. Она, скрипнув, отворилась, за дверью был пустой темный коридор, а в конце его можно было в полусумраке различить еще одну дверь.

Улаф прошел ко второй двери, приоткрыл её и увидел впереди крылечко, по которому можно было сойти на другую улицу, она была тиха, и отражала свои дома в черном канале.

Только теперь Страленберг понял, что его одурачили. Пропали документы, к тому же он отдал мошеннику большую часть своих денег, и теперь ему не на что будет добираться до Сибири. Адрес Юханссона, конечно, тоже обманный. Улаф сказал себе: Ты хотел приключений? Вот они и начались!

И, увидев афишу, извещавшую о гастролях в городе композитора Вагнера, Улаф отправился в театр, ничуть не заботясь о том, что с ним после будет. Послушать божественную музыку. А там - хоть смерть!..

Всё это поведал он Герману Лерхе, директору театра Аполлону Аверьянову и Рихарду Вагнеру. Все трое весело хохотали. Вот уж, действительно, влип, как швед под Полтавой!..

Герман Лерхе обещал Улафу содействие.

ЛОВИТЕ, ПОКА САМИХ НЕ ПОЙМАЛИ

Утром из ворот усадьбы Шершпинского вышел старик с длинными седыми волосами, в изодранном пальто, с грязным мешком в руках. Старик что-то бормотал себе под нос, втягивал голову в поднятый воротник своей дерюжины.

Никто на проспекте не обращал на старика внимания, мало ли нищих бродит здесь всякий день? Старик несколько раз оглянулся, прежде чем зайти в подъезд серого дома.

В подъезде он шустро взбежал на второй этаж и постучал в дубовую дверь странным стуком, словно отбивал ритм неизвестного дикарского танца.

Дверь отворилась. Старика встретил плотный мужчина в английском клетчатом костюме.

- А! Роман Станиславович? Тебя не сразу и узнаешь, разве что по запаху духов. Такими только ты и душишься. И что за гений! Нищий, а от самого духами несет!

- Прошу прощения, Игнатий Васильевич, я в таком теперь положении странном оказался, что...

- Интересно и даже очень, разве какие-то важные новости? Наконец-то, а то вы совсем нас забыли.

- Припадаю к стопам вашим, дорогой Игнатий Васильевич, если вы не спасете меня нынче, то, может, уж больше никогда никаких новостей от меня не получите.

- Вот как? Что же стряслось, уж не заболели ли вы? Можно ли? Такой здоровяк! Уж не французская ли болезнь² у вас приключилась? - пошутил человек, одетый - в клетку.

- Мне не до шуток, - сказал Шершпинский, доставая из прорехи пальто сигару.

- Мне тоже! - ответил Игнатий Васильевич,- вы у нас регулярно получаете жалованье, а за весь год только и предоставили нам одного глупого польского юношу с прокламациями. Ваши сообщения о разговорах важных особ, которые они ведут в вашем, гм... простите, бардаке, скучны и неинтересны.

- Игнатий Васильевич! Я дворянин и не позволю называть мой дом...

- Да бросьте вы! - махнул рукой клетчатый крепыш, - говорите лучше, что стряслось? Уж не крамольники ли угрожают вашей жизни?

- Хуже! - сказал Шершпинский, опускаясь на кушетку, крамольники хоть люди интеллигентные, а это -каторжники!

- Ага! А вы еще о своей дворянской чести волнуетесь. А ваше прошлое меж тем берет вас за кадычок-с! Ну, так и разделяйтесь с ним сами, мы-то при чем? Мы и так сделали для вас немало - закрыли глаза на ваши, мягко говоря, заблуждения юности.

- Помилуйте! Игнатий Васильевич! В доме у Ахмета Касымова, в меблированных комнатах сидят нынче такие головорезы, что... В дворне у меня не найдется никого, кто с ними смог бы разделаться. Мне монтевистка порошок дала, надо напасть на полового, когда он им обед понесет...

- Пфуй! Роман Станиславович! Что это вы такое говорите, какие азиатские страсти в нашей великой столице! В наше-то время! Отравители! А еще образованный человек! Вашу монтевистку я непременно вышлю завтра же из города и как можно дальше.

- Не трогали бы убогую, Ваше превосходительство. А то получится, что она ко мне- с добром, а я её - в петлю!

- Ладно... Пока не трону. А этих сибиряков мы в холодную упрячем, авось не замерзнут, привычны...

- Ага, в холодную, а я потом - дрожи всю жизнь. Они сбегут или выйдут и непременно доберутся до меня...

- Ну, пока, прощайте, Роман Станиславович. Не волнуйтесь. Почаще приглашайте важных персон в ваш дом, узнавайте настроения, ясно?..

Игнатий Васильевич взял Шершпинского под руку и пошел с ним к двери, давая понять, что аудиенция окончена.

Шершпинский был раздосадован до невозможности. Ай-ай! Как глупо! Надо было самому одним махом покончить с этим делом. Нашел заступников! У них свои резоны. Им крамолу искоренять, а бандиты им - что? Они - по другому ведомству.

Шершпинский вспомнил Оленева. Николай Николаевич! Да! Или долг пусть отдает, или с этими потрошителями пусть разделяется.

Оленев был бравый рубака. Совсем юнцом отличился в Крымскую. Потом в Польше заслужил награды, управляясь с повстанцами. И был в военном ведомстве в почете. Шершпинский познакомился с ним у Буткова, пригласил к себе. Играли в карты, чертили мелками по сукну. И Шершпинский проигрывал.

Оленеву у Романа Романовича понравилось. Шершпинский потихоньку подзуживал Анельку: ей не удастся соблазнить этого солдафончика, уж слишком примерный семьянин.

Анелька подняла бровь:

- Сей жолнеж через неделю будет пить вино из моей туфли!

И уж так старалась! В светлых, невинных одеяниях, когда в раскрытом рояле дрожали струны, и пахло ярим желтым воском оплывающих свечей, и от печи тянуло далекой Италианской землей, которая в Анелькином пении вся шумела своими заливами, Везувиями, тарантеллами, пиниями, вином.

Акомпанировал Анельке Джакомо Вазети, а на самом деле это был цыган из Дунькиной рощи, но большой мастер рояля, очень смазливый. В таборе его звали просто Гришкой.

Гришка мастерски изображали итальянца, он впадал в экстаз, пальцы мчались по клавишам, а глаза музыканта были закрыты, он продолжал играть, вставая, затем садясь зачем-то на пол. Потом поворачивался спиной к роялю и, в таком положении, продолжал играть, это казалось уж совсем невозможным.

Разгоряченная пением Анелька, в конце концов, брала Оленева под руку, говорила, что душно ей, просила проводить в зимний сад, шла, опершись о жесткую руку Николая Николаевича.

То она была ласкова с ним, то держалась отчужденно. Вся ветреная, смешливая, меняющаяся, как морская вода в той самой Италии, песни которой она так хорошо пела.

Оленев и сам не заметил, как попался в её сети. И забывал и жену, и свою любимицу маленькую дочурку. Только возвращаясь домой, начинал мучиться угрызениями совести. Но проходил день, другой, и его снова неудержимо тянуло к Шершпинскому.

Опьяненный и вином, и любовью, он терял бдительность за карточным столом и много проиграл Шершпинскому. И выяснилось вскоре, что долг свой он никак не сможет возместить. А понятие о чести было высоким. Шершпинский не торопил, говорил - подождет.

Теперь он шел к своему должнику.

Оленев, только что проснувшийся, вышел в халате, так как лакей доложил, что его спрашивает какой-то оборванец, утверждающий, будто он есть Шершпинский.

Оленев увидел в прихожей безобразного старика, хотел велеть гнать его в шею, но старик сказал голосом Шершпинского:

- Не удивляйтесь, Николай Николаевич и простите мне мой машкерат, но так надобно.

Оленев отвечал, что да, он сразу не признал своего друга, он просит извинения за то, что вышел к нему в халате, но слуга доложил о каком-то старике...

Оленев был удивлен и ошарашен видом Шершпинского и был не очень-то рад раннему визитеру, тем более, что визит мог означать только одно: Шершпинский

опять напомнит о долге. И голубоглазый и томный красавец не ошибся: Роман Станиславович именно об этом и заговорил.

- Подождите еще, дорогой друг, век за вас буду бога молить. Сейчас, ну - никакой возможности!

- Я бы подождал, но речь идет о моей жизни, никак не меньше... так что будьте добры рассчитаться...

Взглянув на побледневшего Оленева, Шершпинский сказал:

- Впрочем, есть один способ вам рассчитаться со мной и без денег.

- Это как же?

Шершпинский кратко рассказал о банде, которая жаждет его крови.

- Я нанял людей, которые следят за их квартирой, но нужен смелый человек, который с ними расправится. Я думаю, лучше вас никто это не сделает.

- Как?! Вы мне предлагаете совершить убийство?

- Я предлагаю вам покарать убийц, и отнюдь не бесплатно, я не только прощу вам долг, но дам вам еще столько же, как только вы сделаете дело!

Оленев взялся за голову:

- Бред какой-то. Вы - в этом одеянии, такие предложения...

Шершпинский взял Оленева под руку и вполголоса вкратце поведал предысторию.

Оленев задумался. Потом встряхнул головой:

- Согласен! Но как же к ним подойти? И как потом самому спастись от полиции?

- А вот это мы сейчас обсудим! - обрадовано отозвался Шершпинский, пройдемте куда-нибудь к камину, а то я в этих рехмотах продрог ужасно, да прикажите подать красного вина...

А в то же самое время в доме татарина Ахметки Хакимова сидели в полуподвальной комнате за столом с четвертью вина трое: Петька Гвоздь, Сашка Сажин и сам Ахмет.

- Шершня надо распотрошить как можно скорее, да смываться отсюда, легавых слишком много. Что, Хамитка, твои татары бают?

- Всяко смотрят. Глаз, как щелка делают. Шершень другой день из дома носа не кажет.

- Сидит? Небось, не отсидится. Выпьем за успех! Возьмем золото у Шершня, тебе, Хамитка, долю дадим, да и свалим! - поднял стакан с вином Сажин.

Гвоздь сказал:

- Надо выпить за тех, кто под забором, да за тех, кто под забором, да за тех, кто в тайге-матушке лежать остался. Фильку жалко, да Демку.

- Демку- да! - отвечал Сажин, а Фильку чего жалеть? Мы его в побег коровой и брали. Ну, стало голодно в пути, и съели. На то и корова!

- Я почти не ел,- сказал Гвоздь, потупясь.

- Жрал, чего там! Я же видел...- засмеялся Сажин,- голод не тетка. Да ты не журись, не ты - первый, не ты - последний. Мы в острог не сами себя посадили, значит, и вина перед богом не на нас. Бог людей для свободы создал, мы его волю и выполняем, когда на свободу рвемся...

В этот момент вошел татарин, и низко кланяясь Хамиту, что-то сказал по-татарски.

- Чего он?! - насторожился Сажин.

- Брандмейстер пришел, печки проверять, от перекалов горим мало-мало в нашем городе Петербурхе, каждую зиму. Печи проверит и уйдет, мои печки хороши, трещин нигде нет!

Хамит вышел. Друзья продолжали выпивку.

- Шершня выдоим, на Волгу подадимся. Царская рыба в низовье ходит. Купим лодки и сети. Заживем!

- Сюда еще ходи, пожалуйста! Тут одна еще печь и тоже хорошая! - раздался голос Хамитки. Дверь отворилась, Хамитка вошел в сопровождении брандмейстера.

- Садись, служба, выпей с нами! - пригласил брандмейстера Сажин.

- Спасибо! - сказал пожарный чин,- вдруг сделал резкое движение и - пах!-пах!-пах! - сверкнуло три оглушительных огня из рук его.

Сажин упал замертво. Гвоздь, получив пулю в плечо, высадил табуретом окошко и сиганул в него. Раненный Хамитка вцепился в брандмейстера окровавленными руками. Вбежали татары, стали вязать пожарника.

- Убрать руки, хамье! Я дворянин и офицер! Кому говорю, мразь!

Это был Николай Николаевич Оленев.

7. К ВАМ ЕДЕТ...

Лететь в санках с горы, тормозя заостренной палкой, вздымая снежный прах. А вашу шею обнимают руки в пуховых варежках, и русая коса щекочет вашу бритую щеку, и чудо дышит рядом морозной свежестью, разжеванной карамелькой и губной помадой.

Ах, сибирская, долгая, буйная зима! И твои забавы могут наскучить! Вон на льду реки Ушайки одиноко стыннут хрустальные ледяные гроты и лабиринты, слоны и дельфины, изваянные умельцами из снега. И всё реже видишь возле них мальчишек и девчонок.

Отзвенели хрустальные шары в елочных ветвях.

Чалдон уже вывозит слежавшуюся, перемешанную с навозом солому из стаек.3 Стало быть, думает, что зима поворачивает на лето. Ближе к таянью движутся дни. Свезти мусор на лед, а река тронется, и всё очистит, и унесет прошлогоднюю солому и грязь.

Морозы, но и солнце все чаще проглядывает. Позолотит маковки церквей, заглянет на каланчу, поиграет в ветвях заиндевелых деревьев. По центральному и единственному томскому проспекту, протянувшемуся вдоль Томи и называемому улицей Почтамтской, промчится пролетка, с барынькой, укутанной в меха и прячущей ноги под медвежьей полостью. Куда спешит, угадай! И куда ехать в этом городе? Хотя и губернский центр, но зимой решительно некуда податься.

Среди зимы помер знаменитый томский старец Федор Кузьмич. Жил он в Томске у купца Хромова. Семен Феофанович построил ему домик возле реки Ушайки за городом. Там старец проводил лето. А зимой жил в Томске. И каждый томич мог прийти к нему и получить совет житейски, облегчение от забот или болезней. Старец

был изумительно похож на императора Александра Первого, якобы почившего в Таганроге. И было в его манерах много величественного и тайного.

Два года назад в Томск под видом простого гусара приезжал Александр Второй. Воспитанник поэта Василия Андреевича Жуковского.

Гостил у старца на Хромовке. Один из томичей в гусаре узнал царевича. Томич этот служил в гусарах в Петербурге, охранял дворец, знал в лицо всех членов царской фамилии. Узнал, упал на колени, а Александр ему сказал:

- Что же вы, любезный? Я же просто гусар!..

О чем говорил Александр с другим Александром - неизвестно.

Теперь уж и спросить не у кого. Могилка старца в монастыре, по углам её растут четыре кедра, а на кресте буквы: Е И В. А. I. 4

И протоптана среди снега к этой могиле плотная тропа. Приходят каждый день и простой люд и знатные. Постоят, помолятся и облегчаются болезни, уходит тревога, светлее на душе делается. И хочется покаяния.

Да, были домашние концерты, были спевки, в карты играли, в бильярд. Старо, старо!

В пролом году на Кавказе взяли в плен гордого Шамиля. Журналы до сих пор печатают портреты этого дикого горца. Много пишется о покорении русскими Амурского края, и всяких среднеазиатских ханств. Но Томск далеко от места этих бурных событий. А хочется, чтобы и здесь что-нибудь происходило.

Пятнадцать лет назад по подписке собирали деньги на строительство городского театра. Собрали - шиш да маленько.

Золотопромышленник Аполлон Евтихиевич Филимонов добавил сумму такую, что как раз хватило построить театр. Наезжали в Томск гастролеры, то хорошие, то плохие. Но в нынешнюю зиму ни одна труппа не рискнула забраться так далеко.

Это было в Крещение. В доме часовых дел мастера и механика Ивана Мезгина собрались молодые люди. Молодой преподаватель ботаники Григорий Потанин, сказал:

- Забыли нас антрепренеры. А и приезжали, что ставили? Царя Ирода? "Проделки Аглаи"? Скучно, господа! Разве не должны мы жить мечтой о светлой и справедливой жизни? Надо ставить "Ревизора"!

- Самим! Что? Нет у нас, в Томске, талантов? Вот хоть бы взять Николая, чем не Хлестаков?

И действительно Ядринцев, изящный, с длинными и гладкими, ниспадающими на плечи волосами, вполне годился на роль Хлестакова. Его не портили даже щегольские с малюсенькими стеклами очки. Такие очки были в моде. Сам же Потанин выглядел как-то приземленнее, хоть и писал, как и Ядринцев, стихи. У Потанина были волосы, торчащие, трудно ложившиеся в прическу. Всегда торчал надо лбом хохолок, а нос был по-мужицки широковат.

- Молодец, - одобрила предложение Потанина Лилия Александровна Мершрейдт фон Гильзен. - Ах, какой молодец! Многие там узнают себя. Городничего может сыграть Философ Горохов, правда, ведь? Ему даже грима не надо! Только... где играть? И разрешит ли полицмейстер?

- Играть в театре, где же еще? - пояснил обозреватель Томских губернских ведомостей Николай Ядринцев. - Я, конечно, с Хлестаковым душевно не схож, но чего не сделаешь ради хорошего общества? К началу марта всё срепетируем, морозы к

тому времени отступят, натопим театр хорошенько и - ура! А этого немца вашего, полицмейстера, мы уговорим, в конце концов, он и сам сдыхает от скуки! Надо же, чтобы у нас повеяло ветром!

Тут же принялись распределять роли. Чиновник губернского управления Олимпий Павлов прекрасный актёр, и вообще душка: бытописатель, его мелодраматические пасторали появлялись в "Губернских ведомостях", он и как художник хорош, пейзажи пишет во французском стиле. Поможет и сцену оформить. Да и хозяин дома, Ванюша Мезгин, что за человек! Одно удивление! Такого и в столицах не сыскать!

- Ваня! Часы те покажи! Новые!

- Что вы! При баронессе!

- Хочу! При мне! Требую, наконец! Разве мы не друзья?..

Баронесса надувает губки, пухлые, рдеющие. Посмотришь на неё и не поверишь, что могут быть такие яркие глаза, и брови, как нарисованные, и улыбка, колдовская такая...

Мезгин, махнув рукой, (дескать, так и быть), открывает дверь в кабинет, делает приглашающий жест. На столике, отделанном перламутром и с фигурными ножками, стоят бронзовые часы в виде домика.

Все: Лилия Мершрейдт Фон Гильзен, Потанин, Ядринцев, Олимпий, журналист Измаил Кирпичников, два важных чиновника: Феофан Шабалин и Василий Яблонский-Шавронский застыли в ожидательных позах, следя за прыгающей секундной стрелкой. Циферблат - золотое солнышко над мирным домиком.

И вот часы пробили шесть утра, тотчас на крышу домика взлетел ярко-красный петушок и звонко прокукарекал шесть раз. И стены раздвинулись, как бы приглашая зрителей заглянуть в уютную спальню. Там, на широкой кровати, две фигурки - мужчина и женщина, совсем, как настоящие, живые. И что они делают?

Описать это- нужно перо Гоголя, а может, и Николай Васильевич спасовал бы. Всё у фигурок маленькое, но - как настоящее. И видно, что женщина заставляет мужчину, а он отказывается. Но она - вихрь, напор, ураган, вскакивает на него и долго и подробно, совсем по-настоящему, повторяет шесть раз свое сладостное дело.

Потанин смущенно отворачивается, кто-то из мужчин хихикнул. Вдовья баронесса, родственница Потанина, смотрит пристально и серьезно. И потом говорит:

- Это механика... А мы? Неужто мы тоже механизмы? И всё?

И, выходя, из кабинета Мезгина, мужчины размышляют, а что же Лилия имела в виду? Но спросить никто не решается.

Надеюсь, господа, вы не станете рассказывать всякому встречному и поперечному об этих часах? -спрашивает Мезгин.

Что ты, Ваня, мы же понимаем, что это шутка большого художника. Это лишь для друзей...Мы думаем, ты тоже сможешь нам в оформлении сцены, да и роль мы тебе дадим...

Потанин и Ядринцев пошли домой пешком по заснеженному Томску. Потанин пригласил Ядринцева в Томск, когда открылась вакансия в газете. Оба они писали статьи о том, что Сибири нужно больше независимости, в том числе и экономической.

Это после их статеек, купец ФедорАкулов на дверях своего магазина повесил вывеску, на которой была изображена полная девица с кружком колбасы на вилке, Там были стихи:

В Сибири - лучшая конина,
Колбаску нашу кушай Нина,
И станет черной твоя бровь,
И щеки ярче, чем морковь!

Говорили, что эти стихи по дружбе написал для Акулова Ядринцев, но он в своем авторстве не признавался. Начали рекламировать сибирские товары и другие купцы. Но больше всего молодые сибиряки-патриоты писали о том, что в Томске надо открыть университет, новые театры и музеи. "Больше света!" - так заканчивалась одна из статей Ядринцева.

И Потанин и Ядринцев бывали в больших городах, но их многое привязывало к Томску. Ядринцев, когда шли от Мезгина, пригласил Потанина к Софийскому ключу.

Сюда его не раз в детстве приводили отец и мать. Вода в ключе и зимой и летом бурлила, словно кипела. Прямо над ключом возвышалась Шведская Горка с большим черным крестом на вершине.

- Папа делал вот так! - сказал Ядринцев, - вынул из внутреннего кармана пальто флейту и заиграл. Потанин слушал, склонив голову.

- Изумительный город! - сказал Григорий Николаевич, когда Ядринцев кончил играть.- Я верю в его будущее! И люблю его.

- А для меня этот город, -сказал Николай Михайлович,- еще и воспоминания о гимназии, об отце, похороны которого на Вознесенском кладбище устроил сам Батеньков, проектировал мемориал он же.

Ядринцев задумался, склонив голову, потом тихо добавил:

- Сестренка София лежит на этом кладбище. Она умерла ребенком, такой был прекрасный ангелочек. Всегда вспоминаю её у Софийского ключа... Нам тут жить в этом городе, жить в Сибири...

На другой день Ядринцев сходил к владельцу театра. Филимонов дал ему ключ от замка, которым театр был заперт еще прошлой зимой. Пошли с Потаниным посмотреть - что там? Фасад у входа был оформлен портиком и колоннами из дерева, густо побеленными под мрамор. Увы, краска осыпалась, плахи были во многих местах оторваны предприимчивыми томичами.

Из театра в щели можно было видеть рощу и застывшую речку Еланку неподалеку. Там и сям дико и странно торчали каменные бабы, вывезенные томскими купцами из калмыкских и монгольских степей. Бабы, не бабы, черт их разберет, истуканы жертвенные. Говорят монгольцы и прочие степняки им губы живой человеческой кровью мазали. И здесь, в этой роще пустынной, на краю города, пройти вечером мимо фетишей древних не каждый смельчак решится. Когда тут после спектакля выходят театралы, тогда - да, можно к этим болванам подойти, посмеяться, даже тростью им глаза потыкать. Но ночью, в одиночестве - увольте!

Печи, давно потрескавшиеся от перекала, были закопчены.

- Черт бы все побрал! - ругался Потанин, это же театр! В церкви иконы намолены и потому - святы, здесь сцена наиграна...

Он замер в удивлении, ибо в глубине полутемного театрального здания, прошел человек в крылатке и без шапки с длинными, спадавшими на бархатный воротник волосами.

- Вы видели? - дрожащим голосом спросил Потанин Ядринцева,- или это была галлюцинация?

- Вроде кто-то прошел,- подтвердил Николай Михайлович.

Они обошли пустое здание, никого не нашли, только у черного хода были на снегу чьи-то следы. И всё это было странно.

В конце марта подготовительные работы в театре закончились. Печи замазали, доски приколотили.

По всему городу по круглым тумбам распластались афиши:

" 20 марта 1864 года. В городском театре - Ревизор Н.В. Гоголя. Билеты в губернском правлении ".

И настало двадцатое. В театре было почти тепло. Шипели и воняли калильные фонари. Партер и галерка были забиты до отказа. В ложи принесли ковры. Простолюдины глазели на сильных мира сего. В ложах можно было видеть Филимонова с домочадцами, полицмейстера, майора барона Адольфа Пфейлицера-Франка. Да только ли их?

Было тут на кого посмотреть! Вон Дмитрий Иванович Тецков, богач, городской голова, вон и золотопромышленник Федор Пушников. Он уж больно до всяких прекрасных зрелищ охоч. Пять лет назад в этом театре пела оперная французская шансонетка Жанна ле Фебр. Пушников подарил ей самородок, величиной с голову младенца. Так тогда и газеты написали - с голову младенца. А младенец-то причем?

Это вот в ложе князь расположился, Николай Костров. Ученейший человек. И одет-то по последней питерской моде. Фрак, манишка накрахмалена и подсинена - белее снега. А сам, то на Алтае, то где-то в Тунгусии с всякими инородцами всякое лето у костров спит, зубами сырое мясо рвет. Изучает жизнь полудикую и пишет в журналы. А на что ему это все нужно? Кто знает? И князья чудят иногда.

А вон, в ложе, король извозчиков бородатый Евграф Кухтерин с супругой. Не так давно гильдию получил. Зачем он пришел в театр в великий-то пост? А затем. В театре-то - всё городское могущество собралось, почему ему тут не быть? Он начинает богатеть, отставать от больших людей ему негоже. Сам одет, пусть не как Костров, но вполне интеллигентно, и супругу нарядил. Правда, сидят с непривычки с женой, как каменные.

А это кто? В первом ряду партера? Усищи свисают ниже щек, на голове не шапка, не шляпа, что-то вроде турецкого тюрбана, украшенного большим сверкающим камнем и пером. Сидит он в каком-то подобии парчового халата, увешанного орденами и медалями. Это городская достопримечательность - граф Разумовский. Так он всем представляется.

Во все городские дела сует свой длинный нос этот колоритный человек, ни одно городское событие не обходится без него, Никого он не боится, ни перед кем не заискивает. А вот его побаиваются, острого языка его.

Но дошло все же с Украины, что был этот человек там игуменом в местечковом монастыре. И фамилия его иная была какая-то. И то ли ему видение было, то ли просто в голову человеку зашло, а только вышел он на Пасху за монастырские ворота и вынес в берестяном коробе всю монастырскую казну и принялся швырять деньги в

толпу. Иные монахи зароптали, а он возгласил, что де Христос сказал: всё разделяй и будь человеком совершенным! В нищете стяжаете благодать духа святого!

Солнце ярко светило, с великой радостью селяне бежали с деньгами - ховать их подальше, чтобы после назад не отобрали.

А потом приехала комиссия. Не захотели отцы церкви всё разделять и быть людьми совершенными. Лишили игумена сана, расстригли, и в Сибирь в кандалах отправили. А как отбыл он свое в рудниках, прибыл в Томск и провозгласил себя графом Разумовским.

Иные забыли, а иные и никогда не знали, кем был он прежде. Многие его считают и впрямь графом.

Занавес всё не открывали, нетерпение росло. Прошел по залу шумок, Застучали ногами.

А за кулисами шли последние приготовления. Там под потолком помещалась огромная бочка, в неё, взбираясь по лестнице, натаскали ведрами воды из речки Еланки. С двух сторон сцены стояли пожарники в начищенных медных касках и держали в руках брандспойты. Еще стояли мужики с баграми. Обо всем этом распорядился Пфейлицер-Франк. Мало ли что? Гоголь! Пожара бы не случилось, тогда сразу должности лишат.

У рычагов театральной машины и поворотного круга стояли дюжие мужики и ждали команды. Декорации при помощи машины можно было перемещать в считанные минуты.

И вот занавес раскрылся. Декорации изображали гостиничный номер, на постели лежал Хлестаков. И грустил в безденежье. А потом пошли визитеры, и деньги ему совали. Деньги эти намалевал Олимпий, с вида ассигнации были, как настоящие, но огромных размеров, чуть не с простыню. Много было в постановке неожиданных штук. Попечитель богоугодных заведений, явился к Хлестакову в номер, ведя на цепи настоящего медвежонка. Публика захлопала, и зверь заревел и так дернул цепь, что чуть не вырвался.

И пьеса пошла! И смех был. А уж Хлестаков-то! Волочился и за маменькой, которую играла баронесса, и за дочерью, а это была хорошенькая белошвейка, отмеченная сценическим талантом.

И Хлестаков в одном из своих монологов сказал:

- Скоро в Сибирь еду, государь император приказал открыть в городе Томске университет, я его и открою! Ведь еще государь Александр Первый здесь университет открыть хотел, да не открыли из-за войны с французами. А теперь-то- самое время!

И если в начале пьесы прозвучало: "К нам приехал ревизор!", то в конце её громоподобно было провозглашено: "К нам приехал новый губернатор!".

Это было достойное окончание пьесы. Все кинулись к своим экипажам, и, соскучившиеся на морозе, извозчики, скорехонько отвязывали заиндеветших лошадок, кои были ими же привязаны к деревьям.

Светила луна, а экипажи катили вниз по Почтамтской к дому Вивеи Соколовой. Этот дом был построен по проекту придворного Петербургского архитектора Штакешнайдера, и был арендован для нового губернатора прибывшим в Томск еще в начале зимы усатым, неизвестным человеком, с фамилией кажется на Ша. Этот верзила, с густо нафабранными, пышными усами, нанял людей, чтобы реставрировать дворец.

После привозили из России мебель, а усатый её встречал, командовал, чтобы разгружали, заносили. А кто это такой с фамилией не то на Ща, не то - на Ша? Дворецкий, мажордом, или как еще там у них называется нынче в Питербурхе? Хоть бы единым глазком на нового губернатора посмотреть!

Экипажи останавливались в некотором отдалении от этого дома. Люди всматривались в окна особняка. Прежний губернатор Александр Дмитриевич Озерский Томск покинул уж несколько месяцев назад. Он правил восемь лет, к нему привыкли. А теперь, что бог дает? Очень уж молод новый губернский начальник: всего двадцать шесть лет, и уже - действительный статский советник! Вот персона! Другие до действительного за всю свою жизнь не могут дослужиться.

Что? Каков? Как выглядит хотя бы? Слухи есть, а правда где? Говорили, что по приезде губернатор в своей карете первым делом завернул к могилке старца Федора Кузьмича. Вышел, помолился, а уж потом поехал дворец осматривать. Постояли в сторонке, поглазели на окна, и по домам разъехались.

А недели через две новый правитель проявил себя. В томский пересыльный замок пришла партия ссыльных поляков с женщинами и детьми. Хотели их гнать дальше, а они легли на землю, дескать, никуда не пойдём, пока не подлечат женщин и детей, пока отдохнуть не дадут!

Новый губернатор приказал сечь всех плетью нещадно. Самолично приехал в пересыльный замок и смотрел, как втаскивали отощавших полячишек на эшафот, как пороли. Тюремщики и то были недовольны, в Сибири люди сочувствуют ссыльным. Здесь население такое, сами почти все из ссыльных да беглых. Но новый молодой губернатор об этом, видимо, ничего не знал.

В СТРАНУ ЗОЛОТЫХ МИРАЖЕЙ

В Тюмени, в ожидании парохода, Улаф Страленберг вспоминал удивительно длинный путь оставшийся позади. И говорили, что до Томска ехать придется еще долго.

Ранней весной он выехал из Петербурга в дилижансе. В кармане у него был красивый билет, в который была вписана его фамилия. Были бумаги от Российской академии наук, достать этот документ поспособствовал Вагнер через своих русских благодетелей.

Ехали по дороге, именуемой Владимиркой, мимо бесконечных деревень. Удивляли бесконечные просторы, с лесами, перелесками, степями, озерами и реками. Встречались на пути скалистые горы, глинистые склоны, бесконечное разнообразие деревьев и трав. Улаф занял место у окна дилижанса, пытался записывать названия селений, но дилижанс мотало на колдобинах. Кто-то ужасно бородастый и пропахший дегтем и винным перегаром то и дело сваливался головой Улафу на колени, а, просыпаясь, выкрикивал одно непонятное слово: "хабар!".

Улаф на всякий случай выучил это слово.

Уже полночь на какой-то станции все зашли на постоялый двор, где кипели самовары, обвешанные гирляндами маленьких сухих русских бубликов. Улаф, ни к

кому не обращаясь, сказал то новое для него словечко. И тотчас же полицейский чин, схватил его за шиворот:

- Пашпорт есть?

Рассерженный Улаф заговорил о том, что едет он с позволения высоких инстанций, что он - ученый. На что русский чин сказал:

- Багаж сзади с дилижанса срезали, а ты талдычишь. Чего у тебя в вояжере-то твоём, покажь!..

Самое печальное было в том, что в русских дилижансах водились клопы, они немилосердно впивались в тощее тело Улафа. Он всю дорогу про себя ругался по-шведски, и никак не мог заснуть, хотя остальные пассажиры, почесывались, но спали...

Вспоминая проделанный путь, Улаф поеживался, от неприятных мыслей, и от холодного ветра, который в начале июня здесь был немилосердным. Он заходил в пристанской буфет. Пил жидковатый чай из не очень чистых стаканов. Подстаканники были зазубрены, словно их кто зубами грыз.

Наконец к причалу пришвартовался пароход.

Он имел прозвание - "Каролина" и был невелик, всего несколько человек помещалось наверху в каютах, это были высокие чиновники, либо сибирские сверхбогатеи, прочие ехали в трюмном помещении, где для приличных людей были поделаны полати, остальные спали вповал на полу, на подстилке из соломы.

Садясь в Тюмени на "Каролину", он надеялся отоспаться. Из экономии взял место в двойной каюте. Напарником его оказался кряжистый русский купец, звали его Лошкаревым Ильей Ивановичем. Первым делом здоровяк достал из кожаной сумы штоф зеленого стекла и предложил выпить за знакомство. Улаф отказался, ссылаясь на головную боль.

- А она, родимая, всю боль как рукой сымает! - сказал Илья Иванович.

- Спробуй!

Улаф поблагодарил, но пить не стал, и прилег на койку в ожидании блаженного сна. И он действительно заснул, но ночью его тело стало жечь, как крапивой. Он встал, засветил фонарь: койка была словно клюквой вся клопами усыпана.

Проснулся и Илья Иванович, почесался, сказал:

- Как же ты, любезный шведец, без этого зелья уснуть думал? Никак невозможно! На-ка, прими... - он набулькал из штофа в кружку и подал её Улафу. И тот - была, не была! - выпил всё махом.

И стало ему веселее, он спросил попутчика, чем тот торгует.

- Чем ни попадай! - ответил купец,- а чем твоя милость промышляет? - И что это за медаль на груди твоей золотая?

- Сие не медаль, это мне от предка память осталась, бронзовая пластина в виде оленя. Мой предок Иоганн Страленберг в Томском городе в плену находился. Туда теперь и еду, поклониться тем местам.

- А чего зря кланяться? - сказал купец,- не иначе - у тебя другой интерес имеется.

- О, да! Я буду изучать флору и фауну.

- Ага! В Швеции тебе баб не хватило, теперь ты едешь хороводиться с какой-то там Фаиной и этой, как её... Флориндой! Так я тебе и поверил, что в такую-то даль ты за бабами отправился, не иначе наше золотишко хочешь покопать...

- Да поймите вы, я ученый! - рассердился Улаф,- флора и фауна - это растительный и животный мир. Я буду изучать ваши травы и деревья, ваших зверей птиц, рыб. Ну и минералы тоже, золото тоже. Я смогу быть полезен вашим промышленникам, смогу определять - какова плотность металла, какие примеси.

- Ага! Стало быть, ты полезный человек. Я, пожалуй, найму тебя золотишко в тайге искать.

- Нет, я геологией не занимаюсь, я химик...

- Там разберемся, раз в золотишке понимаешь - нужный человек...

Выпитое разморило Улафа, он забылся тяжелым сном. А очнулся от крика возле окна каюты.

- Ты что же, немец, тучу клопов на своей посудине развел?! Они с меня за ночь всю кровь повыпили, я уж её вином разбавляю, разбавляю, а они всё пьют, да пьют! Я жаловаться стану! - кричал на весь пароход Илья Иванович.

- Что делать, ваш степенств? В каютах мы машем щелочка керосином и сыплем персидский порошок. Но весь пароход не замашешь и не засыплешь. Народ ехать тут всякий. Каторшников заставлял прать до Томска. - Оправдывался капитан,- то, вынимая изо рта трубку, то, снова беря её в зубы.

- Ваш степенств, слышаль, что было с капитаном парохода "Гордый" Альфредом Краузе? О! Этот Альфред был отшень вспылчив тшеловек! Он порол матросов, чтопы делать чисто-чисто! Всё было чисто, а клопы не умирали!

И тогда он заливал всю каюта керосином, а клопы его всё кусаль. Он тогда сказал давать факел, бросал в каюту, запирали её на ключ, и так говорил для маленьки клопик: "Теперь все будете гореть, думкопф,5 сволотш!"

И што делал?! Весь каюта сгорал, вся пароход сгорал, вся команда прыгаль в Обь, сам Альфред Краузе тоже прыгаль. А теперь капитан Краузе кормит отщень много маленьки клопик на тюрьме.

Так что лучше будем потерпеть. Клопик пьет нашу крофь, знатшит, он есть наш крофный родня! Ах-ха-ха! - развеселился капитан.

Смирился с клопами и Улаф. Он старался больше времени проводить на палубе. Он уже познакомился с двумя россиянами, плившими в Томск. Один из них был художник Франц Литке, получивший пенсион от академии художеств, он был избран для этой поездки в дальний Томск из многих других молодых художников, ибо ему удавались и пейзажи, и портреты, надо же было кому-то запечатлеть быт сибиряков?

Пароход вилял по реке Иртыш, эта река закручивала такие петли, что пароход иногда плыл в обратном направлении, чтобы повернуть в конце петли.

Высоченная труба выбрасывала черные клубы дыма, Торчала вровень с трубой парусная мачта, на конце которой развевался трехцветный флаг. Парус ставили в особых случаях, если кончались дрова, либо мощи машины не хватало.

Люди в долбленных лодчонках, ловко направляли челны свои к пароходу, и что-то кричали вслед. Улаф до сих пор изучал лишь древние языки, а из современных хорошо знал только европейские, но он вдруг понял несколько остяцких слов.

И когда случилось пароходу пристать к берегу, Улаф стал разговаривать с аборигенами. И они говорили, что это торум-маа, и он понял, что это земля священная. И один держал в руках корень, оструганный в виде журавля, с натянутыми струнами, и играл мелодии, и пел слова, и это было похоже на скандинавские саги.

Франц Литке, примостившись на связке канатов, установил подрамник с холстом, и на нем как бы проявлялись здешние берега, люди, несущие к кораблю огромных копченых осетров, и люди, таскающие в кожаных мешках колотые дрова из прибрежных сараев. Они складывали дрова на палубе парохода, и матросы давали им по чарке. И чудесный музыкальный инструмент звенел, и ему подпевали обские волны.

Пароход зазвонил в колокол, затарахтел, забухал плицами по воде, и черные клубы дыма вырвались из трубы.

- Шайтан! Шайтан! - кричали на берегу, и махали руками и связками прошлогодних белок:

- Шайтан! Меняй! Пить давай! Куда, куда?!

Илья Иванович сказал, что сюда надо приплыть потом за рыбой и мехами.

- Да! - сказал Улаф,- рыба тут удивительная, крупнее морской.

- Это что! - воскликнул Илья Иванович. - Милай! У меня случай был. Рыбалил я. В лодке по Оби со своей охотничьей собачонкой плыл. Собачонка Кутька возьми да свалилась в воду. И тут же щука вынырнула, почти, как моя лодка, пасть раззявила, хватать мою собачонку, и была такова. Ладно. Причаливаю к берегу, бедою убитый. А тут рыбаки невод тянут. Гляжу, агромадная щука в том неводе бьется. И слышу, глухо, как из-под подушки, Кутька скулит. Братцы! - говорю, - вспорите гадине брюхо, собачка моя там.-Один рыбак взял тесак да по брюху зверине полоснул. И выскочил оттуда Кутька и давай щуку кусать...

Улаф не знал, что и думать, верить ли столь странному рассказу? Но Илья Иванович человек солидный, врать не должен.

От нечего делать, они решили хорошенько ознакомиться с судном. Спустились в трюм. Он был перегорожен железными прутьями, за этой изгородью лежали и сидели на соломе кандальники в полосатых одеждах. Улафу это напомнило Стокгольмский зоопарк, только здесь за решетками сидели не люди, а звери, и там не было часового с ружьем, а здесь он был, и внимательно наблюдал за узниками.

Илья Иванович подошел к решетке и, просунув руку, бросил кандальникам кисет. Один из арестантов кинулся к решетке, и что-то сунул купцу в руку.

Тотчас же часовой закричал:

- Ваше степенство! Чего это вы себе позволяете! Отойдите от решеток сейчас -же! Чего они вам передали?

- Ничего, милый! - отвечал Лошкарев,- табачку я им дал, а они мне - денежку. Вот тебе на водку...- и сунул рубль часовому в карман камзола.

- Что сделали эти люди? Зачем их так много?- спросил Улаф.

- Эка, много! - отвечал снисходительно Лошкарев,- у нас, почитай, вся Сибирь - сплошные мазурики. Такая, брат, страна, да ты привыкай помаленьку, шведец, у нас тебя быстро русским сделают...

Обедали они в буфете. Там было несколько очень важных господ. Один даже был во фраке, с золотыми запонками. Он сетовал на то, что в буфете нет ни устриц, ни омаров.

- Зато осетрина первосортная, ваше превосходительство! - кланялся ему буфетчик.

Вдруг в буфет вошли еще двое, один - в штатском, крепыш, похожий на борца, другой - полицейский.

- Ах. Вот ты где, Малевич! А мы тебя обыскались!

Фрачный фронт погрозил пальцем, на котором сверкал перстень с бриллиантами:

- Обознались, очевидно...

Он взял бутылку шампанского, словно хотел налить вина. И вдруг, выбив стекло, скакнул в окошко.

- Держи! - раздался истошный крик.

Фронт, как был, во фраке и лакированных ботинках, спрыгнул с борта в волны Оби.

- Глуши машину! Спускай на воду лодку! - кричали штатский и полицейский.

- Пароход - не телег, сразу не тормозиль! - сердился капитан,

А пловец был уже далеко, и видно было, что скоро доберется до спасительного берега, где шумел сосновый лес... Пассажиры сгрудились у одного борта, азартно наблюдая за беглецом.

- Вы мне топиль пароход! - кричал разгневанный капитан. - Отходить от борта! Матрос! Гнать всех к матерям чертьячьим!

Беглец вылез на берег и исчез. Пароход причалил к берегу и ссадил полицейского и штатского крепыша. Поплыли дальше.

- Кто это был? - допытывался Улаф. Ему отвечали неохотно, сквозь зубы:

- Как знать? Кто? Полячишко. Ты же знаешь, что полячишки монарха нашего извести хотят, грамотный, должно быть, господин, поди, в Париже бывал?.

А на верхней палубе Улаф Страленберг услышал разговор двух господ:

- Малевич? О! Штучка! Был студентом Венского университета. Набожный был католик. Добился аудиенции у самого папы.

Вот, благоговейно, приблизился, а папа ему из под сутаны свою туфлю для целования выставил. Понимаешь? Папа на троне со скрещенными ключами от рая, туфля вся в драгоценных камнях.

И тут Малевич махонького паучка на кончике туфли увидел. Вроде приложился к туфле, а святости не ощутил. И затосковал.

Вернулся в Томск и в православные записался. И стал на пароходах в карты играть. Вид благородный, едет первым обычно классом. А уж какой купец или чиновник сядет с ним в карты играть, на пристани сойдет нищим совсем. Малевич-то заранее покупает сотни колод, на торце карты чуть метит бритвой. Потом колоды эти в пристанские магазины и в пароходные буфеты продает. Ну, у него на пальцах кожа для чувствительности срезана. Вскрывают новую колоду, купленную в буфете, а Малевич-то уже наощупь может узнать каждую карту, вот как! И полиция его поймать никак не может. Вот и теперь сбежал. Да уж то хорошо, что православным стал, на церковь хорошо даёт.

Улаф ушел в каюту, а голове звучало: Торум-маа!. Музыка. Тусклое солнце, бесконечно меняющиеся пейзажи.

Пароход бухал плицами, баюкал. Клопы кусались. И всё же Улаф приучился не обращать на клопов внимания и спать под мерный шум воды.

9. ГДЕ МАКАР ТЕЛЯТ НЕ ПАС

Прииск был скушен. Кучи развороченной земли, срубы, перегородившие малую таежную речушку. В окошки можно было видеть лишь мужиков, не снимавших овчинных шапок и с наступлением лета.

Здесь дом Оленевых был просто избой, где размеренно и, как бы немножко сердито, били старинные немецкие часы, привезенные из Петербурга.

Дом оживлялся, когда мадам Ронне учила пению Веру. Все пассажи уже давно были выучены, но мадам доставляло удовольствие слушать как бы чуть раздвоенный голосок хозяйской дочери. Это пение было мечтой о будущей жизни, о невероятных и удивительных приключениях и удовольствиях, которых Вера была начисто лишена в тайге. Рояля на прииске ни у кого не было, пели под гитару.

И голосок девочки выражал такую тоску, страсть и муку, что мадам Ронне подумала. Откуда, что берется? Девчонка - совершенная наивность, она, поди, думает, что детей находят в капусте. Она, в сущности, дитя еще. И такая страсть в пении!

Мадам вздохнула. Её молодость прошла в варварской стране. Здесь она не могла составить свое счастье. И молодела душой около этой наивной очаровашки.

Вошел Николай Николаевич, отец Верочки, послушал молча, вышел. Мадам вздохнула. С портрета на стене Николай Николаевич глядел совсем мальчиком, жена его, покойная Иродиада Игнатьевна, смотрелась даже старше, хотя на самом деле была моложе.

Когда они приехали в ссылку, в прииск, жена его, оглядев скудную местность, похожую по её словам на лунный пейзаж, загрустила. С месяц она болела скоротечной чахоткой. Доктор говорил, что недолго ей жить, она и выпила яду, взяла на себя такой страшный грех.

На руках Николая Николаевича осталась двенадцатилетняя Верочка. Прошло всего полгода, и Верочка расцвела. Откуда что взялось! Никакие несчастья не могут сломить отрочество, юность. Потому, что молодость сама по себе и богатство, и радость.

А Николай Николаевич в ссылке сильно изменился. Ушла куда-то былая гордость, взор погас. По утрам он по-прежнему в полосатом костюме выходил на воздух, приседал, гнулся, выжимал гирю. Но вечерами всё чаще сидел возле окна, грустный и задумчивый. Иногда открывал шкаф и выпивал рюмку-другую без всякой причины, чего раньше никогда не делал.

Дальние родственники в Петербурге, обещали оплатить Верино обучение в Томской гимназии. Там есть пансионат, и, слыхать, преподают очень достойные люди. Мадам не хотелось ехать в неведомый Томск. К тому же ей жаль было оставлять одного Николая Николаевича. Ему и так тяжело. Но что же делать? Велено ей сопровождать девочку. Томск, говорят, губернский центр. Хотя это та же Сибирь.

Верочка была рада отъезду, возбуждена. И говорила гувернантке, чтобы та спросила у папеньки денег на бельё, непременно надо взять в Томске. Там, говорят, самое модное английское и голландское можно взять. И панталоны, как у Лики Карасевой. Ей привезли изумительные, с кружевом!

Мадам знала, что у папеньки денег нет, и в долг ему уже не дают. Но обещала воспитаннице купить всё в Томске новое, модное. И вздыхала, потому что знала: придется тратить собственные деньги.

Панталоны, как у Лики! Ах, дитя, дитя! Лика эта, чучело гороховое, корчит из себя англичанку. А где она англичан видела?

Оленев эту минуту шел с хозяином прииска к каретному двору. Только что Авдей Гурьянович Карасев показал ему приискового буяна Микишку Рваного. Мужика этого спустили на дно глубоченного шурфа, в нём можно было лишь стоять, вылезти из него было невозможно, да и казак охранял. Хозяин крикнул Авдюшке:

- Будешь сидеть, пока не задохнешься в собственном дерьме!

Вина Авдюшки состояла в том, что он сманивал рабочих бежать с прииска. Золото в пробах оказалось хуже, чем предполагалось. К тому же Карасев заставлял многих людей чистить свои конюшни, готовить для дома дрова, даже за поломоек быть. Рабочие стали сомневаться в оплате. Были среди них разные бродяги, но были и ссыльные поляки.

Николай Николаевич обязан был ловить беглецов, для этого у него был отряд казаков, и местных старожилов, челдонов из соседней таежной деревушки.

Челдоны подрабатывали ловлей беглых. Всех городских они считали жуликами, и только жителей своей деревушки признавали за людей. Им не нравилось, что пришлые нарушают вековую тишину, губят речушки, ловят рыбу, бьют шишки, то есть берут то, что челдоны считают своей собственностью.

Оленев тяготился своей приисковой должностью. Ему не хотелось никуда ехать сегодня, слушать бы Верочку, вспоминать о прошлом. Но хозяин...

- Да болен ты что ли, Николай Николаевич?- недовольно сказал владелец прииска, который сам же был и управляющим,- ходишь квелый, а еще офицер! Я тебя взял на службу, как военную косточку!

- Я вполне... - только и сказал Николай Николаевич,- говорить ни о чем не хотелось, голову ломило.

Конюхи вывели оседланных монгольских лошадок, только на таких лошадках и можно ездить по тайге. Маленькие, но выносливые, привычные к таежному гнусу. У всадников к картузам была пришита смазанная дегтем кисея, спускавшаяся им на плечи. Это мало помогало. Оленев чувствовал, что мошкара забивает нос, попали мошки и в легкие, Оленева душил кашель.

- Пора бы обвыкнуться! - насмешливо говорил Карасев,- нежные вы, франты столичные, нас, тутошних, и мошка не ест, надоели мы ей, да и кожа задубела.

Казачи ехали привычно, словно срослись с лошадьми, пристально взглядывали по сторонам.

Где-то в глубине тайги вдруг раздался звериный, потрясающий вопль. Вылетев на прогалину, всадники, осадили лошадей. На поляне на острие сломленной осинки сидел мужичонка, из горла которого вырывались нечеловеческие звуки. Штаны мужичонки были спущены и залиты кровью, челдоны держали его за руки, давили ему на плечи, чтобы импровизированный кол вонзался всё глубже в нутро мужика.

- Прекратить! - крикнул Николай Николаевич.

- Как бы не так, - ответил один из деревенских, - этот бегляк нашу вершу с рыбой из речки вытянул. Ему бы сперва одну руку отпилить, потом другую, а уж потом на кол...

На коленях к всадникам подполз еще один приисковой мужик:

- Заарестуйте нас! Что хотите, делайте, только отберите у этих таежных иродов!

Возвращались, конвоируя шестерку рабочих, все они были привязаны к одной веревке. Один из них, поляк, говорил:

- Мы не рабы, вы сами не выполнили контракт, не платите и кормите гнилыми сухарями. Я буду жаловаться...

- Ты прежде сдохнешь от чахотки! - мрачно пообещал Карасев.

В ту же ночь загорелся дом управляющего. Все метались, кричали, было страшно. Николай Николаевич вместе со всеми стоял в цепочке, передавая ведра с водой, а мысли были о Верочке.

Дом выгорел дотла, Карасев отбыл в Томск, за полицией. Охранять арестованных рабочих должен был Николай Николаевич. Он отдал распоряжения казакам. Проверил самолично запоры на арестантской избушке. Вместиться туда могло от силы человек десять, а набили три десятка. Поляк кричал в зарешеченное окошечко:

- Кровосос! Душитель Польши! Бог покарает тебя!

Вернувшись поздно в свое жилище, Оленев хотел зажечь свечу, чтобы написать в Петербург прошение о помиловании. Но не нашел спички, и вдруг увидел, что окно превратилось в игральную карту, это была дама бубей. Он видел, что она подмигивает ему, это была Анелька.

- Вы не графиня Потоцкая, вы знаете кто?.. - обратился он к ней, но Анелька исчезла, а в раме возникла трефовая королева, и это была его покойная жена:

- Ты должен пойти со мной, ты стал шестеркой, а должен быть королем, ты же сам это понимаешь...

Он встал, недоуменно оглядываясь, часы в гостиной пробили двенадцать. Он вышел в залу, во всех окнах было темно, но откуда-то проливался мертвенный свет, вроде лунного, и он смог различить, что в каждом окошке с топориками на плечах поместились червонные валеты.

Он шагнул к двери, но и там стоял валет с топориком. "Нет, не уйти!" - подумал Николай Николаевич. Он вернулся в кабинет, лег на диване, укрылся пледом. Его била противная дрожь и страх гнал сердце вскачь, казалось, оно сейчас лопнет, и это было невыносимо. Скорее бы утро - молил он бога.

Но он не дождался рассвета. Ему было душно. Встал потихоньку, накинул шинель, вышел, побрел по темному поселку.

И утро настало. Мадам Ронне, постучала в спальенку своей воспитанницы и запела вполголоса французскую песенку, про петушка, который раньше всех приветствует солнце.

Верочка потягивалась в постели и говорила:

- Ах, мадам! Всегда вы так. Только приснится что-нибудь приятное...

- А что именно приятное было во сне моей малышке?

- Не скажу, секрет! - надула губки еще не совсем отошедшая от сна Верочка.

В это время с улицы вбежал мужик, Федор, беглый солдат:

- Николай Николаевич застрелен!

Мадам Ронне стукнула его кулачком в грудь:

- Ты почему ораль, негодяйный мушик?

Она хотела сказать, что эта скотина, могла бы и догадаться, что нельзя такое - при дитяти. Да еще правда ли? О, варварская страна!

Вытолкав мужика из гостиной, мадам спросила хрипло:

- Правда есть? Где это есть?

- Чего же я врать буду?- обиделся мужик,- зачем-то ночью по поселку бродил. А арестанты проклятые подкопали избу вылезли. Полячишко Николая Николаевича из ружья застрелил, выследил... Убег полячишко в тайгу, за ним теперь гоняются...

В сени пахло летом, в остатках сена запутались кровавые гроздья рябины.

И сюда принесли тело Николая Николаевича. Сесилька прислонила к его губам зеркальце и - зарыдала.

В сени выбежала Верочка. Мадам вскочила, закрыла ей личико своим подолом.

- Уходить! Не смотри!

Мадам в волнении путала русские и французские слова.

Вера не плакала, может, еще не охватила своим детским умом случившееся.

Отца она любила, как всякая дочь, встречая проявления отцовской любви, она неосознанно тренировала себя для встречи с мужским началом. Она чувствовала приливы нежности, когда отец обнимал её. Она была его частью, так она чувствовала. А теперь? Нет матери и не стало отца...

Но солнце вскоре высушило слезы в её чистых глазах. Теперь она - почти самостоятельный человек. И впереди - жизнь. Это немножко облегчало тяжесть свалившегося на неё горя.

НА СЕМИ ХОЛМАХ

Нет ничего благоднее и прекраснее на свете, чем весна в старинной столице Сибири. Там, где бывает так длинна и так сурова зима, оживление природы воспринимается с особенным чувством.

Со всех семи её холмов к полноводной Томи и к речке Ушайке устремляются тысячи талых ручьев. Всё ярче пригревает солнце, и в его лучах играют бликами купола церквей в самых высоких точках города. И подсыхают глинистые проплешины на склонах гор, и среди этих проталин вспыхивают вдруг голубые и желто-зеленые, подернутые пушком бутоны кандыков, или подснежников, как их тут называют. А потом возле реки, напоенные снеготочками, зацветают вербы, а шишечки их, если взять в рот, слаще меда. И солнце играет, и колокола звонят, и сладким предчувствием счастья захлебываются сердца молодых, и светлеют лица стариков, доживших до очередной весны, и любо им смотреть на божий мир, который никогда не стареет, а обновляется, что ни год.

Позади сорок холодных утренников. На Матрену щука хвостом пробила лёд, и поплыл он из Томи в Ушайку. А молодежь - тут, как тут! Зажигают вечерами на льдинах костры, и отталкивают их от берега. И плывут в ночи яркие огни через весь город. Дальше - в неизвестность. И целуют парни губы подруг, горькие и сладкие от вербных шишечек.

Удивляются парни тому, как радостно восторгается тело. Кто же придумал для них мир, такой чудный!

В весну 1864-го в старинном Томске радовались не все жители. Так уж устроена жизнь, что одним чего-то передали, другим - недодали. Говорят - за грехи родителей, за несправедную жизнь. Но кто знает истину?

Миша Зацкой, тонкий, синеглазый юноша с длинными черными ресницами и сросшимися у переносицы бровями, ходил по берегу Ушайки, сторонясь шумных компаний, и вздыхал.

В детстве ему казалось, что впереди его ждет блестящая карьера. Сын опального сосланного в Томск дворянина, Миша готовился взять реванш. Только окончить гимназию и поступить в Петербурге в университет. Он докажет, чего стоят Зацкие!

Но несколько лет назад выяснилось, что отец Михаила, вложивший все деньги в акционерное общество - банкрот! Черт попутал старшего Зацкого, и он связался с Философом Гороховым.

Кто не знал в Томске Философа Горохова?! Он выгодно женился на дочери золотопромышленника Филимонова, бросил свою прокурорскую службу, построил себе дворец с зеркальными окнами, и разбил вокруг этого дворца фантастический парк, который ему обошелся в двести пятьдесят тысяч рублей.

Были в этом парке и реки, и озера, арки и гроты с лабиринтами, и мостики, и ротонды.

Иная беседка была оформлена в греческом стиле. Другая как бы переносила вас в Китай. Поражали, доставленные из Поднебесной, мебель и ширмы с драконами, кланяющиеся болванчики,

По стенам были развешены шелковые китайские халаты, а на полу постелены китайские ковры. Сами потолки в китайском павильоне и стены были отделаны перламутром и по ним резвились драконы.

Были беседки прозванные Убежищем уединения, был на островке хрустальный павильон, сиречь -масонский храм Капитолийской Венеры, там полагалось уединяться для любовных утех. К "Острову любви" вел мост, украшенный скульптурами крылатых львов.

В оранжереях сада выращивали апельсины и бананы.

Сам дворец был тоже полон дорогостоящих причуд. У входа в него вас встречали узкоглазые медные тигры. В прихожей стены были отделаны серебром и золотом, и в лазурных облаках резвились кучерявые купидоны, крылатые кони, и самые непонятные чудища.

В одной обширной комнате была библиотека, все стены были уставлены фолиантами в позолоченных переплетах. Названия для корешков книг Философ Горохов придумал сам, были там романы под названием: "Порок и добродетель", "Бедность и богатство" и подобные им. Но внутри книг были лишь совершенно чистые страницы. И бесполезно было просить у хозяина какую либо книжку для прочтения.

Горохов нередко закатывал обеды для городской знати, причем на столе можно было видеть тарелки с видами, которые открывались из окон дворца, а полуведерные бокалы для Шампанского были на ножках такой длины, что их ставили возле каждого гостя на пол.

Горохов с великим азартом организовывал акционерные общества. Скупал прииски, рисковал лихо и безоглядно. Все удивлялись везунчику.

Неудивительно, что Горохов в 1850 году разорился. Дворец и сад были проданы, что говорится, с молотка, а сам Философ поселился во флигеле, неподалеку от дворца.

Однако бодрости он не потерял, и тут же затеял акционерное общество по оборудованию нового перспективного золотого прииска. Философу многие верили. Поверил и отец Зацкого. А почему бы и нет? Виталий Михайлович Зацкой был тяжело болен чахоткой, служить не мог. Горохов же был прочно связан с золотоискательством. Почему не поверить в его звезду? Не рискнуть?

И Зацкой был в отчаянье, когда узнал, что новый прииск оказался бесперспективным, а когда началось разбирательство, в прокуратуру из гороховского флигеля отвезли двенадцать возов долговых обязательств. Среди них было и долговое обязательство, по которому Горохов сулил вернуть деньги с процентами и Виталию Михайловичу. Другие расписки были даны Гороховым бесчисленным мелким томским торговцам, ремесленникам, крестьянам многих волостей губернии.

После этой конфузии отец Миши Зацкого скорострительно скончался. Матушка, Ксаверия Никитична, не была приспособлена к каким-либо трудам, она могла лишь немного подрабатывать шитьем дамских платьев. Миша должен был оставить гимназию и искал какую-нибудь работу. Но чистой и благородной работы все не находилось.

Теперь Михаил в грусти прогуливался у реки, а вокруг него гомонили парни, девушки, подростки шастали. Звенели гармошки, гитары и мандолины. Уже вечерело. И парни разводили на приткнувшихся к берегу льдинах костры, а затем отталкивали - шестами. Льдины плыли вращались, и несли на себе живые огни, создавая впечатления праздничного чуда.

- Садись, Танька! Покатаю! - приглашал девушку в облас, парень в полосатых панталонах, заправленных в смазные сапоги и с обнаженной грудью, по манере сибирских бакланов. Пальто ли, шубейку ли полагалось на груди расстегивать, как и ворот рубахи. Каргуз был лихо сдвинут на бок, а за ухом примостилась вербная веточка.

- Ты чо, ты чо?! - отвечала Танька, - льдины, эвон, прут, потонем!

Она была права: в обласе, в сибирской долбленной лодке, плыть полагается, не берясь за борта, балансируя всем телом особенным образом. Это опасно и в тихую погоду, а в такую ветреную, когда на реке волны, и ледоход, просто жутко.

К берегу подошел высокий согбенный старик, в пальто с бархатным воротником и без шапки, на облысевшей голове торчал спереди неряшливый хохолок.

- Меня прокатите, юноша! - обратился он к баклану,- люблю риск, как говорится форс мороза не боится!

- Лезь! - коротко согласился парень, старик уселся в лодке.

- Смотрите! Горохов с Васькой кататься поехал, - сказали на берегу.

- Ну, берегись, турецкие адмиралы! - воскликнул старец,- сейчас мы вам покажем Кузькину мать!

Лодка пошла наперерез громадной льдине, но проскочить не успела, льдина её перевернула и затопила.

Парень поплыл вразмашку к берегу, отплевываясь и матерясь. Горохов вынырнул и завопил:

- Эй! Мать твою за пятку! Куда! Помоги! Судорога ноги свела! Тону! Да люди вы или нет, помогите!

На берегу, как ни в чем не бывало, продолжали звенеть гармошки. Промокший и дрожащий баклан прыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха и ругаясь:

- Зараза, один сапог утопил, надо же! Как же я в одном сапоге-то? И облас не мой ведь, у Петьки взял...

Про Горохова этот парень и думать забыл.

- Судороги, мать вашу!- надрывался Горохов- помогите, сволочи! В былые времена, небось, все бы разом за мной в воду кинулись! Ох! Караул!..

Миша Зацкой скинул пальто, снял ботинки и бросился в ледяную воду. Он успел подплыть к Горохову как раз вовремя.

Философ Александрович, успел наглотаться воды и готов был пойти ко дну. Миша уцепился за одежду Философа и поплыл, увлекая старика за собой.

Вылезли на берег, у обоих зуб на зуб не попадал. Горохов, борясь в воде за жизнь, скинул ботинки и пальто, теперь, на ледяном ветру, без верхней одежды, он готов был отдать богу душу. Миша сказал:

- Сейчас я на вас свое пальто надену. Где же оно? Я ж его вот тут положил. И шарфа нет, и шапки? И ботинок? Как же так? Вы не видели? - оборотился он к веселой молодежной компании. Но не получил ответа.

Горохов кашлял, выплевывая воду, ощупывал грудь, он сказал вполголоса:

- Я бы и сам выплыл, меня кираса книзу тянет, тяжеленная, зараза! Приходится под рубахой её носить, а то ведь зарезать могут. На меня многие зуб точат! Деньги им не вернул. А того в расчет не берут, что я-то сам всем своим состоянием рисковал, что у меня всё пошло прахом!.. Бежим! - возьмем извозчика!

Они побежали, мокрые, полураздетые, озябшие. На Акимовской увидели извозчика, разом завопили:

- Эй-эй! Сюда!

Извозчик перетянул кобылку кнутом, обернулся и сказал:

- Стану я всяких шаромыг возить. У вас и денег-то сроду не бывало, пьянчуги подзаборные!

Кое-как добежали они до флигелька, в котором теперь жил Философ Александрович по соседству со своим бывшим дворцом.

Миша с любопытством оглядывал жилище бывшего томского герцога, прожившего долгие годы в необычайной роскоши. В комнатах было не прибрано и холодно, на полу почему-то стояли немытые кастрюли. Стулья были хромоногие, и лишь роскошный, полированный комод, с изумительной резьбой напоминал о прошлом богатстве и могуществе.

- Так проходит мирская слава! - развел руками Философ Александрович,- все меня забросили. Идемте, юноша, на кухню, там теплее...

На кухне старик снял рубаху и стал снимать тяжеленную кирасу, кряхтя и стелая:

- Ох, тяжко! Людей, как зверей приходится бояться. А ведь я всех кормил, привечал. Теперь вот без пистолета и кирасы и на улицу страшусь выйти!.. Ага! Вот я надену свой старый халат! Так лучше! А что же вам предложить? Подходящего ничего нет. Вот! Накиньте на себя этот старый коврик! Сейчас мы винца по бокалу шаракнем и согреемся. Вино, конечно, дрянь, раньше я его и в рот не взял бы, но что же делать?..

И жена уехала к дочерям. И с детьми не повезло. Сын, Володя, во втором классе еще сподобился раздобыть сифилис! Юноша! Остерегайтесь! Не торопите время! Что было с Вовой? Ославлен был! Из гимназии отчислили. Уехал на дальний

прииск, стреляться там пытался. Устроил я его в военную службу, теперь поручик, на краю света, на Амуре. Ах! Берегите себя, юноша!

- Взгляните, юноша, в окно, вон мой дворец. Они его купили, и привели в запустение! Проводят там балы. А обновлять дом за них дяденька будет? Сад вырубается, павильоны сломали. Но нет! Я не сдамся! Они еще узнают, кто есть Горохов!.. Смотрите!..

Старик расстелил на столе самодельную карту:

- Вот видите, это обозначен приток реки Ушайки - речка Колбиха. Там еще колбы много растет. Здесь были в прошлом хорошие прииски: Михайловский, Покровский. Шведско-американская компания золотишко мыла, наши - тоже. Небогато мыли: двадцать доль золота на сто пудов песка. Песковое золотишко. А я там нашел в одном месте золото жильное и пшеничку б.

Только добыть бы мне немножко мне деньжат, чтобы артель сколотить, оборудование да провиант закупить, мы с вами миллионщиками станем! Займите тысячи полторы? Нет? Не можете? Ну, хотя бы сотню? Я прииск налажу, всё вам верну и то, что вашему батюшке, царствие ему небесное, задолжал, и то, что вы дадите, верну с большими процентами. Какой процент вы хотите?

Мише Зацкому стоило больших трудов убедить Философа Александровича в том, что он в этом деле не помощник.

В полночь Миша, укрываясь гороховским старым ковриком, пробрался задворками к себе домой.

Через день он отнес бывшему богатею его ковер, Горохов заболел и лежал обмотанный полотенцем, смазанным горчицей. Он попросил Мишу сделать воронку из плотной красной бумаги. Воронку вставили Горохову в ухо, и Миша поджег её. Когда воронка догорела, из уха эксмиллионера потек гной.

- Спасибо, добрый юноша! - прохрипел Философ Александрович, - мы еще будем с вами кушать из золотых блюд, и вокруг нас будут танцевать прекрасные наложницы в прозрачных шальварах.

- Поправляйтесь, я схожу попрошу у мамы вишневого варенья для вас. Кажется, у неё баночка одна в кладовке осталась.

- Спасибо мой юный друг, мы еще будем купаться в золоте.

11. ЦВЕТЫ И ФЛЕЙТА

Адам Флориан Верхрадский имел зимние теплицы на окраине Томска у Дальних ключей. Здесь никогда не застывал ручей у Большого ключа, вода кипела в ключе, как в котле, люди носили водицу на коромыслах, возили на санках, приезжали к ключу водовозы с бочками. Не было более сладкой в городе воды, более тихого места. Березы поднимались по косогорам, свистели синицы, щеглы, чечетки. В теплице топилась печь, дымоход был хитроумно пущен наподобие китайского кана вдоль всей теплицы, возле грядок. Здесь созревали тыквы, расцветали розы и тюльпаны, и прочие цветы. Само имя Верхрадского рождало его дела. Адам - первый человек на земле. И он был первым в Томске, кто открыл магазины цветов в Томске. Флориан... А разве не любовью к флоре диктуются его дела?

Угрюмый поляк, со шрамом во всю щеку, встречал гостей, проверял у них медальоны. Поляки знали: жандармский полковник Герман Иванович Плюквельдер - пьяница. Но зато роют землю зубами - начальник охраны Евгений Аристархович и полицмейстер Шершпинский. Как бы не пронюхали про теплицу. Вот почему каждый проходящий должен был предъявить треугольный жестяной медальон, в который было вделан кусочек зеленого стекла.

Флориан, усатый красавец, хлопотал возле стола, поставленного посреди теплицы, две работницы-польки, в национальных костюмах, украшали стол вазами с цветами. Молодой поляк подошел к зеркалу, надел на русые кудри конфедератку, и спросил:

- Ну, как, Войтек?

Притель, к которому он обращался, вздохнул:

- Уж сколько на базаре смотрел, не продают конфедераток. А жаль.

Адам Флориан Верхрадский обернулся к парням:

- Не грусти, Войтек! Мы договорились с Этой Рабиновичевой, содержательницей бани с Мухинской улицы. У ней при бане есть сторож, старый еврей, который умеет шить конфедератки, он у любого поляка примет заказ, посмотри-ка какую мне сшил!

С этими словами Адам-Флориан надел конфедератку на свои светлые кудри и расправил усы.

- Жолнеж7 свободы! - разом вскричали поляки. У входа в теплицу послышался шум. Могучий привратник позвал Верхрадского:

- Хозяин! Тут какие-то господа пришли, тебя спрашивают. Я им говорю, что в теплицу посторонним ходить не разрешается, они не хотят слушать! Встревоженный, Адам-Флориан направился к дверям, увидев пришедших, расплылся в улыбке:

- Друзья! Я так рад! Да пропусти ты их, Юзек! Свои!

- Сами же говорили, что без зеленого медальона никому нет ходу, - недовольно сказал Юзек, пропуская мужчин.

Прошли к столу, и Верхрадский представил всем собравшимся новых гостей:

- Григорий Николаевич Потанин, Николай Михайлович Ядринцев!

Ядринцев, протирая круглые очки в простой оправе, улыбнулся:

- Вот, где аромат свободы ощущается! Я восхищен Вами, дорогой Адам! Мне рассказали о вашей изумительной находчивости. Ведь это ж надо было додуматься, заставить полицейских в буквальном смысле выкашивать крамолу! Вот уж попотели с косами в руках! Жаль, что меня тогда не было в Томске, с великим удовольствием полюбовался бы этим действием.

Ядринцев имел ввиду нашуевшую в Томске историю. Крутой откос на спуске от костела каждое лето покрывался травой и клеверами. И вот однажды летом томичи вдруг увидели на этом откосе алую надпись на голубом фоне: " ПОЛЬСКА НЕ СГИНЕЛА ".8

Надпись полыхала, завораживала, влекла, составлена была из цветов. И фон голубой тоже был из цветов. Никто не видел, когда и кто их высевал. Приходила потом полиция к Флориану, но он показал им вроде бы все свои семена. У него де таких цветов и в помине нет! Отстали. И потом полицейские чины, с косами в руках, ползали по косоугу. Не доверили важную работу простолюдинам.

Адам Флориан сказал Ядринцеву:

- Не очень-то грустите! В нынешнем году летом надпись возникнет вновь, только уже на склоне Юрточной горы, и там еще будет герб и флаг Польши, и это будет видно всему городу. Это будет прекрасно, и вы сможете увидеть, как шпики работают косами. Пусть еще попотеют! Прощу за стол!

Потанин предложил первый тост за свободу.

Разговор за столом пошел откровенный. Сибиряки угнетены не меньше братьев-поляков. Империя всех держит за горло железной лапой. Погрязли в коррупции, в разбое, Хотя бы нынешние губернские власти взять... Разбои среди бела дня, никто не уверен, что проживет еще один год, или даже месяц. Уже днем на улицах убивают, и раздевают. И это творится в те самые дни, когда Томск уже соединен телеграфом с Москвой и Петербургом! Ведь буквально на днях открылась на Почтамтской телеграфная контора!

Войтек сказал:

- Нас, поляков, ни за грош садят в тюремный замок. А знаете, кого я встретил недавно в центре Томска? Был такой главарь банды, по кличке Рак. Он бесчинствовал прежде и в Польше. Когда он бежал из Краковской тюрьмы, о том писали все газеты. Он сам маленький, как ребенок, спер в тюрьме у одного надзирателя зонт, и спрыгнул с ним из окна с пятого этажа. Высота там огромная, но он спустился на зонте, как на парашюте. Веса-то в нём почти никакого, голова одна, а тела-то, можно сказать, и нет.

Да... и вот этот Рак проехал мимо меня в шикарном экипаже, пара каурых жеребцов такая, что и графу какому было бы не стыдно. Разве полиция не знает о его делах? Да его личность такая приметная, что ни с кем не спутаешь. Но бандиты всегда откупятся, и церберы эти ловят людей жаждущих свободы, и мучают их.

Адам Флориан нажал пальцем на сучок в стене, она раздвинулась. Обнажился тайник.

- Смотрите! - сказал Флориан, - вот это портрет графа Августа-Мориса-Беневского!

Все посмотрели на двухметровый портрет красавца в польской военной форме. Он был в рыцарских доспехах и с большим бантом на груди.

Граф Беневский поднял восстание в ссылке на Камчатке, увел корабль со ссыльными на Мадагаскар. После он был в Париже любимцем французского короля. Свободолюбивый граф был одарен чинами и орденами.

Затем Адам-Флориан вынул из тайника саблю с серебряной рукоятью, и поляки стали по очереди благоговейно целовать лезвие. Это была сабля самого Тадеуша Костюшко, бережно здесь сохраняемая. А, может, кому-то хотелось верить, что это сабля самого Костюшко. Вера ведь всегда помогает.

Одна из стен тайника была украшена резьбой по дереву. Барельеф изображал кандалника за решеткой. На столе - одинокое распятие, а под столом - крупные тюремные мыши.

- Кто это изваял?- спросил Ядринцев.

- Это работа моего недавно умершего в Иркутске друга, гениального скульптора Игнатия Цезиха. В Вильно по просьбе патриотов он сделал формы для печатания денег. И попал в каторгу. Многие замечательные надгробия над умершими в чужбине поляками соорудил он. Только ему самому памятник изваять было некому.

И звучали песни и стихи, и русские, и польские. Была и сатира. Ядринцев прочел памфлет, в котором узнавался красавчик-губернатор, гонящийся за каждой юбкой.

- Нам надо всегда быть вместе! - сказал Адам Флориан.

- Вы совершенно правы, дорогой друг! - воскликнул Потанин, - на земле есть всего две национальности: честные люди и негодяи. Вот и всё. И две эти национальности всегда будут враждовать. И победят честные, я в этом уверен, рано или поздно, но победят!

Когда гости собрались расходиться, Адам Флориан предложил Потанину:

- У нас в теплице есть славные тайники, ни одна собака не разнюхает.

- Спасибо! - рассмеялся тот, - мы воспользуемся вашим приглашением, если наши собственные тайники будут раскрыты. А пока что у нас есть укромное местечко. Так что спасибо, и до свидания! Будем вместе приближать победу разума! Главное - просвещение нужно народу! Тогда и революционеров будет больше. Безграмотного проще опутать, обмануть.

Покинув теплицу, единомышленники дружно направилась к большому ключу. В воздухе пахло весной, хотя еще и лежал снег. От воды поднимался пар, и ключьями проплывал в свете луны. Матово серебрились березы. Ядринцев достал из внутреннего кармана пальто флейту, протер платком её мундштук, и заиграл чарующую мелодию.

- Что это? - спросил Потанин.

- Немецкая народная песенка, когда был в Германии, услышал и записал. В песенке говорится, что жизнь и со всеми лишениями всё равно прекрасна. И мелодия вроде простая, но сколько в ней милого очарования.

- Отчего же в теплице не сыграл?

- Это может привлечь филеров. А так я играю возле ключа, если кто и услышит, кому какое дело? Захотелось человеку поиграть возле ключа и все тут. У флейты высокий звук и она слышна далеко.

- Дай бог, чтобы нас было слышно всегда далеко! - сказал чувствительный и импульсивный Григорий Николаевич Потанин.

12. СТАРИННЫЙ ДОМ

Томск предстал перед пассажирами парохода ранним солнечным утром во всей своей красе. "Каролина" медленно шла по широкой Томи. С реки очень хорошо были видны купола церквей на холмах, шпили кирхи и костела. Купы деревьев спускались по холмам, солнечное марево дрожало над водой, пахло прибрежными тальниками, водорослями, тиной.

Причал был выстроен в виде старинного терема, неподалеку от пристани были видны ряды сложенных штабелями огромных бочек.

На шпиле причального домика трепыхался трехцветный российский флаг: верхняя полоса - белая, средняя - желтая, а нижняя - черная.

На причале сидел оркестр пожарной команды. Сияли начищенные до ослепления медные трубы, и медные каски пожарников. И как только были кинуты

чалки, и пароход отрывисто загудел, приветствуя население Томска, то сразу же грянул и оркестр. Музыканты изо всех сил раздували щеки, и гудок был заглушен маршем, чего собственно пожарники и добивались.

Прибытие парохода было великим событием, на пристани столпилось с полгорода, здесь были мужчины и женщины разного звания, кто с букетами цветов, кто с лорнетом или биноклем, сновали в толпе продавцы пирожков, копченой рыбы и мороженого.

Извозчики выстроились в ряд, в строгой последовательности, которую установил их староста, и ждали пассажиров, предвкушая хорошие чаевые, у каждого извозчика на груди сияла начищенная толченым кирпичом медная бляха с номером. Шикарные экипажи ожидали важных господ, толклись в толпе переодетые шпики и прохаживались по дебаркадеру полицейские.

Поцелуи, смех, зонты и пелерины, цилиндры, английские кепи с пуговками на маковке, изредка - широкополые боливары, шляпки с вуальками и цветастые платки, всё смешалось под гром оркестра.

Пароход быстро пустел, оставались лишь каторжники в своем загоне, их обычно выводили после того, как с пристани уезжала приличная публика.

Матрос, осматривавший опустевшие каюты, прибежал к капитану:

- Так что, прошу прощения, в одной каюте пассажир останаись!

- Как это? - вынул трубку изо рта капитан.

- Не могу знать!

- Думкопф! Чертячий сын! Идем смотреть!

Пассажир был не то пьян, не то болен, даже капитан не мог определить. Кое-как пассажира растолкали. Он пытался что-то сказать, но язык у него не шевелился, он моргал, его тошнило.

Принесли ему рюмку коньяка, после которой пассажир наконец обрел дар речи.

Это был Улаф. Он рассказал капитану, что купец Лошкарев был очень любезен, и предложил ему выпить домашней настойки, которая называется "Медвежий шиш". Так сказал уважаемый коммерсант. Настойка Улафу очень понравилась, хотя он почувствовал её необычный вкус. Он выпил две рюмки, а больше он ничего не помнит. Где же господин Лошкарев?

- Искать его, доннер ветер, 10 в поле! - воскликнул немец. - Все пассажир сходиль. Вам тоже надо сходиль...

Улаф поискал глазами свой саквояж, - его не было. Встревоженный, он обшарил карманы своего сюртука: ни денег, ни документов.

Что было делать? Улаф был в отчаянье. Капитан посоветовал обратиться к полицейскому на пристани.

В карманах Улафа было пусто, и он быстро прошагал мимо извозчиков, смахивавших щеточками несуществующую пыль с сидений своих экипажей, и приглашавших Улафа прокатиться.

Улафа тошнило. У него болела голова, перед ним был незнакомый город, с неизвестными людьми и порядками. И хотя Улаф Страленберг был удручен тем, что с ним случилось, он не смог не заметить буйства черемух и сиреней, вокруг домов, обилия журчащих родников и ручьев, которые петляли по улицам, ныряли под забор какой-либо усадьбы, чтобы вынырнуть с другой её стороны. Во дворах висели веревки с бельём, солнышко обливало простыни золотом свежести.

Иногда несколько потоков воды стекали в канаву, облицованную деревом, и с шумом мчались в неведомую даль. И где-то играла дудочка, и кудахтали куры, и по улицам бродили коровы, козы и овцы, пощипывая траву. Козы обгладывали кору с деревьев, но никто на это не обращал внимания, деревьев вокруг было столько, что их было не жалко.

И вдруг он ощутил, что у него на груди нет его талисмана, бронзового оленя! Чертов купец Лошкарев очевидно не поверил Улафу, что олень бронзовый, подумал, что это - золото! Черт возьми! Ведь в руках бесчестного мужлана эта вещица не будет иметь никакой ценности, а для Улафа - это смысл его всей его дальнейшей жизни, или около того. Найдет он клад и тогда сможет спокойно заниматься научной деятельностью. Но без фигурки оленя он не найдет сокровища!..

Ага! Вот полицейский! Рассказать, что ограблен, просить совета. Усатый и важный не дослушал его, кликнул двоих, вытянувшихся в струнку:

- В каталажную! Говорит, что он - швед, а сам не хуже меня по-русски говорит, и бумаг нету. Не иначе - каторжник беглый... Смотрите, чтобы не вырвался.

- Я ученый!

- У нас все кандальники ученые...

Улаф попытался вырваться. Он получил такой пинок между ног, что скрючился. Решил пока не вспоминать о том, что он - из викингов.

Его привели во двор, огороженный глухим забором, еще раз обшарили все карманы, одному из конвоиров понравился сюртук Улафа, и Страленберга из этого сюртука буквально вытряхнули, отобрали у него сапоги, даже рубаху сняли. Потом его по лестнице свели в подвал и дали под зад коленом так, что полетел куда-то вниз, в неизвестность, ударился обо что-то, обмер от дикой боли, и заметил, что наверху стукнула дверь, лязгнули засовы.

- Салфет вашей милости! - услышал Улаф чей-то хриплый голос, и кто-то дыхнул на него запахом гнилых зубов. Тотчас чьи-то жадные руки принялись обшаривать его, лязгало что-то. В полной тьме вдруг забрезжил огонек, не огонек, какой-то намек на свет, и Улаф содрогнулся, увидев рядом заросшее черно-седыми волосами лицо, оскаленный рот, из которого торчало два желтых клыка. На руках и ногах этого зверчеловека были цепи, они и лязгали. На кучках трухлявой соломы на карачках стояли еще трое, один из них держал в руке огарочек свечи, толщиной с соломину. Обшаривавший Улафа сказал:

- Тыра, гаси свой факел, я и так вижу, что барина кто-то до нас обшмонал за милую душу. А ну, барчук, сымай штаны, да поскорее, а не то я тебе в ухо струйку пушу, и на солнце заморожу!

Улафу и так было холодно без сюртука, он не захотел расставаться и еще и со штанами. Сильный удар по ребрам почти лишил его чувств, он еще барахтался, почти не понимая, что происходит. Запах пота и полусгнившего тряпья. Тиски многих рук. И нечто вонзалось в нутро. О, наивные мечты о путешествиях, схватках с дикими зверями, со стихиями. В этом подвале обитали существа, которые были хуже зверей и стихий, их даже чудовищами было назвать нельзя, настолько они были проще и грубее устроены.

Он потерял сознание, измученный, униженный, на щеках его были слезы. И потерялось для него время. Тьма. Тьма. Тьма. Иногда наверху отпиралась дверь, и сверху бросали горбушку хлеба и рыбину соленую, да лагушок с водой ставили на

приступку. Но Улафу ничего не доставалось, он слабел с каждым днем, и когда очередной раз кто-то спускался к подвальной двери, и лязгали запоры, он пытался кричать, что он иностранный гражданин и королевский поданный. Но ему только казалось, что он кричит, на самом деле это были жалкие всхлипы.

И то ли на небесах повернулось какое-то колесо. То ли духи предков явились на помощь, но как-то вышло, что об Улафе вдруг вспомнили. И с подвальной лестницы в эту вонючую яму слезли конвойные и потащили Улафа наверх. Вели переходами, вверх - вниз, вверх - вниз. Кудрявым двориком, где пахло кислой капустой, в комнату, где пахло жженым сургучом.

Там сидел человек в гороховом костюме, широкоскулый с усиками. Улаф стоял в одних испачканных лиловых подштанниках, рваной рубахе. Из дыр выглядывало тощее тело в синяках и кровоподтеках. Господин спросил старшего конвоира:

- Маметьев! Почему такой у него вид? Что за безобразие?

- Такой был, ваше благородие! - отвечал Маметьев.

- Дурак! Принеси ему арестантский халат! Как смел ты ко мне его вести в таком виде?!

- Виноват!

Маметьев мигом принес халат, и накинул его на Улафа, после чего тот стал дрожать не так ужасно, как прежде.

- Ты говоришь, что ты - ученый. А почему мы должны верить, если документов никаких нет? Кто знает тебя в России? Кто может удостоверить личность?

- Меня рекомендовал в Петербурге Герман Густавович Лерхе, чиновник тамошний...

- Что?! - вскочил человек в гороховом костюме, - что же ты сразу не сказал?! Да верно ли? Смотрите, если врете, с нами шутки плохи.

- Клянусь! - торжественно вытянув руку сказал Улаф.

- Тек-с. Значит, как ваше полное имечко? Хорошо, запишем. Да вы, знаете ли, что Герман Густавович нынче - наш губернатор?

- Откуда же мне знать? Когда я имел честь с ним познакомиться в Петербурге, он служил в сибирском комитете. Мы виделись с ним всего один раз, и он тогда и дал мне рекомендации. Но все мои документы странным образом утрачены.

- Интересно и даже очень. Как вы говорите, звали купца на пароходе? Лошкаревым Ильей Ивановичем? И это тоже очень интересно. Сейчас вас проводят в соседнюю комнату, там угостят хорошим обедом, вы ведь голодны?

- Да очень, очень! - ответил Улаф.

- Прекрасно! Значит, не страдаете отсутствием аппетита, это приятно слышать. Кстати, вы, наверное, и раньше бывали в России? Вы хорошо говорите по-русски, никогда не подумаешь, что вы швед.

- Я говорю хорошо на многих языках! - не без гордости ответил Улаф. Желудок его пищал и сокращался, и приказывал забыть обо всем на свете, кроме еды. На что, в самом деле, знание многих языков, если желудок от голода почти уже ссохся?

В другой комнате, был такой же стол, такие же прибитые к столу табуретки, такие же решетки на окнах, там конвоир усадил Улафа за стол и попросил немножко подождать. Улаф Страленберг облокотился о стол и немедленно уснул. Он не понял - сколько проспал, очнулся он, почуяв восхитительный запах: перед ним на столе были

тарелки с гречневой кашей и отварной телятиной. Еще был самовар, сахарница и щипцы, и калач, повешенный на кран самовара.

Наевшись до отвала, Улаф, было, вновь заснул, но его тотчас разбудили.

Он с ужасом подумал, что его могут вновь упрятать в ту яму, из которой он неожиданно-негаданно выбрался.

- Куда меня? - спросил он конвоира.- Меня выпустят?

- Увидишь, - только и ответил тот.

Улафа поместили в тесную камеру. Но это была комнатка с окном, пусть и зарешеченным, и здесь были сделаны нары, и можно было прилечь, а главное - он здесь был один.

В яме Улаф набрался вшей и блох, они теперь немилосердно грызли его. Он подумал о своих страхах, в те дни, когда он собирался в неведомую Сибирь. Тогда казалось, - придется сражаться с медведями, росомахами, ездить на оленях и собаках, есть сырое мясо. Может, встречаться с теми людьми, о которых толковала матушка.

Но где они, люди на одной большой ноге и с двумя ртами? О, как наивны мы бываем в наших мечтах! Действительность всегда бывает куда проще их и в тоже время сложнее и страшнее!

Улаф кое-как дождался утра. Принялся стучать в дверь, крича:

- Я шведский ученый! Я королевский подданный!

Ответом было молчание. О нем как бы забыли. Но на следующий день его опять провели в комнату к человеку в гороховом костюме. Человек этот улыбнулся:

- Мы навели справки: Герман Густавович действительно принимал участие в вашей судьбе. Мы, господин Улаф Страленберг, сожалеем о том, что случилось с вами. Но, согласитесь, вы во всем виноваты сами. Разве нужно было молодому человеку вашего звания распивать наливку с совершенно неизвестным вам простолоудином? Кстати, никакого купца Лошкарева в Томске нет, и никогда не было.

В момент вашего ареста у вас не оказалось документов, и откуда мы могли знать - кто вы такой? Сибирь кишит беглыми каторжниками и проходимцами разного рода, и мы советуем вам впредь быть осмотрительнее.

Человек в гороховом костюме выдержал долгую паузу, оценивающе разглядывая Улафа:

- Вы оказались в отчаянном положении, но мы вам поможем. Я дам вам адрес вашего соотечественника, но прежде чем вы отправитесь к нему, вы должны будете помыться в бане и переодеться во всё чистое. Баня у нас, конечно, не такая, как в Стокгольме, но всё-таки.

После того, как вы примете приличный вид, мы вам дадим деньги на извозчика и отпустим на все четыре стороны. Но господь вас сохрани, господин Улаф Страленберг, рассказывать, кому бы-то ни было, что вы были в гостях у нас! Если вы это скажете, хотя бы даже и не человеку, а дереву в лесу или птичке на дереве, вы тотчас же очутитесь в таком месте, из которого вас сам губернатор не вызволит. Кстати, не беспокойте Германа Густавовича, он теперь занимает слишком большой пост и очень занят. Повторяю: никто не должен знать, что вы здесь были...

Господин в гороховом костюме улыбнулся, и бедному Улафу, показалось, что он увидел те же желтые клыки, с которыми познакомился в страшной и смрадной яме. Он внутренне содрогнулся, но постарался не показать вида и с нарочитым спокойствием ответил:

- Я сделаю всё так, как вы мне посоветовали.

Ну, вот и отлично! - воскликнул этот господин, пожимая Улафу руку,- желаю вам самых блестящих успехов в химии и физике, в которых я совершенно не разбираюсь! Но зато, поверьте, свою науку я освоил очень хорошо!..

Тот же конвоир провел Улафа в тюремную баню. Она была невелика, но была тут нагретая вода, были и мочалки. Улаф разделся, налил в тазик воды и со страхом увидел, что конвоир тоже разделся и приближается к нему:

- Что вам угодно?!

- Вашей милости не нужно беспокоиться, - успокоительно сказал конвоир Маметьев, - мне велено хорошенько помыть вас.

- Что вы! Я не маленький, я сам!

- Приказано, барин! Ты уж не ерепешься...

Конвоир намылил мочало и яростно принялся тереть Улафу спину, причем тот вздрагивал и ожидал самого худшего. Но ничего плохого на сей раз не случилось.

В предбаннике конвоир, которого, как выяснилось, прозывали Гаврилой Гавриловичем, подал Улафу пакет с белоснежным бельём, потом подал на плечиках гороховый костюм, точно такой, какой носил допрашивавший Улафа Страленберга господин. Улаф спросил - нельзя ли ему подать костюм иной расцветки, на что Гаврила Гаврилович строго ответил:

- Бери, барин, чего дают...у нас не хранцузский магазин! Вот рубль вам велено выдать, вот адрес, куды вам ехать, идем, скажу часовому, что выпустить велено...

И вот Улаф снова оказался на свободе, солнце ярко светило, одуряюще пахло цветами, только что пролил молодой дождик, и канавы, и ручьи забурлили сильнее, мать-мачехи и подорожники и прочие растительные существа стали еще зеленее и глянцевитее, и радовались жизни. Деловитая пчела сладострастно погрузила свой хоботок в пунцовый плод шиповника.

Улаф вдохнул полной грудью. Он был молод и потому сердце вновь наполнилось надеждой на что-то светлое, хотя у него на лбу заметно прибавилось морщин. Он об этом не знал, так как еще не смотрелся в зеркало. Седина же ему не грозила по той причине, что волосы его от рождения были совершенно бесцветны.

ГРЕХИ НЕ ОТМОЛИТЕ!

На верхней Елани, возле недостроенного собора, по ночам квакали в болотах лягушки. Собор начали, было, строить, заложили фундамент с глубокими подвалами и подземными переходами, возвели стены, начали выкладывать купол, и однажды купольная часть с грохотом рухнула.

Собором хотели удивить всю Сибирь. Он был копией московского храма Христа Спасителя, созданного архитектором Тоном, но уменьшенной копией, конечно. Даже на малую копию у Томска силенок не хватило. Заложили собор в 1845 году, а в 1850 произошло несчастье на стройке. Поспешись, известно, людей насмешись. А томичи поспешили. Кирпич делали, - спешили, уже и обжигали кое-как, не по правилам, извести переложили, строили и в дождь, и в лютые морозы. И

прошла трещина великая по стене снизу доверху. Думали её заложить кирпичом, замазать, но сперва надо было купол возвести.

В то лето множество народа приходило на стройку, взбирались по сходням на леса, по трапам лезли под самый купол, который каменщики уже завершали выкладывать. Ура! Новый собор готов!

Да ведь как навверх не лезть? Придешь домой, да похвастаешь:

- С нового собора смотрел. Далеко видно! Внуки завидовать будут. История!

Вот и посмотрели! Шестерых насмерть придавило. Строителей Бог пощадил: вакурат слезли с лесов, чтобы отдохнуть, пообедать.

Когда, с грохотом, купол обвалился внутрь, и часть стены рухнула, поднялось облако пыли, с воплями и стонами приходили горожане к этому месту. Картина разрушения потрясала. Сколько пропало трудов, железа, извести, кирпича! За какие грехи? Неужели томичи грешат больше, чем жители других городов? Не может быть! Москва - это же Содом и Гоморра, по сравнению со славным сибирским городом. Нет! Тут какая-то неизвестная причина есть.

И потянулись годы, на площади торчало не то, ни сё. Развалины, мерзость, запустение. А мечталось-то о светлом, добром, красивом.

Купцы порастрясли с этой стройкой изрядные денежки, больше никто их давать не хотел, или не мог, что почти одно и то же.

Иногда говорили, что бог не согласился с тем фактом, что храм возводился на неправедные деньги, вот и бабахнул пальчиком по храму. Ишь, толстопузые! Обвешивали, обмеривали, а потом решили от грехов этим храмом отмазаться. Не вышло!

Выдумывали всякое. Но время шло, а храм не достраивали, снег и дождь вели разрушительную работу, в вырытых при строительстве храма яминах образовались озера и болота, ибо рядом протекал один из рукавов речки Еланки. Вот и лягушек развелось великое множество, и закатывали они свои концерты теплыми лунными ночами. И метали икру, и вообще занимались своими лягушечьими делами, очень довольные тем, что люди отступились от этих мест, не приходят, не шумят.

Огорчались по поводу недостроенного храма более всего верхнееланские старушки. Ведь так было бы здорово: самый главный храм - неподалеку от дома был бы. А тут тебе - и Епископ сам, тут тебе и хор самолучший. А пока главным собором служит церковь на Уржатке, далековато, туда не находишься.

Кого не спрашивали старухи, - никто им толком не мог сказать, будут ли храм когда-нибудь достраивать? Почему его забросили?

И когда проезжал по городу в своей карете граф Разумовский, они закричали ему со своих лавочек:

- Остановись, батюшка!

- Смилуйся, поговори с нами, грешными!

А карета у Разумовского была необыкновенная. Она вся сверкала и искрилась на солнце так, что на неё было больно смотреть.

Вся окрестная ребятня собирала по улицам осколки бутылок, посуды, зеркал, золотистые и серебристые обертки от конфет. И всеми этими богатствами челядь графа оклеивала его кареты, при помощи необычайно цепкого рыбьего клея, который зовется карлуком. Здесь было много фантазии и вкуса.

На Нечаевской за зимними казармами у графа был дворец, деревянный, но фронтон его был украшен гипсовыми богинями.

Рядом размещалась синагога для солдат-евреев, да была тут же школа-хедер. Еврейчата иногда дразнили графа: "Разумовский соседскую курицу съел!" "Граф ловил чертенят за пейсы, снимал штаны и совал туда крапиву. А то уши крутил. Хотя всё равно вся улица знала, что водилось за графом такое: подманить на рассыпанное пшено чужую курицу с улицы, да свернуть ей голову.

В графской усадьбе в многочисленных избушках и флигельках, при маленьких огородиках, где цвела картошка, и дразнил зелеными перьями, и приглашал немедленно изготовить из него окрошку, жирный и сочный лук, жили женщины-приживалки.

Непонятно откуда пришли они, большей частью немолодые уже, намучившиеся в жизни, где-то потерявшие свои семьи, а может, никогда их и не имевшие. Были они в большинстве своем хромые, косые, убогие.

Но было среди них несколько более молодых и менее безобразных. И эти, время от времени, рожали то мальчика, то девочку - непонятно от кого: мужчин, кроме древнего старца, который был у Разумовского и конюхом, и возницей, в усадьбе не было. Могли, конечно, в темноте-то ночной и солдатики-касатики в усадьбу забредать. Может, их работа?

Сам Разумовский отметил свой семидесятилетний юбилей, потому его отцом этих детишек людская молва сначала не нарекала. Но когда мальчики и девочки в усадьбе подросли, стало ясно, что почти все они и глазками и носиками напоминают Разумовского. И томичи в удивлении и с оттенком восхищения восклицали: "Ай да граф!"

Впрочем, город по привычке уже ко многим необыкновенным качествам этого человека. Он был для горожан развлечением, достопримечательностью местной, его с гордостью показывали приезжим. Его и побаивались. За злой язык. Мог привязаться невесть к чему и наговорить такого, что уши краснели. Краснобай!

Теперь, услышав вопли старух, он дал команду вознице остановить карету. С запяток её соскочили два причудливо одетых мальчика, своими бездонно-голубыми глазками и длинными носиками очень похожие на своего властелина.

Мальчики изображали фореиторов. На них были бархатные береты с перьями, странные камзолы, обшитые, где можно и где нельзя, золотыми лентами, красные штаны, белые чулочки.

Мальчики распахнули дверцу и помогли графу выбраться из кареты.

Он вразвалочку подошел к лавке, на которой сидели старухи. Его мундир был шит золотом, через плечо у него была андреевская лента, и орден Андрея Первозванного. Все в городе уже знали рассказ графа о том, что он был фаворитом Императрицы Елизаветы. Она пожаловала ему эту высшую награду.

- Что звали?

- Скажи нам, графушка, почто собор-то не строят?

- Ах, вы клуши! Вам-то что? Если и строить начнут, ваших грехов вовек не замолить, уж я вижу по вам. Помои хлещете прямо на улицу, где это видано? Вас бы в каторгу всех! А не то, что собор вам!

- А куда же девать их, мыльные-то помои, графушка? Зимой на усадьбе льем, во время таянья все вода унесет, а сейчас нешто нам огород гнобить? Дороге от помоев ничо не делается. Небось, пыли меньше станет...

- Вот и поговори с вами, вам говоришь, стрижено, а вы брито. Это вот так жена с мужем спорили. Она говорит, стрижено, он - брито. Спорили, спорили, он её схватил, камень на шею привязал, и в омут бросил. Она уж с головой в омуте, но руку вытянула, пальцы из воды высунула и показывает: стрижено!

- Ты, батюшка, не шути, если знаешь что про собор, скажи, будут его достраивать? Нам ведь до Уржатки скоро и не дойти будет, чай, силушки с годами всё меньше, ноги опухают.

- Нет, девки, и не ждите, не будут достраивать.

- А чего ж так? Али купцы боятся еще мощной тряхнуть? Пусть бы подписку объявили, всем миром по полтине, по гривеннику...

- Сказано не будут строить!

- Да почему же?

- Дело простое, видите чего там, в болотеросло? В тех болотных травах коркодил живет. Смотрите, вечером близко не подходите, упаси бог. Сожрет и не подавится.

- Да правда ли, графушка? Власти-то куда смотрят?

- А чо они сделают, кому охота, чтоб его сожрали?

- Страшное ты говоришь. А каков коркодил этот из себя? И как ты его рассмотрел?

- Да, как? Подозрительная труба у меня есть. А хоть бы и не было. Я к нему и близко подхожу - не трогает.

- А с вида он, как толстая змея, но с ногами. Короткие ноги, торчат в разные стороны. Зубы, как у пилы, треугольные. У него один зуб железный, другой костяной, третий золотой, вперемешку. Если грешника жрет, золотой зуб сияет, если праведного ест, зуб чернеет.

Ему неохота с черными зубами ходить, он праведников и не трогает. А вот вы возле развалин не валандайтесь. Коркодил вас не пощадит, враз слопаёт за грехи ваши тяжкие.

Разумовский собрался, было, сесть обратно в карету, но зловердная вдова пожарника Самойлиха вслед ему сказала вполголоса:

- Еще грехами нас попрекает, сам чужих кур ворует, курошуп...

Разумовский вернулся, попытался вытянуть саблю из ножен, но не вытянул по той причине, что в ножнах у него был лишь обломок сабли, но об этом знал лишь он сам, а люди видели красивый эфес.

- Мне кур воровать нужды нет, я сам яйца несу, самолично.

- Что ты их носишь, это мы знаем,- отвечала Самой лиха,- да только на Пасху красишь или нет, нам неизвестно.

- Хотите, прямо при вас снесусь?

- Ну, уважь, графушка, позабавь.

Разумовский нажал ладонями на живот свой, вытаращил глаза, изо рта у него показалось куриное яичко, он достал из кармана большой шелковый платок, прихватил им яйцо, и положил в карман. Тут же вновь надавил на живот, изо рта показалось второе яйцо. Так повторил он несколько раз. И сказал:

- Видали? Я за минуту себя яичницей семиглазой обеспечу, так зачем мне кур воровать? Вот и не болтайте...

Довольный произведенным эффектом, Разумовский пошел к карете. Он влез в распахнутую для него дверцу, поставил саблю меж ног, и крикнул кучеру:

- Поняй!

На лавке разом загалдели. Родилась новая городская легенда.

Кто мог знать, что Разумовский высовывал изо рта, надетую на язык половинку яичной скорлупы. Доставал из кармана платок, в который было завернуто яйцо, подносил его к губам, одновременно втягивая язык со скорлупой обратно. Всем казалось, что он вынул яйцо изо рта, прихватив его платком. Можно было это повторять до бесконечности. Но зачем?

Город благоухал цветеньем, тополя млели от собственного зеленого сладкого клея. Березы готовы были каждому отдать свой светло-желтый сок, только воткни под кору соломинку. Пичуги всех размеров и расцветок сходили с ума от щебета и песен. Аромат, аромат!

Даже древней Самойлихе захотелось чего-то романтического. Она вспомнила, что видела в болотистом озерке возле развалин собора голубоватые и желтоватые кувшинки, лепестки которых были покрыты нежнейшим пушком. Так захотелось нарвать их да поставить в кувшинчике на стол в горнице. Но чтобы нарвать кувшинок, пришлось бы лезть в воду, раздеваться, не дай бог, кто увидит это!

Самойлиха дождалась темноты, взяла кувшинчик, вышла, даже не скрипнув калиткой, увидела в небе полную луну, сиявшую холодным восхищением. В тяжелое, размягченное жиром и болезнями тело Самойлихи пролилось от луны глубокое сожаление о давно забытых сладких обмираниях предчувствия любви. Как быстро всё пролетело! И ничего нельзя вернуть, воскресить. Сама когда-то была свежа и юна, как эти кувшинки.

Самойлиха добралась до болотца, зашла за кусты, оглянулась сто раз по сторонам, сняла сарафан, сняла и рубаху из простой льняной ткани и осталась в чем мать родила. Вошла в теплую воду, поеживаясь, вздыхая. Огромный живот, как чудовищная перина, колыхался перед глазами, когда смотрела вниз. А была ведь тростинкой! Что делают годы с людьми!

Вот они, кувшинки, с их особенным запахом, вот трава, вот ряска, которая голубеет в лунном свете.

И вдруг дикий крик Самойлихи потряс окрестность, такого крика эти места еще не слышали сроду. Из тростников на Самойлиху глянул странными, похожими на подзорные трубки, глазами ужасный в своей непонятной реальности зверь, коркодил!

14. ВЗГЛЯД НИОТКУДА

Если бы кто-то взглянул с далекой звезды или какой-то планеты на землю, через некий увеличительный прибор, то увидел бы подобие приплюснутого колобка, окрашенного зеленым, бурым, серым. Леса казались бы травинками, дороги ниточками, города муравейниками. И было бы видно, что всюду там мечутся

странные двуногие. У них круглые головки. Нечто вроде орешков, с жидковатым зерном и хрупкой скорлупкой.

Двуногие слизнячки эти спешат куда-то, слипаются друг с другом, тогда появляются у них крохотные новые слизнячки.

Иногда некоторые особи вдруг замирают, перестают двигаться, и тогда другие слизнячки относят их в уединенное место, и прячут навсегда в серую поверхность.

Если на круглой голове слизняка имеется немного еле заметной из космоса шерстки, он её холит. И если на лице под малюсеньким выступом с двумя дырочками, имеются совершенно невидные из космоса, торчащие в стороны щетинки, слизняк страшно гордится этим, и щетинки эти подкрашивает, расправляет, поглаживает.

Странные существа постоянно уничтожают друг друга, но меньше их не делается, и они всё что-то жуют, жуют, сосут, жамкают.

И всё это показалось бы из космоса смешным и жалким.

Но смотрит ли кто-то? Или не смотрит, и не смотрел никогда? Мы этого не узнаем. Мы как раз и есть носители хрупких скорлупок, под которыми студнеобразная масса, похожая извилами на внутренность грецкого ореха, непонятно как хранит образы и мысли. Мы знаем много, и не знаем ничего. А это всё — и грандиозно, и мизерно одновременно.

Роман Станиславович Шершпинский удивил Томск своими необычайно пышными усами. Он имел французский прибор и турецкие мази для особенного ухода за ними.

Томичи рассказывали, как яростно усатый рядился с купчихой Вивеей Соколовой, снимая для губернатора в аренду её дворец. Какую усач покупал мебель, какие картины, скульптуры для дворца, как командовал артелью, нанятой для реставрации помещений, как нанимал прислугу.

Рядом с дворцом губернатора стояла гостиница «Лондон», хозяин её Вилли Кроули, англичанин, немало позабавил город своим дворецким-негром, который был черен, как вакса. Сперва негр и на улицу не мог выйти без того, чтобы не волоклась за ним всё увеличивавшаяся толпа. Но постепенно привыкли, перестали обращать внимание, а мудреное имя негра, Махабма, переделали в своёское — Махоня.

Пышноусый поселил в гостинице Кроули двух абсолютно одинаковых красавиц, вроде бы обе они княжны — Ядвига и Гелена Понятовские. Усач нередко навещался к ним в номера... Заметили, что часто встречается новый полицмейстер еще и с какой-то богатенькой горбуньей, также поселившейся в гостинице «Лондон». И это опять давало пищу разговорам, пересудам, но привыкли и к этому, как до того привыкли к негру.

И вдруг узнали, что усач назначен губернским полицмейстером! А Пфейлицеру Франку новый губернатор дал отставку. Ай-ай-ай!

С полицмейстерами томичам не везло, прежний губернатор Александр Дмитриевич Озерский посадил полицмейстера Любимова в каталажку. И никто не знал за что, но все понимали, что при такой должности обязательно многое прилипает к рукам. Вместо Любимова стал Пфейлицер. Вот и Пфейлицера заменили. А кем?

Томск непростой город, тут на Ушайке золото моют, почитай, что у себя на огородах слитки находят, а зимой сюда съезжается золотоискательская орда со всех окрестных урманов. Не зря на Почтамтской столько ювелирных магазинов и

мастерских. И всё — такие солидные евреи, с пейсами и в ермолках. Всё можно сменять, купить, продать. Вмиг стать богатым, и так же вмиг разориться.

Новый полицмейстер еще не подыскал квартиру, и жил прямо в полицейском управлении, оборудовав для этого пару комнат.

Усатый на рассвете выскакивал из здания управления и бежал трусцой к Ушайке, а за ним бежал трусцой нижний чин с мочалом, мылом и полотенцем. Роман Станиславович снимал полосатый купальный костюм, нырял с разбега в Ушайское озеро, плавал там саженками, радостно кряхтя и отфыркиваясь.

Накупавшись, он вылез на зеленый бережок, и нижний чин принялся растирать его жилистое тело махровым полотенцем.

Из окна своего особняка в подзорную трубу за купальщиком пристально наблюдала баронесса Мершрейдт фон Гильзен. Когда у человека нет своей личной жизни, он всегда готов наблюдать за жизнью других людей. Многие знатные томичи были баронессой уже изучены, и описаны в её дневнике. Неудивительно, что новый персонаж привлек её внимание. Тем более, что был он загадочен. И лицо изможденное, и пышные усы, и эти купания под охраной.

В городе еще не знали: женат ли? Есть ли у него дети? А он ни с кем незнакомился, скрытничал, и даже жил на месте своей службы. Что за странный аскет?

Вдовушка со вздохом отложила свою трубу, и стала перебирать книжки в шкафу. Что почитать? Вот хорошая книжка с длинным названием: "Нежные объятия в браке и потехи с любовницами, (с продажными), изображены и сравнены Правдолюбом". Книжка вышла в Петербурге еще в 1799 году, но очень современная! Но она её уже наизусть выучила. Надо будет спросить у знакомых что-нибудь этакое, а то скука заела.

А на берегу нижний чин держал перед начальником зеркало, а тот достав щеточки и гребешки, налаживал свои усы и шевелюру. В зеркале отражалось не только лицо полицмейстера, но и берега Ушайского озера, цветы, и окрестные домишки.

Роман Станиславович быстро взбежал по косоугору, купание как бы омолодило его сразу лет на десять, он был в хорошем расположении духа, форма шла к его сухопарой фигуре, у ратуши уже суетились люди.

У входа в ратушу с двух сторон стояли двадцати пятипудовые чугунные бабы-Венеры. Томск был центром рудной империи, томские губернаторы были одновременно начальниками Колыванских горных заводов, потому в городе было много литья, ажурных решеток, затейливых чугунных лестниц и переходов.

Возле чугунных Венер могучие парни-челдоны, из Кухтеринских извозников, вчетвером приобняли одну из Венер и пытались приподнять, им не удавалось её даже пошатнуть:

- Вот такую посватать, можно будет спать цельный день, она, небось, телегу вместе с мешками подымет!..

-А уж обнимет, так кости затрещат...

Неподалеку от ратуши возвышался скелет мамонта. Драгу строили, сделали отводное русло, а из обнажившегося дна старого русла реки торчали кости. Откопали, вытащили, привезли в Томск. Тут кости помыли с мылом и вехотью, и ученый немец с помощниками-рабочими собрали скелет, стянули струбцинами, да проволоками. И стоит он, как живой - земляной зверь Мамуна.

Часы на ратуше показывали седьмой час. Шершпинский сверил с ними свои золотые, карманные. Он погрозил извозчикам пальцем, и прошел в управление, в свой кабинет. Глянул из окна - парней, как ветром сдуло.

Они сели на передки телег и тронули своих битюгов в сторону базара. На телегах лежали в три ряда мешки с мукой. Битюги тянули груз привычно и легко.

Шершпинский взял со стола донесения. Всё были - мелочи. Мужик бабу по пьяному делу порезал, да не убил. Во время крестного хода у мещанина срезали именные дареные часы...Пустяки, пустяки... Ювелира бы какого зацепить, золотопромышленника...

Вот жалоба крестьян на Философа Горохова. Взял деньги, дал расписки, обещал горы золота... Пустяк! Чего с шута горохового возьмешь? Вот и сам он в полицию обращается с просьбой защитить его от убийц. Грозят ему. Подстерегают его. А чего он хотел? Захапав столько чужих денежек?

И вдруг Шершпинский подумал о себе. Гвоздь-то тогда, раненный, сбежал, и Ахметка жив остался. Каторжанская ложа не простит. Могут ведь его и в Томске найти, хотя он постарался исчезнуть из столицы незаметно.

Найдут? Что ж! Теперь он сам для них страшен, Полицмейстер! К нему они теперь и лезть побоятся. Хотя... кто их знает? Где-нибудь ночью, из за угла. Ну, да вряд ли. Живет он прямо в управлении, тут всегда вооруженные люди дежурят. Сам вооружен. Он и купаться, и воздухом дышать, ходит с охраной.

Вот и нынче с ним один нижний чин в форме ходил, а двое переодетых неподалеку с удочками сидели. Он им велел заряженные пистолеты в карманах держать, да смотреть по сторонам.

А что до денег, то не везет ему всегда. Деньги в ценные бумаги вложил, но они обесценились. Дом для свиданий в Петербурге пришлось за бесценок при отъезде отдать. Да и на что такой дом, где тебя уже выследили. Зато они не знают другого дома его, где проживает супруга с детьми...

Тэк-с. Какие тут еще бумаги? Жалобы, кляузы. Это писарю отдать. Пусть отписывает...

Появился двухметровый безносый мужик, вытянув руки по швам, гундосо сказал:

- К вам Евгений Аристархович пришедши, пушать?

- Пусть проходит.

Вошел человек в гороховом костюме. Среднего возраста, усредненной наружности. С небольшими, невыразительными усиками. Он сказал:

- Ну, и цербер у вас, дорогой Роман Станиславович, аж мне жутко стало, а я уж всяких страхов в жизни насмотрелся.

- Ага! Одобряете, значит. Это всё душа моя человеколюбивая, Евгений Аристархович. Доложили мне, что в пересылке одному мужику нос отрезали. Поехал, полюбытствовал. Мужик-то деревенский, случайно в каторгу попал. Барина стукнул слегка за невесту. Ну и заслали. Каторжники видят - смирен, и ну - издеваться. Связали, обезобразили. Я его к себе выхлопотал. Предан, как собака. А что страшен, так это для полиции даже хорошо...но я думаю, вы не на Пахома пришли полюбоваться.

- Ну, разумеется. Особенных новостей нет, но поляки, я извиняюсь, оживились.

- А вы не извиняйтесь, я-то к полякам мало имею отношения, несмотря на фамилию. Родился я в Петербурге, и польской крови в моих жилах - разве что капелька. К тому же мы с вами служим Государю, всё остальное не имеет значения.

- Именно так! В городской тюрьме сидят Шмакер и Левандовский, так мне под окнами постоянные посты переодетые приходится ставить.

Подкатывают и поляки и польки в шикарных ландо, цветы показывают и к стенам тюрьмы бросают, воздушные поцелуи изображают, а главное, сволочи, на пальцах что-то показывают. А, поди, пойми! Азбука какая-то, своеобразная, ключ неизвестен. Наши умельцы уж ломали-ломали головы...

- А чего зря головы ломать? Гнать всех от тюрьмы в шею!

- Нельзя, Роман Станиславович! Нам нужно узнать всех сочувствующих. И тут есть шанс- узнать какие-то тайные замыслы. Наши-то, переодетые, всё подслушивают.

- Ну, смотрите, нюхайте! А я бы их просто в тайгу куда-нибудь сплавил, небось, и передохли бы все.

- Закон, Роман Станиславович, выше нас. Что ж тут попишешь?

- Ладно, составьте списки всех поляков, кто, где проживает. Чуть- что обобщем всех. Это больше даст пользы. Сколько всех у нас сосланных поляков?

- За полторы тысячи перевалило!- Целый полк! А если всех разбойников здешних посчитать, то и больше дивизии преступников наберётся. Вот и управляйся с ними. Что еще? А что это за полк вы в "Лондоне" разместили? Они - что? Верно - Понятовские?

Шершпинский улыбнулся:

- Может быть и так. Главное, что Герман Густавович им симпатизирует. Вот и пришлось вывезти их из столицы. К политике они не имеют отношения, скорее - к политесу, как говаривали в старые времена. Вы не возражаете?

- Что вы! Помилуйте! Если сам Герман Густавович, то какой разговор? Кстати, шведец тут интересный попался. Говорит, при содействии самого Германа Густавовича в Сибирь отправился, ученый. Документов нет. Обобрали на пароходе. Ну, у нас в каталажке его немного помяли. Думаю, не будет он жаловаться. Неспроста он приехал. Придется последить. Послал его к Лундстрему, которой в шведско-американской компании был. Компания давно закрылась, а Лундстрем всё тут болтается, с чего бы?

- Ну, последите, последите. Еще что-то?

- Да нет, всё. Мезгин, донесли мне, часы создал неприличные.

- Неприличие в чем же?

- А, смешно, изображены мужчина и женщина, и занимаются грехом, сколько, значит, часов настало, столько раз и занимаются. И, докладывают, мол, всё маленькое, но вполне натурально...

- Любопытно. Всё?

- Всё.

- Что ж, благодарю, Евгений Аристархович, если мне, что станет известно полезное для вас, сообщу. Желая здравствовать, мне надо с инспекцией ехать.

- Ну, до свиданья! - совсем по-штатски откланялся Евгений Аристархович и пошел, надев на согнутую в локте руку изгиб своей тросточки.

Шершпинский подошел к зеркалу, поправил гребешком усы, крикнул безносому:

-Пахом! Запрягай!

Сошел по лестнице. Кивнул в прихожей дежурному агенту.

Вышли во двор, уселись вдвоем в коляску. Пахом на облучке взмахнул хлыстиком. Каурый жеребец почал забирать ногами, оборачивался, кося шалым глазом. Редкие прохожие бросались в стороны. Знали, что эта коляска и сшибить может - начальство!

Шершпинский думал о том, что часы у Мезгина нужно будет изъять, припугнуть его ответственностью. Потом эти часы надо подарить Лерхе, авторитет нового полицмейстера еще более укрепитя. Он не такой дурак, как его предшественники. Всем не угодишь. Главное всегда угождать губернатору. Такой полицмейстер - вечен!

Коляска свернула с Обруба на Акимовскую. На Обрубе поселились богатые люди, русские и евреи. Построены новые дома. Были бумаги-прошения в думу, в полицейское управление. Богачи хотят спокойствия. Убрать - злачные места!

В Томске, больше, чем в любом другом городе, нужны дома с вольными женщинами. Тут полно одиноких мужчин. Такой край. Зимой приезжает орда золотоискателей, надо из этого котла как-то спустить пар?

Долгие годы томские бардаки располагались на улице Солдатской. Там было сподручно прямо из казармы забежать в такой дом. Потом на Солдатской казарм не стало, и часть бардаков перекочевала на Обруб. Теперь вот жизнь потихоньку вытесняет их на Акимовскую. Нужно держателей публичных домов на Обрубе поприжать, а на Акимовской дать послабление. Дело-то и выправится.

Тек-с. Желтая вывеска:

КОРЕНЕВСКИЙ-ЛЕВИНСОН ЖЕНСКАЯ ВЕНЕРОЛОГИЯ

Шершпинский велел подъехать к дому. Вылезли с агентом из коляски. Дверь, на гвоздике - деревянный молоток.

Лестница. Золотозубый брюнет в пенсне.

- Кто таков?

- Кореневский-Левинсон.

- Я думал вас двое.

- Для солидности написано. По матери я - Кореневский.

-Ну и что же за логия такая?

- Прошу...

Прошли в кабинет, где в кресле на раскоряку сидела дама. Увидев полицмейстера, и еще одного мужчину, она ойкнула. Хотела вскочить, но доктор дал знак, она осталась сидеть, поспешно прикрыв наготу подолом. На столике возле кресла лежали инструменты, похожие на лопаточки с загнутыми краями, на ложки. Были тут и маленькие круглые зеркальца с изогнутыми тонкими ручками. На том же

столе чуть поодаль была тарелка с котлетами, с надкушенным ломтем хлеба, и дымилось кофе в чашке.

- Ты что? Кормишь тут её? - изумился Шершпинский.

- Зачем же? Сам кушаю. Сегодня принимаю девиц из заведений, их день, позавтракать некогда, извините.

Брюнет показал в рамочке на стене - патент, разрешение практиковать.

А им билет даём на право.. Только - чистота... Бывает, что содержатели укрывают больных ...Взятки? Что вы, говорите, как вы могли такое подумать?

Шершпинский представил себе всякие болячки, с коими возится брюнет, выскобленных им студнеобразных младенчиков, тошнота подкатила к горлу. Котлета! Кофе! Я тебе покажу завтрак, я тебе пенснец протру!

- Мартынов! Пиши протокол, Закрываем лечебницу!

- Ваше превосходительство! За что!

- Я не превосходительство! Я тебе покажу котлету рядом с инструментами. Я тебя накормлю! Зараз и на всю жизнь! Дементьев! Пиши котлету в протокол.

- Слуш-с! - угодливо согнулся над бумагой Дементьев, который не был ни Дементьевым, ни Мартыновым. Шершпинский звал его, как хотел, потому что фамилию его лучше было скрывать.

-Тарасов! Пошли!

- Ваше высокоблагородие! Имею рекомендации от профессора Блюма!..

Ответа не было. Безносый взмахнул кнутиком, коляска покатила дальше.

- Не я буду, если пару сотен с него не выдою! Блюм! Я тебе дам Блюма!

До самого обеда колесили возле Ушайки. Содержательницы публичных домов предлагали Шершпинскому и его спутнику самых смазливых девиц. И за это Шершпинский немедленно приговаривал их к штрафу, Как они посмели ему такое предложить? За кого принимают?

Пару заведений на Обрубке было решено закрыть. На Акимовской почти всех оштрафовали, кого за грязь, кого за беспаспортность. Велено было каждому содержателю возле своего дома сделать хорошее освещение, всё чисто прибрать, а осенью высадить саженцы деревьев и кустарников.

- К ратуше, по Солдатской и Нечаевской, и Почтамтской! - скомандовал Пахому Шершпинский. Полицмейстер должен как можно больше видеть, знать в городе и внедрять на пути своем должный порядок. Путь лежал мимо солдатской синагоги и дома Разумовского-

- Это что за хреновина? - изумился Шершпинский, когда поравнялись с домом Разумовского.- Останови-ка, Пахом.

Роман Станиславович стал, заложив руки за спину, и, покачиваясь на носках, рассматривал странную хоромину. Из разных обрезков, бочек, сломанных ящиков, сломанных кирпичей, решеток было тут устроено двухэтажное здание. Окна в нем были размещены без всякой системы, произвольно, причем каждое было - иного размера и формы. По верху шли гипсовые лепные завитушки, по фронтону стояли гипсовые же фигуры химер, или черт его знает чего. Иные фигуры были похожи на гигантских жаб, иные напоминали крокодилов, а иные горбатых голых женщин.

- М-да-а-а! - протянул изумленный Шершпинский.- Васильев, ты не знаешь, чья эта.халупа?

Васильев, который был не Васильев, не успел ничего ответить, ибо из кособоких ворот усадьбы вышел её владелец. Был он одет в шитый золотом мундир, через плечо была повязана лента с орденом Андрея Первозванного. Несколько портили вид сапоги, просившие каши, но незнакомец держался гордо и тотчас закричал на Романа Романовича, как на мальчишку:

- Как стоишь перед фаворитом государыни императрицы Елизаветы Петровны! Как стоишь, я тебя спрашиваю? Во фронт!

Побагровев, Шершпинский сам заорал громче пароходного гудка:

- Ах ты, кикимора болотная, старый хрен! Ты что же государственные знаки отличия подделал, Орден Первозванного напялил! Да знаешь ли ты, кому дается эта награда? Как посмел?! Да за такое я тебя в каторгу упеку! До конца дней твоих! И как смеешь ты на этой своей фантазмагории государственный флаг вывешивать? Да тебя повесить за это мало!

- Сам ты висельник и есть. В каторгу... Сидела курица в курятнике, сидела, хозяин отвернулся, выскочила, и теперь раздулась от важности, павлином себя воображает. Но мокрая курица - не павлин. А флаг Росский вывесить имею полное право. Белый цвет - самодержавие, которое я укрепляю! Желтый - православие наше золотое, которое я исповедую. Черный - черная сотня, коя разбила презренных польских захватчиков, выродком которых ты являешься.

И не ори тут, не кобенься, не то я ссеку твою дурную башку своей славной саблей, коя многих врагов уже порубала! - с этими словами Разумовский положил пальцы, униженные фальшивыми перстнями на рукоять якобы сабли, тогда как в ножнах был лишь обломок клинка.

Ты должен величать меня светлостью! Я граф Алексей Григорьевич Разумовский. Я не простолюдин, как ты, не бродяга.

Шершпинский стоял, широко открыв рот. В словах неведомого старика послышался ему намек на прошлое. Кто он, что он может знать о Романе Станиславовиче? Да, нет, никогда и нигде не могли они встречаться. Явно - сумасшедший, но необычный какой-то.

- Вавилов! Что это такое? Что это за паяц картонный? Отвечай, Калистратов, жду!

- Его прозывают графом Разумовским, а уж кто он на самом деле, никто не знает. Живет тут давно, так, вроде юродивого, но как бы не совсем.

Заметив собравшуюся вокруг толпу, которая с одобрением встречала всё слова Разумовского, Роман Станиславович решил не связываться с дураком, не унижать себя. После он с ним так разделается, что этот старый дурень все оставшиеся дни будет жалеть, что нагрубил такому человеку, как Шершпинский.

- Поликарпов,- в коляску! - приказал Шершпинский,- надо к обеду успеть, дел у нас много. Поняй! - последние слова относились к Пахому.

- Порок посрамлен и бежит! - воздев руку вверх, провозгласил Разумовский,- есть бог, есть ангелы, а дьяволам тут делать нечего...

"Ну, и сволочь"! - ругался про себя Шершпинский. Старик этот ему весь аппетит испортил. Самого полицмейстера не боится. Пусть даже дурак, но понимать должен. И будет понимать, обязательно!

15. ОСТРОВ СИБИРСКОГО ДИОГЕНА

Место это было удивительнейшее! Два больших ручья, или же две малых речки, что по сути одно и то же, со страшной скоростью неслись по крутому склону к реке Ушайке.

Белые и желтые глины, и мягкие синие камни выступали по берегам ручьев. Боже! Каких только трав тут не было! Каких кустарников! Каких цветов! Вы слышали шелест крыльев бабочки, когда она сидит на цветке? Вы дышали росной утренней свежестью, напоенной ароматом просыпающихся цветов?

Меж двумя ручьями и рекой образовался холм ? остров с рощами хвойных деревьев и берез, с лугами, на которых пестрело великое разнообразие цветов. На солнышке гудели шмели и пчелы.

Человек в белой панаме с сачком гонялся за бабочкой. Ах! Какой экземпляр! Но экземпляр не пожелал попасть на булавку исследователя, улетел и растворился в лучах солнца. Как отрадно, разомлев на солнце, вбежать в тень деревьев, смахнуть рукавом пот со лба и припасть губами к холодному и чистому роднику!

- Ну, как, Андрюша? Не удалось пополнить коллекцию? - обратился к человеку с сачком другой молодой человек, с копной растрепанных волос, в белой рубахе с закатанными рукавами. Андрюша скинул парусиновый пиджак и панаму, сказал:

- Природа, дорогой Григорий Николаевич, интересна не только в коллекции на булавке. Я скорблю о своей непутевой жизни, и только единственно этот уголок приносит утешение сердцу. Сейчас пойдем пить чай!

Он сложил руки рупором и прокричал:

- Ау! Индейцы! Собирайтесь в вигвам!

К домику в глубине роще на этот зов вышел человек в очках, с пучками целебных трав в руке, а за ним и еще один, скуластый, этот нес на кукане рыбу, которая еще была жива.

- Черт возьми! Поистине, Аркадия! В этих ручьях рыбу можно брать просто руками!

Чибиряк, Чибиряк! Чибиряшечка!
Пожалей ты меня,
Моя душечка!

Радостно запел скуластый. Радость жизни переполняла его.

Хозяином дома был Андрей Прокопьевич Пичугин. История молодого человека была сродни библейской притче о блудном сыне. Отец Андрея был богат, имел собственный кирпичный завод, магазины. Когда Андрею исполнилось шестнадцать лет, отец отправил его на ярмарку в Нижний Новгород за покупками. Это было испытание деловых качеств.

Андрей не вернулся в срок. И долго потом родители не имели о нем вестей. А было так, что ярмарочные карусели закрутили юношу. Карты, вино, красотки. В этом угаре как-то быстро кончились те немалые деньги, которые были даны отцом. Ехать

домой было стыдно. Он прошел самые дикие унижения. Бродяжничал, ночевал на пристанях, подрабатывал разгрузкой барж, был бит, сидел в тюрьме.

Когда до Томска дошли слухи о том, что происходит с Андреем, старший Пичугин умер от огорчения.

Вернувшись в Томск, Андрей продал завод, дома, магазины. Оставил себе только дом на заимке, где вел образ жизни вольготный и непонятный простолюдинам. Ночами читал ученые книги, в том числе и немецкого экономиста Маркса, грезил революциями, переворотами, приключениями в далеких экзотических странах.

Нередко он бегал по роще в одной набедренной повязке, с луком и стрелами в руках, издавал индейские кличи, стрелял в сорок и ворон. А то ловил бабочек, букашек.

Частыми гостями на его заимке были молодые люди, приверженные разным новым идеям. Чудаковатый и радушный хозяин с радостью предоставлял свое убежище для пикников, вечеринок, всяческих сходок.

Сегодня у него гостили преподаватель ботаники Григорий Потанин, сотрудник томской губернской газеты Николай Ядринцев и еще Серафим Шашков, полурусский-полубурят, этнограф, приехавший из Петербурга читать лекции. Последний остановился жить на Пичугинской заимке.

- Индейцы! В вигвам!- повторил свой зов Пичугин.

Он первым осторожно приоткрыл дверь, ибо в дверях стоял человеческий скелет, которого установил там Серафим, приспособив систему блоков таким образом, что, открывали дверь, а скелет замахивался кулаком и стучал зубами. Составлен он был из искусственных костей, но был натурально страшен. Скелет прозывался Федей. Однажды Федя так напугал приносящую молоко соседку, что она даже собиралась заявить в полицию. Но не заявила, продолжала приносить молоко, только в сенцы его не заносила, а оставляла на крылечке.

В зале на длинном столе живописно были разбросаны вяленые чебаки, баранки, огурцы и луковицы, в вазе с отбитым краем светился сотовый мед, центром натюрморта была четверть водки, наполовину уже пустая.

Выпили по полстстакану, с аппетитом закусили, все пахло летом, солнцем, цветами, охапки ромашек и медуниц лежали на стульях и на подоконниках.

- Пичугин, отчего вас томиши прозвали Диогеном? -спросил Серафим.

-Не ведаю! -жуя луковицу, отвечал Пичугин, -люблю пересказывать прочитанное. По утрам залажу в бочку, что стоит возле Большого ручья. Там, под журчание воды, я пою Марсельезу.

- Вы поёте её на улице? -изумился Серафим, - да вас же вмиг полиция схватит.

- Как видите, не схватила до сих пор. Там вода журчит так громко, что никто и не разберет, что именно я пою.

- А всё же надо вам быть осторожнее! - заметил Потанин, ваши тайники? большая выручка для нас, за нашими квартирами следят, а здесь можно хранить и бумаги, и наше знамя. Надо бы нам еще написать гимн будущей Сибирской демократической республики.

-Я бы лучше назвал это Соединенными штатами Сибири!- сказал Пичугин...

-Давайте, братцы, споем Гуадемаус! - воскликнул Ядринцев,-я верю, что университет в Томске будет, и будут ходить по городу юные и прекрасные студенты, и будут петь наш гимн.

И все с воодушевлением запели:

-Виват академия,
Вивант профессорес!..

В этот момент раздался страшный грохот, звон стекла, сразу в двух окнах были выбиты рамы, и люди в гороховых костюмах просунули в комнату руки с пистолетами:

- Не двигаться! Полиция! Вы арестованы!

Тотчас же раздался в сенях дикий рев и выстрелы.

В комнату вошел Евгений Аристархович в своем повседневном гороховом костюме, потом- Шершпинский, а за ним - человек со многими фамилиями.

- Перепугин!-сказал Шершпинский своему помощнику, -для чего ты испортил вещественное доказательство? Как ты смел?

- Прощу прощения, но была внезапность, скелет огрел меня кулаком по лбу...Внезапность.

- Мало бы что внезапность, для чего же ты расстрелял его, а затем еще и разбил вдребезги? Скелеты не кусаются, надо мужество иметь, если служишь в полиции.

- Виноват!

-Вы все встаньте лицом к стенке, -скомандовал обитателям заимки Шершпинский.- Я вам покажу, как крамолу разводить! Ботаники, грамотеи! В газеты пишете. Скелеты в сенях держите. Сгною в тюрьме. Дерьмо свинячье!

- Попрошу без оскорблений! - воскликнул Потанин, - вы за это ответите!

- Молчать!

Гороховые костюмы распорили ножами диван, выпустили пух из подушек, простукивали стены, полезли на чердак.

-Я напишу о ваших бесчинствах в газету!- пригрозил Ядринцев. И опять раздалось:

- Молчать!

Через некоторое время Перепугин сказал Шершпинскому:

-Господин полицмейстер, у них расчлененный труп в чемодане лежит!

-Тэ-экс! Оч-чень интересно! - заложил руки за спину Шершпинский, - ну-ка, ну-ка, ах, злодеи! И еще собираются в газету писать!

Скуластый Серафим Шашков рассмеялся.

- Еще и хохочет! Злодей!- воскликнул Перепугин.

- Да ведь это муляж! - пояснил Серафим, -я привез его для одного Иркутского врача, который хочет открыть фельдшерскую школу.

- Разберемся!

В это время вернулись гороховые костюмы:

- В матице тайник! А там - зелено-голубое знамя, и зелено-голубые шапочки, и прокламации! И еще зловерное издание под названием "Колокол"! Кроме сего, обнаружены наброски "Гимна Сибири", чертеж сибирского герба с одноглавым черным орлом.

- Вот это уже бунт против государя императора!- воскликнул Шершпинский, - не зря Потанин был связан с анархистом Бакуниным, который ныне купается в Итальянских морях вместе с масоном Гарибальди! Ах, ученые! Писатели! Преподаватели! Я им пропишу Соединенные Штаты Сибири!

Связать их всех, звонарей колокольных, посадить на телеги и - в тюремный замок! Попытаются бежать, стреляйте! Бунтовщики! В газеты они напишут! Я вам так пропишу, на всю жизнь запомните!

Евгений Аристархович сказал Шершпинскому:

-Главный притон закрыт, остались еще кое-какие, пока что следим... Господин жандармский полковник Герман Иванович Плюквельдер распорядился всех изловить..

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

Лето прошумело дождями, грозами, ароматными ветрами. Было много трудов, в поле, в бору. Был медовый Спас, и Спас яблочный. Настал Иоанн Предтеча, когда креститель гонит птицу далече.

Новый губернатор отписал в Омск генерал-губернатору Панову, о том, что сумел раскрыть крупнейший в истории страны заговор бунтовщиков-сепаратистов. Можно сказать, спас Отечество. Лерхе был очень доволен началом своего губернаторства. Да, скажут в столице - не лыком шит!

Отметил Герман Густавович и роль в этом деле назначенного им нового замечательного полицмейстера.

В короткое время Герман Густавович обставил дворец свой, сменил половину людей в губернском управлении, что и неудивительно: новая метла всегда по-новому метёт.

К нему записывались на прием золотопромышленники, купцы, люди разного звания, каждый со своим неотложным делом, а он после победы над крамольниками, отбыл в вояж, с инспекцией горных заводов Алтая и для знакомства с обширной губернией своей.

Отъезжал с помпой. Это стоило посмотреть. Сорок экипажей. Челядь, повара, две польские красавицы, жительницы гостиницы Кроули, совершенно одинаковые, с одинаковыми родинками на щеках. Им-то что в экспедиции делать?

Ехал с губернатором князь Костров, ехал еще в качестве хроникера Олимпий Павлов. Вот кому повезло-то, губернатор не только не сократил его с должности в управлении, но и приблизил к себе.

За кортежем тянулись телеги и возы с продуктами, оружием, предметами быта. Скакали впереди и сзади кортежа до зубов вооруженные казаки. Возле Белого озера епископ Порфирий Соколовский прочел напутственную молитву, кортеж освятили.

Трубач протрубил в золотую трубу. Кони зацокали копытами. И губернатора след простыл.

Просители отправились со своими соплями и воплями к заместителю губернатора Фризелю, справедливо полагая, раз самого - нет, то решать дела должен заместитель. Не тут-то было! Петр Фризель отводил в сторону глаза и советовал со

всеми просьбами обращаться к полицмейстеру, как же так! Почему именно к полицмейстеру?! Фризель пожимал плечами.

А Шершпинский к этому времени в своем полицейском управлении уже полностью заменил начальствующих лиц, да и не только их. Подобрал себе людей по вкусу, преданных до одурения. А и как не быть преданным, если тебя из грязи вытащили в князи?

Теперь Шершпинский жил уже не в полицейском управлении, а в собственном доме, купленным им за большие деньги, и находившемся неподалеку от гостиницы и губернаторского дворца. В многочисленных комнатках полуподвала разместилась его челядь.

Были там не только полумойки и стряпухи. Жил там безносый Пахом. В комнатах близких к парадному, сидели, меняясь, дюжие мужчины, и всё - не очень приметной наружности. Иногда Шершпинский отправлял то одного, то другого по каким-то делам.

Мужчины эти всегда молчали, да и разговаривать было не с кем, ибо две стряпухи да две полумойки и вовсе были глухонемыми. Всеми ими распоряжался агент, которого Шершпинский жаловал разными фамилиями, к остальным он обращался и без имени, и без фамилии, говоря лишь одно слово: "слушай!"

В верхнем этаже жил сам Шершпинский, да было две комнаты отведено перебравшейся из гостиницы горбунье. Кто считал её дальней родственницей Романа Станиславовича, а кто любовницей. Причем, плевались - получше-то найти не мог?

Жену и детей он не спешил перевозить в этот городишко из державного Петербурга.

В палисаднике при доме Шершпинского никто не бывал, даже дрозды, кажется, боялись клевать рябину, и она перезревала и валилась на землю

Роман Станиславович из окна верхнего этажа по утрам глядел на палисадник. Почти рядом с окном, между рябиной и черемухой, паучок сплел свою хитрую сеть, и Шершпинский с интересом смотрел, как мохнатенький деловито перебирает лапками свою сеть, в которую уже попалась очередная глупая мушка.

В городе дела вроде бы шли своим чередом, челдоны везли на базар, молоко, мясо, все дары земли сибирской, от картохи и огурцов, до грибов и ягод, кедровых орехов, рыбы, дичи.

Васька Логозин прибыл с несколькими мешками овса, жеребчик в телегу впряжен был добрый, Васька от Архимандритки до Томска докатил быстро. Он заехал к базару со стороны биржи, привязал жеребца к столбу, к которому всегда привязывал, когда не хватало места у коновязи.

Васька расчесал кудри, и стал ходить возле телеги, покрикивая, не слишком громко, но так, чтобы было слышно в базарном гомоне:

- А вот овса, кому овса?

Васька уже представлял себе, как он продаст овес, купит своей Авдотье ситцу в горошек, гарусный платок и гребенку, а потом зайдет в пивную попроще, выпьет стопку, другую, запьет кружкой пива. И обратная дорога ему покажется легкой и приятной.

Подошли два господина, один отвязал Васькиного жеребца, другой сказал:

- Черт деревенский, али ты не знаешь, что есть коновязь?

- Чо столбу делается?

- Вон как ты заговорил? Идём в полицию!

Один господин вел в поводу лошадь, другой цепко держал под руку Ваську. Так и пришли к воротам, возле которых стоял часовой. Господа кликнули еще одного солдата, тот отворил ворота. Ваську повели в дом с зарешеченными окнами.

- Лошадь, как же?- спросил Васька.

- Не беспокойся.

Ваську провели по замшелому коридору, отворили одну из железных дверей, он полетел вниз, в яму. Шлепнулся на пол, где на соломе лежали несколько оборванцев. Один оборванец сказал:

- Будешь моей жонкой...

Другой сказал:

- Ну-ка, давай твои сапоги, да поищи у меня в голове вошек, уж больно голова чешется.

Васька решил драться, силы ему было не занимать, крестьянская работа хорошо развивает мышцы. Но один оборванец стукнул его головой в нос, а другой так шлепнул ладонями по ушам, что Васька сразу оглох, и ослеп от слез...

И Васька потерял счет времени. Его раздели, заставляли стоять на одной ноге, а иногда приказывали встать на руки возле стены вверх ногами. Прежде времени падать было нельзя. Если же отказывался стоять на руках - били. Особенно болели ребра. Муки были адские.

Однажды железная дверь отворилась, Ваське велели вылезти из ямы. Он и вылез, нащупывая босыми ногами ступени лесенки, стена и охая. Его, как был, нагого, провели в комнату, где сидел один из господ, приведших его сюда. Господин сказал:

- Пиши письмо на деревню, жене там, отцу, или кому знаешь, чтобы прислали за тебя выкупа сто рублей, иначе сгниешь тут...

- У нас таких денег не бывает! - сказал упрямый Васька, и его тотчас отвели обратно. Несмотря на железную решимость, всё стерпеть, и ничего никому не платить, на четвертый день пребывания в секретной камере каталажки, Васька запросил пардону.

Собрали нужную сумму и передали штраф только через неделю. Ваське дали надеть рехмоты, взамен отобранной у него жиганами одежды, и провели в конюшню:

- Вот твоя кобылка, а телега вон там стоит, видишь? Бери кобылку да запрягай.

- Ошибочка, господа хорошие, у меня жеребец был! - сказал Васька с ужасом, глядя на бельмастую, костлявую старую кобылу.

- Ты что?- нахмурился сопровождающий,- обратно в ямину захотел? Запрягай, давай быстрее, если хочешь сегодня домой попасть!

Васька подвел дохлятину к телеге, не удержался, спросил:

- Овес мой, где же?

Сопровождающий аж в лице изменился:

- Ты что же, черт деревенский, извести нас издевками решил? Полицию оскорбляешь? Мы, по-твоему, воры? Какой овес? Ну, было на телеге два мешка овса, так мы твоей кобыле за это время аж четыре скормили, жрет, как оглашенная, нам с тебя еще получить причитается...

Васька понял, что спорить бесполезно.

Подобные истории стали случаться со многими, кто приезжал на базар. Негласным налогом стали облагать китайцев-шпагоглотателей, да так, что каждый китаец отдавал половину дневного заработка. И как не отдать? Придерутся: нет паспорта, а если - есть, скажут - поддельный. Если нищий сидел на выгодном месте и собирал много, и он платил дань.

Прибыль на базаре имели воры. И были среди них особенно удалые. Был там Санька-Бобер. Он крутился на пяточке, где торговали лошадьми, и выжидал момента. Как только покупатель протягивал деньги продавцу, Сашка стремительно вырывал эти деньги, рукой, густо смазанной клеем.

Бежал он к близкому берегу реки, к обрыву и нырял с размаха в Томь. Подбегали мужики, кто звал лодку, кто стягивал сапоги. А он нырнул и исчез. Утонул, стало быть. Пропали денежки! А у Сашки под берегом была вырыта нора, которая вела вверх, выше уровня воды, Там, под землей, келейка, со столиком и сиденьем, там даже печка маленькая была, и перед рабочим своим днем Сашка эту печурку протапливал... Сашка работал и ранней весной, когда шел по реке лед, и поздней осенью, когда шло по Томи осеннее ледяное крошево. И однажды не успел нырнуть, схватили его с деньгами, у самого берега, когда собирался совершить свой знаменитый нырок. Схватили и отвели к Шершпинскому. Тот заперся с Бобром в кабинете. И сказал:

- Жить хочешь? Будешь мне платить, И подскажи - с кого из вашей братии еще брать, чтобы тебе одному за всех не отдуваться. Писать умеешь?

Санька взял перо и тут же написал список, который Шершпинский бережно спрятал в особливый ларец и запер ключиком.

Неприметные господа в сером стали появляться не только на базаре. Они заходили в лавки, пивные, мастерские ремесленников. Везде находили к чему придраться. Кто-то платил сразу, кто-то, как Васька, попадал, в каталажку, или в часть, хрен редьки не слаще. Иные не сразу понимали, - откуда сей ветер дует, им показывали бляху.

Ювелир Анцелевич отказался платить и подал в полицейскую управу заявление, в коем грозил пожаловаться на незаконные поборы самому губернатору.

Никто с ним не спорил. В воскресенье Хаим Анцелевич пил чай в кругу семьи в своем доме на Нечаевской. Осень выдала последний жаркий денек, окна были распахнуты, стол ломился от кушаний, вазочек с различными вареньями, пастилой и конфетами. Многочисленное семейство чинно прихлебывало золотой китайский чай с расписных фарфоровых блюдец.

Мимо дома промчалась тройка, и кто-то из седоков швырнул в окно большую коробку шоколадных конфет. Она шлепнулась прямо на обеденный стол, среди вазочек. И Хаим удивленно соображал, кто же из родственников сделал ему такой презент-сюрприз, как вдруг коробка разорвалась со страшным грохотом, выжигая глаза, раскидывая по полу мозги и варенья.

После этого случая все евреи Томска, как, впрочем, и ювелиры других национальностей, стали платить господам в сером, без звука, столько, сколько просят.

Кроме взрыва в доме Анцелевича, событием этой осени стал и пожар на Нечаевской, когда сгорел дворец графа Разумовского. Странный был это пожар. Дом загорелся ночью и сразу со всех сторон. Причем обнаружилось, что пожарники почти

всех частей города стоят рядышком и поливают из своих кишок синагогу и другие соседние дома и вовсе не стремятся спасти дом Разумовского.

Сам граф спросонья выскочил из дома голый, даже без подштанников, схватив из всего имущества лишь увесистую стопу любимых им книг. Стоял, смотрел на огонь, говоря:

- Господи! Ты видишь, как горят брильянты разума и смарагды поэзии! Аспиды явились из тьмы кромешной, но в ней же и сгинут. Зло сильно, но добро, по твоей воле, господи, во сто крат сильнее!

Сбежавшиеся ночные зрители ничего не поняли из его речи, решили, что граф рехнулся от горя.

На другой день епископ Соколовский побывал дома у Шершпинского.

- Блаженны нищие духом, ибо...

Шершпинский перебил старика:

- Я в церковные дела не лезу, а вас прошу не лезть в дела мирские. Вам известно, что этот мазурик носит ордена, которые могут носить лишь особы царской фамилии? Он самозванец, каторжник и вор.

- Не трогали бы блаженных! Вы ведь и Домнушку преследуете, кому она помешала со своими кошками?

- Эта дура ходит с оравой, прикормленных ею кошек, по центру города. Я в этом святости никакой не вижу, а вот заразу она разносит, и сама месяцами не моется. А если она будет еще вам жаловаться, я её вместе с кошками в тюрьму упеку.

Епископ не выдержал, ноги и руки у него дрожали от нервного напряжения, но он встал и простер персты в сторону Романа Станиславовича:

- Прокляну с амвона! Губернатору пожалуюсь!

- Пошел вон, старый козел! Пахом, выпроводи его!

Безносый и гундосый великан, пошел сзади епископа, легонько подталкивая его теплой широкой ладонью ниже спины:

- Ты уж иди, батюшко, не спорь, не серди, барина!

Это было особенно обидно. Да что они, сдурели все, не понимают, что такое - епископ? Ужо, вернется Герман Густавович!..

На другой день, после обеда в трапезной монастыря, епископ отправился в Благовещенский собор, где он намеревался участвовать в службе. До собора - рукой подать, но ноги вдруг стали ватными, стало мутно. Едва дошел. Он чувствовал слабость, дрожание во всех членах, сердце частило, не хватало воздуха. Ему вдруг пришло в голову, что если он влезет на колокольню, ему станет легче. Там воздух, простор.

Полез, считая ступени. Только бы суметь, выдержать, Ведь как легко взбегал он по ступеням в юные годы!

Вылез наверх. Глянул на город: башни, кресты, сады и крыши. Ленты рек и ручьев, озера. Сердце вдруг сжалось, дикая боль пронзила грудь и руку. Епископ закричал, и упал на площадку колокольни бездыханный.

Через день после похорон епископа Соколовского, повар монастырской трапезной, пошел набрать воды и утонул в колодце.

После освобождения из каталажки, Улаф Страленберг не стал нанимать извозчика, как ему советовал господин в гороховом костюме, но решил идти искать Лундстрема пешком. Только что пережитый ужас не убил в нем романтика, увлеченного наукой, считающего долгом вникать в вещи и явления.

Прекрасная погода, цветение, незнакомый город. Здесь жил его предок. Нужно изучить тут каждый камень, как можно больше узнать о быте, привычках томичей. Чем живут, как живут? Каковы их ремесла?

Конечно, впредь он будет очень осмотрителен.

Улаф внимательно рассматривал каждое встреченное дерево, брал в рот листы берез, тополей. Его заинтересовала речушка, струившаяся возле развалин и травянистое озеро. Что за развалины? Почему жители города не очистят уже заболоченное озеро?

Любопытство завело Улафа в густые заросли, и вдруг он ощутил, что нога, словно в клещи попала, обернулся и увидел телескопические глаза крокодила!

Улаф дернулся, вырвал из клещей ногу, и помчался по кустам напролом. Штаны его были разорваны, нога кровоточила. Позади был слышен утробный рык.

Уткнувшись с размаху головой в живот некоего прохожего, причем голова звякнула, как при ударе о медный котел, Улаф воскликнул:

- Спасите!

Прохожий отстранил его с пути:

-Я вашей братии я не помогаю. Крючок где-то зацепился за крючок, и кровит! А я должен ему помогать? - с презрением сказал пожилой господин.

- Почему вы обзываете меня крючком? Меня кро-ко-ко-дил укусил, он гнался за мной! Я истекаю кровью, а вы...

Господин покачал головой:

- Я не помогаю крючкам...

- Я говорю правду! Развалины, речушка, озеро, и там... Зачем вы всё время зовете меня крючком?

- Затем, что ты в гороховом костюме, такие костюмы носите вы, сыщики, и это смешно и глупо. Вот так страус прячет голову в землю и думает, что его не видно!

Улаф отчаянно замотал головой:

-Я не сыщик! Я шведский подданный! Меня посадили по приезду в ваш город в тюрьму, там бандиты меня всего обобрали. При выходе из тюрьмы мне дали этот костюм, у них нет костюмов иной расцветки!

- Значит ты приезжий швед? А где ты выучился говорить по-русски?

- В Швеции! Я ученый. Я историк, ботаник и химик.

- Кто знает? Может, и не врешь? - оглядел его господин. - А крючков не люблю, хотя в молодости был сам прокурором, и когда приехал из Енисейска в Томск, сразу раскрыл несколько не раскрываемых дел. Лихой был! Ладно! Айда в мою келью. Крокодил ли, собака, или кто тебя тяпнул, но кровь хлещет...

Зашли в приземистое темноватое строение, старик перебинтовал ногу Улафа, вместо порванных "гороховых" штанов дал свои запасные старые:

- Всё меньше на филера будешь походить. Значит, говоришь, ты Улаф Страленберг из самого Стокгольма? А я Горохов Философ Александрович! Бывший

здешний богатей в отставке. Но я надеюсь на лучшие дни, видно сам бог тебе меня подсунул.

Горохов снял сюртук, и Улаф увидел, что старик под сюртуком носит кирасу. Вот почему Улаф так больно ударился, там, на улице, головой о живот старика! Сумасшедший? Что за Дон Кишот такой?

Но старик пояснил:

- От кредиторов ношу, некоторые грозятся зарезать. А ты не спеши к своему Лундстрему. Он разорился, проигрался в карты и пьет горькую. Поживи у меня, я познакомлю тебя с городом, с людьми, которые возьмут тебя на службу.

Укусил тебя крокодил? Слышал я что-то такое про этого крокодила. Не верю! Это скорее - зубы империи!..

Дня три Улаф отлеживался в избе Горохова, слушая его рассказы о былом могуществе. Коптила, оплывшая восковыми слезами, свеча, в углу кухни висела залетевшая в разбитую форточку летучая мышь. Горохов кипятился, указывал в окно на свой бывший дворец:

- Верну! Всё верну! Веришь, нет, господин Улаф, у меня там есть замурованная угловая комната, а в ней располагается саркофаг, точь в точь, как у египетского фараона. Завещание написал. Умру, забальзамируют, как фараона и поместят в эту камеру... Я был богат и не жалел денег. Я сорил ими! Я был щедр. Уже за одно это господь должен мне вернуть состояние.

Все меня бросили, супруга при одной из дочерей. Дочь на дальнем прииске за Красноярском, за управляющим-пьяницей живет, баронесса, едрит твою в печенку! А я пока не нужен никому. Но они еще вспомнят! Послушай, я тебе спою песню, это про меня песня. Горохов стал в картинную позу и запел:

Судьба играет человеком,
Она лукавая всегда,
То вознесет тебя над веком,
То бросит в пропасти стыда.

Улаф в свою очередь рассказывал о письме предка, которое позвало ученого в дальний путь. О зловредном купце Лошкареве, который обобрал Улафа на пароходе. Ах, если бы найти амулет, да тот дом, где чертеж старинный, да потом найти клад! Это произвело бы переворот в научном мире! Имя Улафа стало бы известно во всех уголках земного шара, он смог бы заниматься наукой без помех!

-Я помогу вам в поисках, - пообещал Горохов. - А если дело выгорит, вы станете известным, разбогатеете, тогда не забудьте меня. Мы с вами такие прииски откроем, что вы будете купаться в золоте всю оставшуюся жизнь!.. Нет, я не стяжатель. У меня есть мечта.

Вы слышали о золоте секты ессеев? В горах возле реки Иордан ессеи спрятали в большом горшке медный свиток с тайной гравировкой. Там зашифрованы шестьдесят четыре клада, зарытых вокруг Иерусалима.

Сегодня укрыто в земле тринадцать тысяч пудов золота, которое иудеи вывезли из Нубии. Лишь малая часть нубийского золота была отдана крестоносцам, ессеи откупились от них. Вернувшись домой, тевтоны построили замки, и забыли о Боге.

Предались пирам и разврату. Но тринадцать тысяч пудов таится в земле. И ессеи купят, кого захотят, когда придет момент. Это их тайная сила.

Так вот. Я решил утереть нос ессеям! В Сибири золота больше, чем в Нубийских горах и пустынях! Я зарюю вокруг благословенного города Томска в шестидесяти четырех местах двадцать шесть пудов золота! Это будет дар Горохова потомкам! Сибирь, да и вся Россия и через тысячу лет будут помнить его! Вы мне поможете в этом, мы поделимся славой.

Улаф слушал Философа Александровича с некоторым страхом, Он казался ему невменяемым. Но после взлетов поэтической мысли, Горохов возвращался к прозе жизни. Выгонял с кухни летучую мышь половой тряпкой, варил просо в горшке и сдабривал кашу конопляным маслом. Ели её деревянными ложками.

И вот Улаф окреп настолько, что мог ходить прихрамывая. Они с Гороховым медленно шли по Почтамтской.

- Видите дворцы? - спросил Горохов,- вот во что превратилось приисковое золото! Полторы тысячи каменных дворцов поставили! А сколько еще в других городах? А сколько золотишка припрятали?

Их обогнал в коляске на дутых шинах седоватый господин, с пробором в редких седых волосиках. Горохов продекламировал:

Ослы обычно мчат верхом,
А мудрецы идут пешком!

- Кто это? - спросил Улаф.

- Вампир! - вполголоса пояснил Горохов, - Асташев его фамилия. Самоучка. Университетов не кончал. Но знает, как банкротить и скупать прииска... Скупал их не только для себя, но и для аристократов, даже для особ царской фамилии, им-то золотодобычей нельзя заниматься. Теперь имеет дворянство, грудь вся в звездах, Вон его дворец, лучший в городе. Его герб, это щит, на котором - рыцарский шлем, латы, орлиные крылья, а подо всем этим - плавильная печь! Печник, едрит твою бабушку!

Паук! Подставное лицо Николая Федоровича Паскевича-Эриванского! Да и, скажу вам по секрету, самого бывшего шефа жандармов, графа Бенкендорфа. Сколько для них тайно приисков скупил! Он, говорят, отвез в подарок графу Паскевичу в Варшаву самородок три пуда весом. Вот делал дела!

Дворец у него увешан французскими гобеленами. Кофий в постеле пьет!

Еле жив, а нейметя. Имеет перспективные карты золотых месторождений по великой реке Лене и её притокам. Знаете, куда теперь поехал? На биржу, ценные бумаги скупать, никогда не прогадает, нюх собачий!..

Мимо многих дворцов, Горохов и Улаф прошагали к большому мосту, миновали его и вышли к белому дому с колоннами.

Здесь пахло речной свежестью, был слышен крик чаек. Площадь перед биржей была вымощена и чисто подметена. Заросли калины, шиповника ивняка, смородинников, кисличников подступали к площади, широкие деревянные сходни, вели к реке, к причалам.

Неподалеку были маркитантские ряды, с их мелкой торговлей съестными припасами, Ереневские, Королёвские, Щелыгановские ряды. На берегу, вербовщики голосили, призывая желающих завербоваться в матросскую службу.

А из за угла вдруг вывернул караван. Улаф насчитал двести верблюдов. Звякали колокольцы, привязанные к ногам мохнатых чудищ. Погонщики. Чалмы. Гортанная речь. Неведомый мир выплывал, как из сна

- Степные гости бывают в Томске нередко, - пояснил Горохов, - гляньте, вон, возле гостиного двора, едет арба с киргизами в лисьих шапках и стеганых халатах. Эти киргизы-кумысники постоянно живут за рекой у верхнего перевоза, выпасают табуны, готовят терпкий целительный кумыс. Слышите, как орут?

До Улафа донесся крик:

- Кумыс карош кумыс!

Квадрат гостиного двора сверкал железной крышей и раскрашенными охрой вывесками. Миновав его, вошли в здание биржи. Там, в зале, молодцы с фатоватыми усиками предлагали ценные бумаги, писари за конторками скрепляли контракты.

Наверху на открытой веранде играл румынский оркестр, и подавали изысканные блюда.

Вышли из здания, и пошли к площадке, на которой была установлена модель новейшей золотопромывочной мельницы. Пояснения давал Вильям Кроули, выкрикивая слова в медный рупор. Рядом с Вильямом стоял негр Махоня, и скалил ослепительно белые зубы.

Здесь покрикивали в рупоры другие продавцы разных золотоискательских инструментов, и снаряжения. Далее кучками стояли оборванные и грязные мужики, и возле них бродили господа в походных костюмах.

Вот один господин, ощупал руки и плечи здорового мужчины, велел тому показать зубы и спросил:

- Пашпорт есть? Нет? Хорошо, беру! Следующий!

- Что происходит? - спросил Улаф.

Горохов пояснил:

- Золотодобытчики рабочих набирают, взамен сбежавших. Они большие убытки несут на беглых. Ведь надо немало потратить, чтобы завезти в тайгу рабочих, инструменты, продукт. А каждый день простоя рудника может сделать тебя банкротом.

Вот они ищут беспашпортных, которым бежать с рудника некуда... Они будут работать, вместе с другими подобными бедолагами, в глухой тайге до самых заморозков.

А зимой орда старателей вернется в город. По последней переписи у нас в городе двадцать тысяч жителей, а зимой их всегда делается вдвое больше...

Улаф вдруг воскликнул:

- Позвольте! Вон стоит тот самый купец, Лошкарев Илья Иванович, который поил меня настойкой под названием "Медвежий шиш!" Надо звать полицию!

- Не надо, сами разберемся, - сказал вполголоса Горохов, - я вооружен, в такие дела полицию впутывать - себе дороже обойдется, их только подпусти, ни денег, ни товару не будет!

Они подошли сзади к мнимому купцу Лошкареву, Горохов потянул его за руку:

- Отойдем-ка в сторонку, любезный!

Вошли в заросли ивняка. Улаф сказал:

- Я прошу вас вернуть мне амулет!

- Пусть вернет и украденные деньги! - воскликнул Горохов.

Мнимый Лошкарев, крутанулся, вырывая руку, и вдруг, снизу вверх, ударил Горохова ножом в бок. Нож сломался, а Горохов, выхватил пистолет и воскликнул:

- Мозги вышибу! Куда девал украденную у сего господина драгоценную вещь?

Мазурик был ошеломлен тем, что Горохов после мощного удара ножом не только не упал, обливаясь кровью, но еще и строжится. Мазурик посчитал Горохова старым колдуном, которого железо не берет.

- Ладно, айдате, отдам я вам вещь эту драгоценную. Три ювелира надо мной потешались. Медяшка же это, никому не нужная! Неужто господин шведец сего не знает? Я отдал медяшку сынишке своей зазнобы, он играет. Ежели он её не потерял, отдам, и отвяжитесь!

- Живешь-то далеко? - спросил Горохов.

- Да тут же рядом у пристани квартирую, два шага отсюда...

Зашли во двор, где сохли бревна-топляки, буйно зеленела трава, бродили куры. На веревках в тенечке висели муксуны и осетры, вялились

Белокурые ребятишки играли возле сарая.

- Петюшка! Где та игрушка, которую я тебе давеча подарил?

- Не отдам! - насупился белобрысый Петюшка.

- Давай! Я те после пряник медовый куплю.

- Сперва купи!

Мнимый купец Лошакрев вырвал у Петюшки бронзового оленя, подал Улафу:

- Натя! И проваливайте!

Петюшка ревел, как паровой гудок.

Горохов обратился к мнимому купцу:

- Ты еще деньги верни, что украл у господина шведа.

Мазурик вскочил на крыльцо и закричал:

- Алена!

Из избы выскочила баба больше двух метров роста, с ужасающими ручищами. Она подхватила Горохова одной рукой, а Улафа другой и перекинула через забор, они покатались по кособогу к реке, Улаф при этом изо всех сил сжимал в кулаке свой амулет.

Сидя на прибрежном песке, он спросил Горохова:

- Что это было?

Горохов поднялся с песка, потирая ушибленное бедро, охая и стоная. Наконец он ответил:

- Это Береговая Алена. Я слышал про неё не раз, да думал - привирают, а оказывается, всё истинная правда! Она, говорят, бревна-топляки из Томи таскает, дрова колет да продает. Тем живет. Ну и зазнобу нашел этот ухах! Обнимет, так все кости переломает!

- Однако же, он жив-здоров! - возразил Улаф.

- Пистоль-то у меня где? - встревожился Горохов, - выронил, видать.

Они долго ползали по кособогу, нашли пистоль.

- Пойдем опять? - спросил Горохов, - небось, выстрелю, так и Алена испугается! Надо ж твое добро выручать?

- Не надо! - сказал Улаф,- стрелять при женщине - нехорошо, и я боюсь великанов. А этот мошенник деньги, конечно, давно пропил. Слава богу, я вернул свой талисман. Сокровище каролуса скифов будет наше...

18. ВЕСЕЛЫЕ ОСЕНИНЫ

За деревянным мостом в устье реки Ушайки до самого ледостава у берега толпятся баржи и паузки. По всему берегу рядами расставлены "бочаны" - гигантские ушаты, заполненные рыбой, орехом, зерном, маслом, салом. Возле самой воды, стоят возы с сеном. Тоже - торговля. Возле воды безопасней от пожара.

На широкой прибрежной площади в беспорядке разместились лавки, лавчонки, торгующие мылом, топорами, серпами, ситцем и бархатом, всем, чего душа пожелает. Тут же харчевни: жарится на вертелах только что пойманная рыба, варятся в котлах пельмени.

Из дальней Енисейской и Ближней Мариинской тайги прибыли старатели, они при золоте, так зачем им скучать? И здесь не заскучают.

Старичок с картинами сидит в гостином ряду. В картине так много красок, что глаза разбегаются. Монах в коричневой рясе молится в задумчивости, над ним светлые ангелы развернули ленты с надписями: "пост", "молитва", "смирение". Мимо на демоническом вороном жеребце скажет обнаженная женщина, волосы распущены, в руке лук, и пускает она стрелы, на которых начертано: "блудные помыслы, "мирские страсти". Зря старается, стрелы эти не долетают до монаха!

И вот один из старателей купил эту картину за пригоршню золота. Свернул в рулон, тащит:

- Домой приеду, в избе повешу. Писано где-то в Украине, в наших местах таких картин днём с фонарями не сыщешь.

А вот народ собрался на крик:

- Железная дева! Железная дева!

Девку молодую, красивую, нарумяненную, ставят в шкаф, а дверь его вся острыми пиками унизана. Дверь закрывают, и пики должны деву пронизать насквозь. В круглое отверстие в двери видно только её лицо, искаженное страшными муками. Из под двери ручьем течет нечто красное.

Народ вокруг кричит:

- Ой, зарезали! Хватит! Отвори! Ой, Душегубы!

Цыган дверь открывает, и дева, как ни в чем не бывало, выпархивает из шкафа, Она улыбается и кланяется. И шляпу свою подставляет, чтобы рубли кидали и золото сыпали.

Кто-то из старателей говорит:

- Обман!

Черный, похожий на цыгана, факир, обижается:

- Обман? А ну, вставай в шкаф, а я дверь за тобой закрою, на лапшу только и будешь годиться.

Старатель с опаской поглядывает на острые шипы:

- Да ну, тебя, с твоим ящиком! Лучше в кругораму пойду, там за двадцать копеек все картины мира увижу.

Мужичонка в рваных сапогах, и в допотопной кацавейке покрикивает:

- А вот кому продать зуб зверя мамуны? Величиной с человекую башку! Всего за рупь! Другого такого во всём городе нет!

Охотников купить гигантский зуб не находится. Большинство устремляется к обжоркам, к пивным.

- Айда мужики пить! - кричит могучий мужик - Сашка Ноздря, - было бы болото, а черти найдутся!

Есть заведения с вывесками. Вот - "Парижский шик", приземистая изба с малыми оконцами.

Внутри играет на сверкающей гармошке местный талант Иван Тараканов. И играет, и поет, и на заказ, и по-своему усмотрению.

Ах, какая волнующая песня!

Душа моя-странница!
 К чему прилепляешься
 И чем очаруешься?
 Ты - птичка залетная,
 Пурхая по радостям,
 Пришла в дебри страшные,
 Неведенья дикого.

Как тут не сглотнуть соленую слезу, не зарыдать о своей загубленной жизни? Она тяжелая, она неприятная, и только на одну песчинку радости целые горы горя даны нам на веку.

Пьяные золотоискатели подносят Ивану стакан вина, ставят сверху на гармошку. Он чуть отпивает, остальное передает половому. Тот сливает всё в кувшин, опять продает. За день-то Ивану поднесут сто стаканов, никак не меньше.

Золотоискатели гуляют здесь непростые. Дикая артель. На свой страх и риск забрались мужики в страшные дебри, на неведомых речушках намыли золотую крупицу, именуемую пшеничкой, теперь в Томск приехали пропивать.

В драных штанах с внутренней стороны нашиты потайные карманы, там тянет великой и приятной тяжестью золотая пшеничка. Горсть сыпанешь на весы, а тебе за это - и вино, и жаренное, и пареное.

Сашка Ноздря куражится пьяный, спрашивает:

- Как эта сладкая называется?

- Крем-брюле.

- Ага, хрен-бруле! Сорок штук подай!

И жует, и вином запивает, и самокруткой дымит.

- Хрен-брюле!

Вот уж и ночь на дворе. И базар затих. А в "Парижском шике" все гуляют, только окошечки ставенками прикрыли. Иван с гармошкой домой ушел. Две красотки вышли и перед пьяными "пшеничниками" танец египетский делают.

- Ебипет! - радостно смеется Ноздря. - Сам черт велит напоить баб до чертиков! Бабы, годи!

Женщины, показав голые ноги, скрываются в соседней комнатухе. Мужики кидаются туда. Тащат стаканы с вином. Прятушки какие-то! Были бабы, нет баб! Куда делись?

Вдруг пол под мужиками проваливается, и летят они в глубокий подпол, прямо на вкопанные в землю острые пики. Там в нише стоят двое с кистенями на палках, добывают упавших, затем зажигают фонарь, потрошат "пшеничку" из потайных карманов.

Славно погуляли покойнички! Некоторые еще не совсем покойнички, постанывают. Ничего! Сейчас их по подземному ходу отволокут к Ушайке, тут и тащить-то всего метров пять-шесть. Повернуть камень, прикрывающий вход, да скинуть мужиков в Ушайку, вот и концы в воду! А завтра еще придут гулять другие золотодобытчики.

В задней комнате заведения сидят двое: тот самый человек, что назвался Улафу Лошкаревым, и еще один ? маленький, с короткими ручками и ножками, большой головой и пристальными рачьими глазами.

Маленького так и зовут Рак, а второй - Петька Гвоздь. Большой взвешивает золото золото и считает деньги. Маленький сосет сигару, не мигая, смотрит красными буркалами.

- Не проболтался бы кто из наших, - говорит Гвоздь,- я в этой избе каждый вечер, как карась на сковородке сижу!

Рак смотрит на него пристально:

- Притомился что ли, без дела сидючи? Такую работу любая баба сделает! Мало плачу?.. Тяжело золотишко, да вверх тянет! Вот и подымайся, пока позволяют. При мне больше ныть не моги. Я иных на кол сажаю, а они еще спасибо мне говорят, понял?

Гвоздь чувствует этот тяжелый взгляд, как паутину на лице. Он уж и не рад тому, что сказал. И холодный пот его прошибает.

А Рак продолжает:

- Мы портные. У нас игла дубовая, а нить пеньковая, а портной - под мостом. А я кройщик. Как скроил, так и шей. Кто меня заложит, дня не проживет. Не просто умрет, а будет страшно жалеть, что вообще на свет появился...

- Что ты, Рак, я тебя вовек не продам!

- Ну, и крути рогами. Хотя я сам всё вижу, ты говори, если, кто сдать нас хочет, лахман* сделаем!

- Шершня опасуюсь.

- Чего опасаться? Ты его не тронь, он тебя не тронет, крючок, как крючок. Мы ему с кабака платим, остальное его не касается. Я ему столько плачу, что у него рот глиной замазан. Лишь бы чего лишнего не узнал, а то тогда вдвое больше платить придется. Если какая стерва проболтается, - загрызу!

Маленький Рак оскалил странные, совершенно коричневые, зубы в улыбке. Он закурил новую сигару и сказал:

- Помнишь, я тебе про магазин Ванштейна говорил? Сейчас брать пойдем. Только переоденемся.

Через полчаса в дом Ванштейна постучали двое. Оба с длинными рыжими волосами, но один горбатый среднего роста, а второй прямой, очень высокий. Магазин уже был закрыт. Исаак Ванштейн спустился со второго этажа, где была его квартира, на первый этаж, в магазин. Приоткрыл дверь, не снимая, цепочки, увидел двух господ в шикарных пальто и цилиндрах, и спросил:

- Что, господа, хотели?

- Желаем сдать бриллиантовое ожерелье! - сказал длинный, - поиздержались в пути, отдадим за полцены.

- Покажите.

Горбатый повесил ожерелье на палец, отблеск свечи, которую держал Исаак, упал на камни, и они заискрились.

- Оно, извиняюсь, не фальшивое? - спросил Исаак, хотя сразу же понял, что камни настоящие, но надо было поломаться, сбить цену

- У нас нынче в кассе и денег почти нет.

- Отдадим за полцены! - повторил длинный.

- Проходите! - снимая цепочку, пригласил Ванштейн.

Двое вошли в магазин, Исаак запер дверь на крючок, взял у горбатого ожерелье и стал рассматривать камни через лупу:

- Всё же мне кажется, камни поддельные!

Высокий стоял, покачиваясь, словно был пьян, его длинные руки в черных перчатках болтались, как у паяца. Что-то было в гостях странное, Ванштейн еще не понял - что именно, но в сердце ощутил нехорошее.

Горбатый сказал:

- Ну, хватит, дурочку корчить, открывай витрину, и складывай всё, что там есть, вот в этот мешок!

- Роза! Абрам! Помогите! - завопил Ванштейн.

По лестнице, в одной нижней сорочке, сбежала Роза, увидев, что горбатый наставил на её мужа пистолет, она стала оседать, схватившись за сердце.

Длинный сказал горбатому:

- Немедленно дай дамочке валерьяновой настойки!

- Ну, её! - огрызнулся горбач.

- Кому сказано?

Горбатый сунул пистолет в один карман, из другого кармана вынул пузырек, вытащил пробку, подскочил к Розе, и влил ей в рот с полпузырька.

- Остальное пусть выпьет господин ювелир! - скомандовал длинный. - Пусть господа евреи не волнуются. Пусть им будет хорошо. Пусть они поймут, что не в деньгах счастье. Деньги, ценности закабаляют человека. Он плохо спит, он всё время думает, что его могут ограбить. В сущности, денег человеку надо совсем немного, только, чтобы иметь одежду, и скромную здоровую еду, всё остальное только мешает ему жить...

В этот момент приказчик Абрам Хаймович попытался незаметно выйти через черный ход, чтобы вызвать полицию. Длинный обернулся. Раздался выстрел и Абрам упал. Ванштейн видел, что руки у длинного болтались, как и прежде, а выстрелил он как бы грудью. Это так поразило Ванштейна, что он вообще перестал, что-либо соображать.

Длинный и горбатый быстро забрали всё драгоценности из витрины, вскрыли сейф и его опустошили тоже. Потом длинный сказал Исааку и Розе:

- У вас на стене очень хорошие часы. Смотрите на стрелки. Полчаса не двигайтесь, иначе будет плохо. Через полчаса выпейте еще валерьянки, мы оставим еще один пузырек. Валерьянка первосортная. Я сам настаивал корень на спирте. Выпейте и ляжете спать. Теперь уже вам не о чем будет беспокоиться. А утром

обратитесь в бюро Гельмана, он позаботится о бедном Абраме. Не надо было Абраму спешить в полицию, Спешить вообще вредно. Адью!

На улице длинный и горбатый подошли к ожидавшей их карете. Тут длинный вдруг скинул пальто, к рукавам которого были пришиты набитые ватой черные перчатки. Горбатый помог длинному слезть слез с ходулей. И тот стал коротким.

- В карету! - крикнул он.

Карета помчала. Теперь и горбатый снял пальто и вынул из него искусно сделанный из подушки горб. Оба сняли парики. Рак рассмеялся:

- Вот уж помечется господин Шершпинский, разыскивая двух рыжих, одного длинного, а другого горбатого! У него и ума не хватит, чтобы понять что-нибудь. Это ему не полячишек гробить, не в карты играть.

А в эту самую минуту, человек, о котором толковал Рак, стоял на малиновом ковре, сияя пробором набриолиненных волос.

Ковер этот был постлан в зале для приемов в губернаторском доме, в нём тонул звук шагов.

Герман Густавович прибыл из экспедиции с Алтая, загорелый, обвеянный ветрами гор и пустынь.

Комнаты дома были украшены дарами заводских начальников, ойротских старшин. Вместе с экспедицией в Томск приехал буддийский священник Цадрабан Гатмада, был он в желтых бурятских одеждах. Зачем он был нужен губернатору, - не знали.

По случаю возвращения, во дворце был дан обед, на котором присутствовали члены экспедиции, приближенные к начальству лица.

Гости с любопытством входили в дворец высшего лица губернии. Шершпинский постарался украсить это жилище божества. У лестницы, ведущей на второй этаж, стояли два железных рыцаря, их руки в железных перчатках опирались на мечи. На площадке между этажами, в нише, скалился бронзовый лев. Из его клыкастой пасти вырывались струи воды, и падали в янтарную чашу. Выше, в позолоченной бароккальной раме, было овальное зеркало, и струи фонтана множились в нём. Еще выше была надпись: "Carpe diem!"*

Гости могли ознакомиться с экспонатами дворца, среди которых находились и потешные часы Ивана Мезгина. Были китайские болванчики, кивающие без устали, были бронзовые статуи Будды, который взирал на гостей с загадочной улыбкой.

Бронзовый тигр держал во рту нефритовый шар, готовый упасть при первых неощутимых еще признаках землетрясения. Эту восточную хитроумную штуку уже проверили, ударяя в подвальном помещении бревном в стену. Тигр немедленно "выплюнул" свой шар, хотя в верхней зале дворца никто ударов бревна не слышал и не ощущал.

Вильям Кроули со своим верным негром Махоней преподнес губернатору картину какого-то аглицкого мазила, на коей был изображен Тауэр.

Красавицы Понятовские украшали прием и, как ни странно, к одной из них просто неприлично прилип буддийский проповедник. Может, он склонял пани Анельку в свою веру. Но он позволил ей покрутить свой маленький походный молитвенный барабанчик, а она пощелкала тоненьким пальчиком Цадрабана Гатмаду по его круглой, как шар, бритой голове.

Жандармский полковник, Герман Иванович, толстый, одуловатый, задержался в вестибюле перед портретом государя императора. Он стоял навтыяжку перед портретом, словно докладывал о своих успехах в борьбе с врагами Отечества. Лицо полковника было красным и потным, словно он поднял непомерную тяжесть. На самом деле он в жизни своей не поднимал ничего тяжелее бокала с вином. И теперь он с трудом удерживал равновесие, так-как горячительные напитки начал принимать с раннего утра.

Германа Ивановича приглашали в залу, но он сделал пальцем лакею:

- Пгинеси, бгатец, подносик с гъафинчиком, и этакую маленькую гюмочку!

Ни на какие уговоры Герман Иванович не реагировал, и остался в вестибюле перед портретом, опрокидывая в рот одну рюмку за другой и честно глядя в глаза императору.

А в зале было интересно. Там, специальной подставке, стояли два первоклассных рояля, один -белый, другой - черный. Герман Густавович загорелый, цветущий, пикантно сияющий ямочками на щеках, подошел к одному роялю, за другой уселась пани Ядвига, и залу заполнила музыка Вагнера.

Золото Рейна, кольцо Нибелунгов. Зигфрид убит. Но Брунгильда въехала в погребальный костер на коне, дающее власть над миром кольцо брошено в Рейн. Сумерки богов. Русалки.

Майн гот! Что за образы! Черт возьми! Или не бери нас, черт! Но народ создает легенды не зря, не зря, не зря!

Герман Густавович взял последний аккорд, залпом выпил поднесенный ему бокал шампанского и разбил его одним ударом о стену!

Красавец, обаятельный, из высшего света. Как бы солнце, по какой-то прихоти опустившееся в таежном Томске.

Фрачные гости радостно зааплодировали. Были еще в этой зале танцы, играл пожарный духовой оркестр.

Потом пьяный буддийский монах уехал в гостиницу " Европейская" провожать не менее пьяную Понятовскую, якобы княжну.

Герман Густавович закружил в вальсе юную жену купца Федора Акулова. О, как рдеют её красивые губы! Куда ярче вишневого ковра! А веночек из пшеничных волос! А гибкая талия! А стройные, но полные и упругие ножки! Брунгильда! Она самая и есть! Но не пьет вина. Это уже плохо, а на что Шершпинский? Разве он не должен платить губернатору вечной благодарностью за свое сказочное возвышение?

Герман Густавович улучил момент, чтобы пошептать со своим полицмейстером. Тот отошел от губернатора взволнованный. Да! Деньги, подарки, всё это всеильный человек от него принимает, и дарит его своей великолепной благосклонностью, но еще большую признательность губернатора он заслужит, потакая его маленьким прихотям.

И будет он, Шершпинский, за губернатором, как за каменной стеной! Губернатор молод, служить ему долго. На жизнь Шершпинского этого хватит! Надо угодить, надо угодить! Уломать Акулиху!

Тут же послал он человека со многими фамилиями за монтевисткой:

- Таскаев! Тащи её сюда, одна нога здесь, другая - там! Понял, Глупыхин?

Минут через пятнадцать Роман Станиславович встречал Полину у лестницы черного хода. Он взял её за руку и провел в укромную комнату, уставленную

расписными китайскими ширмами и китайскими же фарфоровыми вазами в рост человека.

Стоял тут и фарфоровый диван, внутрь которого слуги наливали подогретую воду. Диван как бы повторял изгибы человеческого тела, сидеть на нем было тепло и удобно.

- Полина, ты должна сделать так, чтобы жена купца Акулова отдалась Герману Густавовичу. Когда? Сегодня, сейчас, здесь, на этом диване! Ты можешь сделать это?

Полина наморщила лоб:

- Для этого ты и вывез меня в Томск? Ты меня совсем не замечаешь, вспоминаешь только, когда тебе надо обделать очередное грязное дельце.

- Ты не права. Я тебе щедро плачу. Не время теперь разбираться. Скажи, что надо сделать, чтобы Акулиха подчинилась ему?

Полина прикрыла глаза своими длинными ресницами:

- Ты, Ромчик, скот. Но так и быть. Помогу... Если ты сперва побудешь со мной, вот здесь, на этом теплом диване, он такой гладкий, такой солнечный... - Полина погладила фарфоровое ложе длинными музыкальными пальцами.

- Ты с ума сошла!

-Думай, как хочешь!

Шершпинский решился:

-Задержкин! Стань у двери и никого не впускай!

Роман Станиславович думал о том, что глупо и нелепо заниматься с горбуней в чужом доме любовью, да не любовью, какая любовь может быть к двум горбам? И что подумает стоящий на часах Дьяконов? А! Всё равно!

А Полина, чтобы время не терять, поспешно разделась, и Шершпинский успел заметить, что ниже горбов у неё всё вполне прилично и даже больше того, там в Петербурге он этого не заметил, но бледно-розовый фарфоровый диван так ловко подчеркивал все линии и изгибы.

Одним ухом Шершпинский прислушивался к тому, что делалось в зале. Оркестр умолк.

Сейчас самое время...

- Ну! - обратился он к Полине, что нужно тебе, чтобы охмурить Акулиху?

- Пусть попадут блюдо с пирожными и лимонад, я их заряджу.

- Чем? Шпанскими мушками?*

- Ты глуп, хотя и полицмейстер. Пусть несут пирожные.

- Бубликов! Скажи на кухне, подали бы пирожные и лимонад!

Когда принесли пирожные, Полина быстро сделала над ними несколько пассов. Сказала:

- Пусть он приведет её сюда, угостит пирожными и лимонадом, я же спрячусь за ширмой.

- Как? Вдруг они тебя обнаружат?

- Не обнаружат, я найду способ сделать так, чтобы никому не хотелось заглядывать за ширму. Если меня здесь не будет, он вряд ли, что с нею сделает. Всё! Иди!

Роман Станиславович пошел в залу, поговорил с одним гостем, с другим, как бы невзначай оказался возле господина губернатора, сказал с улыбкой:

- Одну секунду, Герман Густавович, сообщение есть.

Они отошли в сторонку, Шершпинский шепнул:

- Пригласите её поглядеть фарфоровую комнату, обязательно угостите лимонадом и пирожными, всё там, на столе...

И стол, и диван, и стулья - всё из фарфора? И вазы в рост человека? Розы? Из Китая?

Ну почему не посмотреть эту китайскую комнату? Веселая Брунгильда впорхнула в заветную комнату. Почему чуточку не пококетничать с молодым господином губернатором?

Пирожные? Да, очень вкусно. Запивать? Только не вино, не привыкла, от вина кружится голова. Лимонад можно, конечно, чудесный лимонад!

Акулиха не понимала, что с ней происходит. Низ живота наполнился сладкой истомой. Диван звал прилечь, гладкий и теплый. И то, что раздевал её чужой мужчина, было вовсе не страшно и не стыдно. Откуда-то наплывали волны желания и музыка, непонятная, небесная, нездешняя.

А Герман Густавович думал, что эта удлинённость живота дана им для расположения внутри некоторой пустоты, прекрасной, зовущей пустоты. Заполнить! О, они похожи на нас и одновременно - не похожи. И это прекрасно! Это изумительно!

И он тоже слушал музыку, это был не рояль, не духовой оркестр, черт его знает, что это было. И звучало не из соседних комнат, не с потолка, ниоткуда, и отовсюду.

А жандармский полковник, тезка губернатора, всё беседовал с портретом императора. И самодержец погрозил ему пальцем и сказал:

- А ты свинья, Герман Иванович! Ты уже и на ногах стоять не можешь!

- Не могу! - отвечивал Герман Иванович, - присаживаясь на диван возле маленького столика.? Стоять не могу, но донос написать могу. Хотите, ваше величество, я сам на себя донос напишу? Челоек! Перо и бумагу!

Когда лакей принес требуемое, Герман Иванович криво начертил на листе: "Настоящим доношу, что жандармский полковник был пьян, как свинья, на балу..."

Тут силы полковника оставили и он свалился под стол.

19. КАМЕННЫЙ ДОМ

Чудесный вид открывается с Воскресенской горы. Виден весь Томск, расположенный на семи холмах. На каждом холме сияет куполами церковь.

Склоны Воскресенской горы круты, обрывисты, поросли кустарниками, березами, елями. Кое-где вьются тропинки. У самого крутого склона сохранилась часть стены древней крепости.

На этой горе стоит высоченный черный крест, поставленный на месте упокоения Карла Лилиенфельда и жены его Софьи. Означенная Софья фрейлиной при императрице Елисавете, участвовала в заговоре, была сослана в Сибирь навечно, а Карл добровольно последовал за ней. И остался лежать тут на горе, чтобы думали мы о вершинах, на которые можно подняться, и о пропастях, в которые можно упасть.

Много на горе памятных камней с готическими буквами, почерневших от времени памятников, неизвестно когда и кому поставленных. Тут покоятся умершие в

плену шведы, немцы, многие люди, которые были прежде знамениты, а теперь забыты, известно только, что ссыльные эти были непростые, знатных родов.

Камни замшели, нет никого, кто пришел бы им поклониться, принес бы цветы, окропил бы их слезами. Всё проходит на свете. Всё забывается. Пока вот еще помнят Карла, который за женой своей ринулся в стужу, в дикость, в неизвестность.

Лиственничный крест стоит у самого обрыва, И отсюда видно, как внизу кони тянут телеги с грузом и экипажи, как суетятся люди. Видно сборный деревянный бассейн у Ближнего ключа, в круглом бассейне отразилась луна. Говорят к этому бассейну гимназисты приходят читать стихи, а какая-то барышня там нередко играет у воды на скрипке, и звук, отраженный водой, летит далеко, далеко.

На горе домов немного, но всё дома древние, вросшие в землю, Есть среди них и каменные с глубокими подвалами и колодцами. Мостовая выщерблена, летом меж камней буйно растет трава, а зимой неровности сглаживает спрессовавшийся снег.

Глухо, дико, и прекрасно! Выйди из дома и гляди на весь город, на широкую ленту великой реки Томи, на извилистые ленточки многих малых рек. Видны и окрестные леса, темные, со светлыми прогалинами. Воздух настоян на хвое, чист и крепок, как первой выгонки вино.

Поздней осенней порой поднялись на эту гору два высоких господина, один уже старик, другой зрелый молодой мужчина. Молодой сметал полую шинели снежок с камней, читал надписи. Снял меховой картуз, постоял молча.

Старик сказал:

- Вот, видите, дорогой Улаф, как распоряжается людьми судьба?

Улаф Страленберг ответил своему спутнику:

- Да, милейший Философ Александрович, зрелище этих древних погостов внушает мысли о величии и ничтожестве всех людей.

И хотя были сказаны такие поэтические слова, Философ Горохов и Улаф Страленберг поднялись на Воскресенскую гору в это утро совсем не ради философических раздумий.

После памятной встречи на улице Почтамтской, когда Улаф бежал, укушенный возле развалин собора крокодиллом, или бог знает, кем, стал он жить у одинокого бывшего миллионщика.

После того, как они отобрали изображение бронзового оленя, у того, кто выдавал себя за купца Лошкарева, их вечерние беседы не раз возвращались к этому изображению.

Покуривая трубочку, Философ Александрович, говорил:

- Я чувствую, что пластинка эта досталась вам от прадеда неспроста. Откройте мне, я вам буду помогать изо всех сил, а потом мы вместе с вами купим выгодные участки, намоем кучу золота.

Старик говорил так напористо, что, не привыкший кривить душой, Улаф сознался, что, да, пластинка не простая. Это ключ к сокровищу, которое оставил Улафу его прадед. Но сокровище, если оно будет найдено, не может принадлежать одному человеку. Оно принадлежит науке, будет сдано в музей.

- Но можно же вложить какую-то его часть в прииска! - горячо убеждал Улафа Горохов.

- Если верить рукописи, - пояснял Улаф, то сокровище нельзя разделить, оно представляет собой единое целое, это - корона короля скифов.

- Но можно же будет отломить от неё кусочек! - воскликнул Горохов.

- Нет. Это невозможно! Ломать историю! К тому же, еще неизвестно, не является ли эта корона плодом больного воображения. Я уважаю предка, но ведь он перенес столько страданий и лишений, что мог принимать фантазию за действительность. Такие случаи науке известны...

- Вы сухарь! - заявил Улафу Горохов,- завтра же идем на Воскресенскую гору, искать тот дом, где ваш предок любил сиживать на масонских посиделках. Поначалу найдем вашего соотечественника Лундстрема, а он поможет.

Они нашли дом, где жил Лундстрем. Оказалось, что швед недавно умер, сгорел от вина. В последнее время он много пил, пропил всё, что имел, и закончил жизнь так печально.

Теперь им предстояло опросить местных жителей, не помнит ли кто-нибудь где тут в прежние времена жили или собирались пленные шведы? Живых свидетелей, понятно, не осталось, но, может, кто-то помнит рассказы об этом своего деда или прадеда?

Но никто не спешил ответить на их вопросы. В одном дворе угрюмый мужик спустил на них громадных лохматых собак. В другом не пожелали отпереть калитку. Третий дом был пуст и заколочен, мрачно смотрел запертыми ставнями.

В одном из домов им всё же отперли. На старинном парадном крыльце появился тощий еврей в длинном лапсердаке,* с великолепными, свисающими ниже плеч пейсами.

- Моя фамилия Кац,- изволите видеть очень короткая фамилия, хотя уже прожита не очень короткая жизнь,- отвечал на их расспросы еврей. - Вы спрашиваете о шведах, но откуда же Кац может знать про шведов, если он живет на этой старой горе, совсем-таки недавно? Вы говорите, пустить молодого господина на квартиру? Но как же Кац сделает это, если он сам живет тут, что говорится, на птичьих правах?..

Я вам скажу, молодому человеку еще и не очень-то и понравится в этом доме! Это, может быть, и очень-таки возможно, самый старый дом в Томске. Здесь сгнили балки, здесь зимой холодно, а летом сыро.

Бедный Кац живет тут, потому, что когда он был маленький, его папа умер, а мама Рива не имела денег, чтобы учить Самуила Каца в хедере. Самуил стал стекольщиком, очень хорошим стекольщиком, но это же не купеческая судьба! На хлеб еще, так и быть, заработаешь, а чтобы- на хлеб с маслом, так и нет!

- Ну, тогда тебе не помешают те деньги, который господин Улаф Страленберг будет тебе платить за квартиру. - сказал Философ Александрович.- Кстати, у тебя совершенно-великолепные пейсы! А я знаю, что был в России закон, запрещающий евреям, живущим в городах, носить пейсы.

- Что до пейсов, то закон о них так и остался, но не действует в Сибири, оттого так много евреев в Томске, что они тут имеют многие послабления. Сперва-таки ссылали евреев исключительно в городок Каинск, и это был такой, знаете, сибирский Иерусалим! Но теперь многие евреи из Каинска перебрались в Томск, да еще больше прибыло их из России, где их угнетали.

А что до платы за квартиру, то она мне таки не мешает. Я пушу молодого господина, если он будет жить-таки тихо. Этот дом не принадлежит Кацу, этот дом купили Каминэры, чтобы потом сломать его, когда будут у них лишние деньги, и построить на этом месте новый хороший дом. Может, это будет магазин или аптека,

кто знает? Пока я у них тут живу за сторожа, живем вдвоем с женой, дочери повыходили замуж. Молодому человеку я выделю большую хорошую комнату. Мне кажется он приличный молодой человек.

- Еще бы не приличный! Горохов плохого человека не приведет. Господин Страленберг известный шведский ученый, он все дни проводит в ученых занятиях, ты ему помогай!

- Кац человек маленький. Это не его дом, а Каминэров. Не дай бог не угодить богачам. У богатых портится характер. Нам, евреям, положено, ходить в синагогу пешком, так что делают эти Каминэры, Зумер-Финкели и Фуксманы? Они едут в синагогу в каретах! Не доезжают до синагоги квартал, тогда выходят и идут пешком. Кого же они обманывают? Разве бог это всё не видит? Как вы думаете?

- Ты, я вижу, любишь поболтать, но ты не докучай этим господину ученому! - сердито сказал Горохов. - Ученый проводит дни в раздумьях, напрягает свой мозг. Понимай это!..

Так поселился Улаф Страленберг на Воскресенской горе. Когда его в очередной раз навещил Горохов, Улаф сообщил ему важную новость. Постепенно ознакомившись с домом, Улаф узнал, что здесь есть очень глубокий подвал. Самуил Кац держал в этом подвале стекло и запирали дверь на замок. Улаф Страленберг не раз просил еврея показать ему подвал, но тот говорил, что там пыльно и грязно.

- А ну, веди нас в свой подвал, мы хотим посмотреть, возможно, что его строили предки господина Страленберга. - строго приказал Философ Александрович.

Кац повел их в подвал с неохотой, он держал в руке огарок свечи:

- Сейчас и ставни не отпереть, они засыпаны снегом. Темно в подвале. Что там? Только мои ящики со стеклом. Сейчас я его режу в своей комнате, да сейчас и заказов таки не густо. Заказы все бывают летом. Тогда я открываю нижние ставни, солнце заглядывает в подвал, и я режу там, на столе, стекло. Я режу его на такие куски, какие годятся для томских окон. Я знаю размер всех видов томских окон наизусть. Рамы ведь делают одинаковые.

- Ты режешь на столе? - спросил Горохов, - а стол большой, прочный?

- Очень большой и очень прочный, - ответил Кац, - как же столу не быть прочным, если он сделан-таки из камня?

- Из камня! - разом вскричали Улаф Страленберг и Философ Александрович.

- Из камня, - не понимая, почему это их взволновало, - ответил Самуил Кац. - Да столешница была испорчена, кто-то вырубил на ней зубилом желобки да канавки. Кацу пришлось-таки попотеть, чтобы сделать этот стол ровным и гладким, полмесяца скоблил я эту столешницу скребками и добился-таки своего...

При этих словах Философ Александрович ухватил его за один из пейсов и пребольно дернул:

- Ах ты, скотина! Ты всё испортил!

Кац был искренне удивлен:

- Почему же? На гладком столе гораздо лучше резать стекло!

Улаф Страленберг успокаивающе пожал руку Горохову:

- Разумеется, господин Кац, приспособил стол для своих нужд, это понятно. И стекло ему хранить где-то надо, это тоже понятно.

Но я надеюсь, что господин Кац позволит мне здесь заниматься химическими опытами. В жилой комнате химией заниматься вредно. А здесь можно всё чисто

прибрать, господин Кац может резать стекло и наверху, там много места. На каменном столе у меня будут стоять колбы с реактивами. За подвал я буду платить господину Кацу дополнительную плату. Вы согласны, господин Кац?

Кац снял ермолку* и отер ею внезапный пот. Дополнительная плата? Это другое дело. Ему в этом подвале всегда было холодно и неудобно. Стекло можно держать и в сарае. Дополнительная плата - это просто божий дар!

Через какое-то время Улаф Страленберг и Философ Александрович сидели в комнате Улафа за самоваром. На столе горела, купленная у Каца, тонкая и длинная еврейская свеча.

- Он испортил стол, и всё пропало! - сердито говорил Философ Александрович, - теперь нам ничего не найти. Куда вы будете накладывать вашу пластину, если чертежа нет! Этот пархатый его соскоблил!

Улаф Страленберг с аппетитом грыз великолепные русские баранки. Он всегда восхищался этим русским национальным продуктом. Калачики эти из плотного теста так засушены, что долго не портятся, сохраняют вкус и аромат, для здоровых зубов - это истинное удовольствие. Баранки и горячий душистый китайский чай, можно ли придумать лучшее угощение, когда на дворе трещит мороз, в печи стреляют дрова?

Улаф улыбнулся и сказал:

- Всё не так мрачно, многоуважаемый Философ Александрович! Я ученый, а наука выручает иногда в самых затруднительных положениях! Воздействие света на углубления, вырубленные зубилом, и на остальную площадь стола были различными по своей силе.

Если теперь нанести на стол определенные химические вещества, то чертеж, соскобленный этим несчастным евреем, проявится. Возможно, изображение будет не очень-то ярким, будет даже еле заметным, но этого нам будет достаточно, чтобы определить направление поиска.

- Когда же вы сделаете это ваше химическое воскрешение чертежа?

- Придется ждать весны, Философ Александрович, вы же ощутили какой полярный холод в подвале? И ставни раньше весны не открывать. А для моих опытов нужен солнечный свет.

Улаф любил прогуливаться по заснеженной горе.

Однажды пришел он к спуску с горы. Здесь петляла лыжня. С горы в крутой лог съезжали на лыжах гимназистки, меховые капоры обрамляли их румяные лица. Улаф невольно залюбовался. Он подумал о том, что русские девушки стоят на лыжах ничуть не хуже шведок.

Вдруг из хибарки выскочил со злобным рычанием огромный пес и погнался за одной из гимназисток. Она резко повернула с лыжни, наскочила на пенек и упала. Пёс кинулся к ней.

Улаф гигантским прыжком настиг собаку, сдавил своими длинными пальцами её шею. Пес успел укусить его за руку, но вскоре был им удушен.

Улаф поспешил на помощь к девушке:

- Не ушиблись ли вы?

Девушка дрожала, но всё же попыталась улыбнуться:

- Я не столько ушиблась, сколько испугалась! Ой, у вас рука кровит! Давайте, я её перевяжу своим шарфом, да не бойтесь, нас же учили, как оказывать раненым первую помощь! Вот, видите? Кровь и унялась.

Я так вам благодарна! Вы настоящий Мцыри! Задавить такую зверюгу! Вы, должно быть, охотник?

- Нет, я шведский ученый,- улыбнулся Улаф, - я прибыл изучать Сибирь.

- И вы очень хорошо говорите по-русски! И совсем не похожи на шведа.

- Тем не менее, я настоящий швед, зовут меня Улафом Страленбергом. А вот вы очень похожи на шведку.

- Тем не менее, я русская, - в тон Улафу, ответила девушка, - а зовут меня Верой Оленевой.

Тут подбежали другие гимназистки:

- Верочка! Что с тобой? Что произошло!

- На меня бросилась собака, но этот господин спас меня, причём сам пострадал.

- Нет-нет! У меня уже всё прошло! Кровь больше не течет, я могу возвратить вам шарф.

- Нет! - решительно сказала Верочка, - нельзя развязывать рану. Вам нужно пойти к врачу. До свиданья и спасибо вам.

Гимназистки укатили под гору, исчезли из вида, а Улаф долго стоял среди белых березок, вдыхая свежий морозный воздух, от девичьего шарфа на его руке излучался тонкий аромат духов.

20. ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Осенью население Томска увеличивалось всегда вдвое. Это прибывали из далеких таежных урманов золотодобытчики. Шум и гром шел по городу. Во всех трактирах и гостиницах буянили, бушевали, сорили золотишком буйные и пьяные мужики.

В домах под красными фонарями девицы измаялись обслуживать посетителей. Полиция замучилась поднимать покалеченных и убитых. Похоже было на малую войну. Шершпинский отправил специально ездить по улицам агентов в легких колясках. Завидев свалившегося пьяного золотоискателя, они вытряхивали у него из карманов, всё, что находили. Хотя и тоненький золотой ручеек, но всё же притекал в полицейское управление. Что-то записывали в бумаги, а что-то и нет.

Ювелиры, торгошники, сверлили коловоротами глубокие дыры в ножках столов и стульев. Они засыпали в пустоты золотую "пшеничку". Дыры затем заделывали деревянными пробками, смазанными рыбьим клеем-карлуком. Были и такие, что зарывали в огородах корчаги, а потом сами забывали, где именно зарыли. Уж очень много золота по осени оседало в Томске.

Считалось, что жить надо тихо. Пока ничего не строить, никому про золото даже не заикаться. Иногда так золото доходило до внуков и правнуков, а владельцы сказочных богатств ходили всю жизнь в рамках.*

Но всё же наступали новые времена. И всё больше на Почтамтской и на Миллионной вставало дворцов. Это начинали действовать отрытые правнуками на огородах корчаги с золотом.

А золото пропивалось в кабаках, золото прилипало к рукам жадных чиновников, золото попадало в руки к бандитам. Все хотели этого желтого металла. Как будто за него всё можно купить! Много, но не всё! Славу не купишь, любовь не купишь, подлинное уважение не купишь. Хотя, конечно, можно прожить и без этого, если у вас много золота.

Ударили первые сильные морозы, но лихая золотая гульба не унималась. По улицам проносились коляски с визгом девиц, песнями гармоний. Из заведений выбегали упившиеся и били друг другу сопатки. Город по-прежнему бурлил, как котел, вмазанный в печь.

Веселилось и высшее сословие. Катания-кавалькады, балы-машкерады в общественном собрании. До поздней ночи.

А в новогоднюю ночь гуляли до самого утра. Оркестры пожарников играли для танцоров, и просто исполняли пьесы. Пели певцы, а потом на сцене общественного собрания зазвонил колокол, и прошел по сцене старик с бородой ниже пояса и в рубище. А два человека в смокингах и цилиндрах, и двое в лаптях и азиях, хлестали его кнутами. Затем раздался истошный вопль младенца. И баронесса Амалия Мершрейдт фон Гильзен вынесла его в кружевных пеленках, на которых было написано "Новый 1865 год".

В одно из Воскресений извозчик привез в коляске к воротам Вознесенского кладбища девушку, тоненькую, стройную, как былинка, с голубыми глубокими глазами, непродражаемо-милым очертанием лица. Она была так хрупка, так нежна, что извозчик невольно спросил:

- Как же вы одна-то тут, барышня? Тут не лес, но, однако же, глухо.

- Ничего, поезжайте! - ответила девушка, это была Верочка Оленева.

В гимназии она ощутила себя очень одинокой. Мадам Ронне сняла комнату рядом с гимназией, заботилась о Верочке постоянно, но одиночество было так ощутимо, так мучило!

Верочка уже не раз приходила на это старейшее томское кладбище вместе с мадам Ронне, но ей хотелось побыть у могилки отца одной. Вот и поехала, никому не сказавшись.

Теперь, увидев холодный, бесконечный каменный забор, тройные ворота, и шеренги голых берез и тополей, Верочка оробела.

Есть же там живые люди? Вон встроен в забор продолговатый дом, в котором, говорят, живут кладбищенские сторожа и священники. Но возле этого дома никого не видно. Дорожки припорошены снегом и ни одного следа.

Дома Петровской слободки дымили в отдалении печными трубами, дымок, пахнувший томящейся борщовой капустой, доплывал и до стен страны вечного упокоения.

Верочка еще раз огляделась. Со стороны Петровки двигался человек. Мужчина. Вдруг - разбойник?!

Вот он всё ближе, ближе. Страшно!

Вот мужчина уже совсем близко. Верочка робко взглянула. Юноша в стареньком пальто с бархатным воротником, с непокрытой головой, с заиндедевшими черными, длинными кудрями.

Он уже поравнялся с ней и, встретив её взор, потупился. Потом спросил:

-Вы меня испугались?

- Немножко! - просто ответила Верочка, - я думала, что, может, идет разбойник.

-Я не разбойник, я здешний мещанин, меня зовут Михаилом, фамилия моя Зацкой. А почему же вы здесь одна?

- У меня тут похоронен папа. Я хотела побыть с ним наедине, но я не думала, что одной тут в эту пору так страшно!

Юноша грустно сказал:

- Вы знаете, я тоже пришел навестить родителя. Давайте войдем в эту юдоль печали вместе, а там уж разойдемся, каждый к своей могилке... Вы всегда можете рассчитывать на мою защиту и помощь! - при последних словах он невольно выпрямился.

- Спасибо!- сказала Верочка, - у вас такие глаза, что вам хочется верить.

- А ваши глаза...- сказал Миша, и покраснел, потому что понял, что здесь не место говорить комплименты.

Они прошли через ворота, возле которых стояли статуи молящихся ангелов. Дальше были склепы изумительной работы из черного и белого камня, с выбитыми на них дворянскими гербами. К некоторым усыпальницам примыкали скульптурные группы: плачущая женщина с распущенными волосами, через прозрачную тунику проглядывала прекрасная нагота. Воин в колеснице, со свитком в руках. Справа вдоль ограды стояли огромные грубо отесанные камни, с выбитыми на них крестами и фамилиями. Миша знал, что там, вдоль ограды, хоронили казаков. На одном из камней даже издалека была видна фамилия МОЛОДЧАНИНОВ, там был похоронен знаменитый атаман.

Им встретилась одна из часовен, посвященная святому Иосифу Томскому, она была с золотым куполом. Они прошли внутрь. Шаги их гулко отдались под каменным сводом. Пробивавшийся в стрельчатые окна, свет падал на картину, с которой на парня и девушку глянул сам Иосиф. Он был обнажен, бос. И держал в зубах один конец нити, другой конец её натягивал левой рукой, а правой наигрывал на этой нити, как на балалайке.

Михаил Зацкой поклясться бы мог, что в момент, когда они рассматривали картину, он услышал тонкий и нежный звук, похожий одновременно на звон колокольцев, и пение скрипки.

Этого блаженного называли песнопевцем Иосифом, он пел псалмы. Нередко пел он и собственные сочинения. Его любили в городе, позаботились об увековечивании памяти, Пожилые люди после посещения кладбища говорили: "Побывали у Ёсиньки".

-Вы слышали об этом святом? - спросил Михаил Зацкой.

- Нет, - созналась Верочка Оленева,- я недавно в Томске, мы жили на прииске, а теперь я поступила тут в гимназию...

- Вот как? - воскликнул Миша, - я тоже учился в гимназии, но не окончил, умер папа, мы стали стеснены в средствах. Но, возможно, я найду хорошую вакансию...

Да... Так вот, об Иосифе Томском. Он ходил нагой по снегу, он не имел никакого добра, кроме одной нитки, на которой играл свои песни. И пел он о том, что золото прах, а доброта человеческая - золото. Надо быть добрым. Это верное учение...

Они вышли из часовни. По странному стечению обстоятельств, оказалось, что могилка Николая Николаевича Оленева оказалась неподалеку от могилки Мишиного отца.

Это были ряды небогатых людей. Тут православное кладбище кончалось, а за ажурными решетками дальше шло католическое, а затем и еврейское кладбище.

Когда они наплакались, каждый о своем, и вышли с кладбища, Миша предложил не тратиться на извозчика. Они пошли вместе под гору, и Миша читал стихи о Томске всех томских поэтов, начиная с Батенькова и кончая Сергиевым. Он читал вдохновенно, так ритмично, что Верочка глядела на него с великим интересом:

- Вы так много вы знаете стихов! Вы, наверное, и сами их сочиняете?

- Сочиняю, но никому не показываю, - сказал Миша, краснея.

- Прочитали бы хоть одно свое.

- Нет, они очень слабые, может, подправлю, прочту когда-нибудь потом.

- Ах, не знаю, когда мы с вами еще встретимся, да и встретимся ли вообще! - невольно воскликнула Верочка, пряча озябшие руки в меховую муфту.

- Отчего же так?

- Да ведь мне-то только исполнилось тринадцать, я только поступила, мне не разрешают с юношами встречаться.

- Ну, это пустяки, Вы повзрослеете быстро, а, живя в одном городе, мы не можем не встретиться.

- Может быть, - вздохнула она, - а теперь, давайте, пойдем врозь, а то кто-нибудь из гимназических наставниц нас увидит. Нас теперь вообще никуда не пускают, в городе такие ужасные банды ходят...

Они расстались. Миша вышел к мосту через Ушайку, тут свистели полицейские, был слышен крик: "Держи!"

Миша свернул в магистрат. Долго там просидел в приемной. Проходили какие-то люди в кабинет, спорили, кричали. По обрывкам голосов он слышал, что только за месяц свели лошадей у сорока водовозов.

Кого-то утопили в пруду у Дальнего Ключа. По заснеженным улицам с визгом, гармошками и песнями в зеленых кошевках мчат кошевники. Набрасывают на прохожего аркан, затягивают в кошеву. А выкинут потом неживого и голого. И ищи их? свищи! И почему они красят свои кошевы в зеленый цвет? Не понять. Но страшно. Народ теперь вечерами боится выходить из дома без топора и дубины, или пистоля, разбои случаются даже днем.

Столоначальник долго рассматривал Мишины документы, потом вздохнул и сказал:

- Ну и что же, что Вы чуть не окончили гимназию? Чуть- не считается! Никакой свободной писарской должности у нас нет. Могли бы предложить вам должность будочника, если бы вы были в плечах пошире. А так, какой из вас будочник?.. Вы, меня извините, но вы - как есть, барышня, только в мужеских брючках...

- Я не позволю!.. - вскочил Миша, гневно сверкая глазами.

- Не позволяй, милый, не позволяй!-ухмыльнулся столоначальник, возвращая Мише документы.

А когда Миша вышел, столоначальник подумал о нем. Вот, мол, зеленые юнцы каковы. Пришел, давай ему должность, вакансию, нет, чтобы к документам еще кое-какие бумажки приложить, а то давай должность и - всё! А ведь столоначальник-то - отец многих детей, у него уж и внуков много. Люди золотом обсыпаятся, а он здесь сидит, штаны протирает.

А в городе порядка нет. И говорить об этом нельзя. Банды кругом, банды. Вот и этот, в драном пальтеце с бархатным воротничком, походит, походит, да и возьмет кистень в руки. И нагребит, и станет каким-нибудь наиважнейшим лицом, тогда придется перед ним горб ломать. Такова жизнь. А пока что, пусть походит, помотает соплю на кулак...

21. РАК ШЕВЕЛИТ УСАМИ

Рак сидел в своем доме в комнате на втором этаже. Дом был на самой окраине Томска на островке среди болот. Второй этаж был высоко над землей, но и там на окнах были толстенные железные ставни, и они плотно запирались на ночь.

Рак ел. Шевелил рыжими усами. Он изготовил чудо из сливок, яиц, десяти сортов орехов, шести сортов муки, сахара, меда, масла и многого другого. Что еще он клал в свой торт, Рак никогда, никому не рассказывал, но это гастрономическое чудо так и таяло во рту. Торт был щедро изукрашен.

Рак, стряпая, выдавливал кремы из различных трубочек. Строил нечто из малюсеньких коржиков. На этот раз у него получилась карта Томска, на которой возвышались церковки, там, где им надо было быть, стояли главнейшие гостиницы, трактиры и публичные дома, текли настоящие реки и речушки. Это были сгущенные Раком ликеры и наливки. По дорогам карты-торта катили экипажи из карамели, увлекаемые шоколадными лошадьми.

За широким и длинным скобленным столом сидели Петька Гвоздь, Береговая Алена, Санька Бобер и еще с десятков людей воровского племени.

Скаля коричневые зубы, Рак пригласил:

- Кушайте, господа хорошие! Лопайте Томск со всёй начинкой, он такой сладенький!

Петька Гвоздь хотел сказать, что сладость для мужика не еда, но вовремя спохватился. Этот обрубок разозлится, так света не взвидишь. Лучше не перечить. Он вынул из ножен кривой нож и откромсал себе тот кусок торта, где был, составленный из застывшего меда и ореховых ядер, Благовещенский собор.

Алена ела с удовольствием, жрала всё подряд: шоколадных лошадок, публичные дома, богадельни, слизывала наливочные реки и закусывала карамельными берегами. Иные мужики недоуменно хмыкали, но всё же неохотно жевали. Двое к тарту не притронулись, ждали чего-либо более существенного.

Когда торт бы весь доеден, Рак хлопнул в ладоши, и розовощекая, полная стряпуха принесла в огромной сковороде жаркое, и большую тарелку с солеными огурцами. Водки здесь пить не полагалось, Рак этого не терпел. В центре стола водрузили огромный самовар.

Все знали, что выпить можно будет потом, тайком, когда ужин закончится и Рак отправится спать.

Съели жаркое, стряпуха принесла пироги с нельмой, с калиной, с яйцами и разные прочие. Пили чай.

Наконец Рак сказал:

- Ну вот, бог напитал, никто не видал... Тортик-то мой понравился?.. Вижу, что понравился, но не всем. Васька Сыч да Фома Рваный не откушали. Вы их свяжите-ка, потом я скажу, что с ними надо сделать.

- За что, Рак? - закричал Фомка Рваный, - ну, не люблю я сладкого, так что ж?

- Вяжите их крепче!

Мужики кинулись вязать несчастных.

Когда оба отступника были крепко связаны, Рак сказал:

- Заткните им рты кляпами, тащите их во двор.

Во дворе Рак велел подтащить связанных к кирпичной кладке. Прошедшим летом вокруг дома был построен белокаменный забор. По бокам въездных ворот было выложено два каменных прямоугольных столба. Рак приказал тогда сделать эти массивные прямоугольники пустотелыми, вверху кладка еще не была закончена.

Рак велел этих двоих поместить внутрь каменных столбов.

- Помню, спрашивали вы, почто столбы не завершены? Грейте воду, делайте раствор, сейчас и завершим кладку, фонарей принесите.

Холод, снежок, промозглость. Мелькание фонарей, дымящийся раствор, тяжелые камни. Петька-Гвоздь спросил:

- Кого из них в какой столб поместить?

- Всё одно, только побыстрее, - ответил Рак. Зевнул и добавил, - чей-то разморило, спать пойду, вы уж тут меня без меня управляйтесь, за главного будет Гвоздь.

Гвоздь думал. Отчего так? Атаман их нынешний - урод, калека, махонькой, соплей перешибешь, а все его боятся. Одного его слова достаточно, чтобы человека жизни лишить. Взбунтоваться? Убить карлу? Убьешь, как раз! Тут тебя мигом другие кончат. Рак такую паутину сплел, что в ней сотни людей сидят, и с полицией у него связь, и с тюрьмами. Ничего в нем нет, кроме большой головы и глаз рачьих, навикат. Вот и получается, что голова важнее тела. Вон какие могучие мужики перед ним дрожат...

Когда Рак удалился, один из бандитов сказал:

- Может, пришить их, чтобы долго не мучились?

Гвоздь на него прикрикнул:

- Делай, что велено, а не выдумывай что ни попадя. Тащите Фомку по лестнице на столб, опускайте внутрь. Мало бы что брыкается, закладывай камнем. Теперь Ваську в другой столб помещайте... Прощевай, Васька, как говорят, не вспоминай лихом!..

Еще какое-то время метались во дворе фонари. Но вот все люди ушли в дом, и всё стихло, только луна с далеких небес с полным равнодушием смотрела на дела рук человеческих.

В то же самое время в губернаторском дворце было весело и шумно. Душой общества был новый редактор газеты "Золотое Руно". Это был потомок славного гусара Дениса Давыдова, Дмитрий Павлович Давыдов. Он приехал в Томск из

Ачинска, где служил в суде. Кроме того, он был изрядным изобретателем новых машин. Душка Давыдов издал в Иркутске книгу стихов, он же был музыкантом. О, такие люди редки! Томские золотопромышленники доверили издание своего журнала достойнейшему человеку.

На возвышении с двумя роялями Дмитрий Павлович читал свои стихи, потом присел за один из роялей, и спел сочиненную им песню "Славное море, священный Байкал..." Шершпинский, слушая песню эту, невольно смахнул с ресницы слезу. Может, вспомнил юность, и собственный побег с каторги.

Герман Густавович одобрительно похлопал артисту.

Потом Давыдов прочитал еще одно свое стихотворение, где были такие строки: "И легкий челночок, с прибором из гальванических листов, по воздуху нестись готов..."

С этого стихотворения началась его лекция. По словам Давыдова, граф Калиостро предсказал казнь Марии-Антуанетты за семь лет до события.

Давыдов общался с учеником Калиостро магнетизёром Карлом Бриндгом. Есть нечто, перелетающее, через пространство и время. Аэроавтами были некоторые атланты, летавшие на зерне. Умели из тысячи колосков выбрать несколько зерен, которые поднимали и перемещали людей.

Челнок из гальванических пластин - не пустая мечта. Модель уже была опробована, просто не хватило денег...

Купец и городской голова Тецков в этом месте лекции, ухмыльнулся, и шепнул стоявшему рядом князю Кострову:

- Выходит, без денег никакая гальваника не поможет, а при деньгах и без гальваники можно очень хорошо перемещаться.

Давыдов развернул принесенный им рулон. Это была большая географическая карта. Он её укрепил на гвоздях на стене. В точку, которой был обозначен Томск, воткнул острие огромного циркуля. Повернув раствор циркуля на восток, он уперся им в пролив Дежнева, неподалеку от американского континента. Развернул циркуль на юг и раствор его уперся между Индией и Цейлоном. Еще поворот, раствор циркуля помещается между Англией и Ирландией.

- Вы видите, господа? Томск - в центре мира!-воскликнул Давыдов. Сейчас он в центре водных и сухопутных путей. И связывает только Европу с Азией. Но воздушным путем мы сможем летать и перевозить грузы хоть в Индию, хоть в Америку, хоть в Африку. Не помешают ни леса, ни горы, ни болота. Дайте мне достаточно денег взаймы, я построю большие летательные корабли. Это будет расцвет торговли, это будет новая страница цивилизации! Выпьем господа за Томск - центр мира, и за славный город Ачинск, в котором я родился, и который я обязательно прославлю!

Шершпинский слушал редактора "Золотого руна" с расширившимися глазами. Гальванический челнок, возможность свободно перемещаться, уйти от всех недругов, если потребуется. И глядеть сквозь пространство? Время? Да! Это не Полинины штучки, хотя и Полина приносит ему огромную пользу.

Надо, надо получше с этим поэтом познакомиться, надо ему деньжат подкинуть, что ли, сухая ложка рот дерёт, известно. Ну, и в карты его обыграть, и Анельку ему подсунуть, или Ядвигу, кто ему лучше понравится. Ничего. Наш будет! Поэт!

Музыкант! Поэты, они все такие! И до баб охочи, и до вина! Нет, не вывернется! Точно!

22. КАТАНИЕ В КАРЕТЕ

У зимы свои забавы и потехи. Детишки, а иногда и взрослые катаются с гор, на санках, на лыжах, на коньках, а то и на берестяных лукошках, облитых водой и замороженных.

На Томи в это время расчищают санную дорогу и устраивают санные бега и штурмы снежных городков. А то, было, лошади тянули цугом, поставленные на сани печи, а на тех печках, на сковородках, шипели блины. Налетай, получай, с пылу, с жару!

Ехали веселые санные поезда.

На новый год немцы возле кирхи нарядили в сусальное золото привезенную из чащи пушистую красавицу-елочку. Всю зиму опять на Томи и Ушайке сияли ледяные дворцы и стояли рядом с ними ледяные слоны и жирафы.

Богатые любят кататься по Почтамтской и Миллионной в каретах. Чьи лошади лучше? Быстрее? Чья карета красивее? Иногда смотрят сквозь кисею, их-то самих не видно, а они видят.

В гости ли мчат? Из гостей ли? Поди, угадай. Есть карета, есть кони, и надо куда-то мчать.

Когда отпускает мороз, возле биржи базара всегда толпится народ. Торгаши, нищие, юродивые, бродяги, дезертиры, мазурики, воры, фабричные и дворовые люди. Кого только нет! Азямы, армяки, картузы, шляпы. Вон в круглой фуражке с красным околышем и без козырька, усач с медалью на груди, кричит:

- Гас-па-да! Пожалуйте что-нибудь герою обороны Севастополя!

Кто его знает, может, и в самом деле участвовал. Недавно выпустили медали юбилейные и раздали всем, кто во время знаменитой этой обороны был в совершенных летах.

- Гас-па-да!..

Приостановилась пролетающая мимо карета, в окошечко высунулась тонкая ручка в длинной лайковой перчатке, бросила на снег монету. Дохнуло на миг французскими духами, и карета умчалась.

А вот черная карета, и занавесочка алая. А Кони! Красавцы, буланые жеребцы. На козлах - нарядный кучер. Эта карета тоже затормозила возле усача. И дверца приоткрылась, и выглянул из неё маленький, и тоже усатый. В цилиндре он и в галстук-бабочке, с сигарой в зубах. Это был Рак. Он потянул к себе крикуна:

- Вчера только третью часть выручки отдал. Думаешь, не знаю, сколько на самом деле было? Я к тебе глаза приделал! Еще раз обманешь, загрызу! Давай навар!

Дверца кареты захлопнулась. Маленький усач, спрятал деньги в карман, вытащил из него бумагу, развернул, прочитал: "Предъявитель сего господин Отто Шнайдер есть агент Волжско-Камской пароходной компании". Маленький оскалил коричневые зубы, ухмыльнулся. Да, бумага совсем, как настоящая. По первому классу сработано. Тоже можем кое-что!

А мимо приметная черная карета с золотыми орлами! Вот это да! Сам губернатор по Почтамтской катается. Ну, ясно, что кони у него лучше, чем у Рака, губернатор всё-таки, его превосходительство!

И ошибся Рак, думая, что в карете сидит губернатор, его там вовсе не было. В карете вообще никого не было. А всё это придумал Шершпинский. Люди пусть думают: вот едет губернатор по Почтамтской.

А губернатор-то в этот самый момент сидел в простенькой на вид, плотно зашторенной карете. Она стояла возле мастерской известной шляпницы Мадам Ронне. На вывеске написано, что мадам приехала из самого Парижа. Какая женщина утерпит! Ну, как же не заказать модную шляпку к весне!

Мадам Ронне понимала, что её обман, не обман, а просто - реклама. Ну, не из Парижа она приехала, а с прииска, кому, какое дело? Шляпки она шьет самые настоящие французские.

Верочку определила в пансионат. Так лучше. Мадам заработает шитьем денежки Верочке в приданое, а девочка пусть живет на всем готовом в гимназическом пансионате. Там уже есть у неё подружки. Да и мадам встречается с ней всякий день, вот Верочке и не скучно.

Губернатор сидел в карете на широком надушенном сиденье и выглядывал в маленькую щелочку меж штор. Что-то долго сидит там, у шляпницы, Акулиха. Вот бабы! Тряпки, фигли-мигли! Но хороша! Брунгильда!

После того вечера, не раз с удовольствием вспоминал он купеческую жену. Но как было вновь встретиться? Не ехать же с визитом? И этот её гласный, простоватый бородач, может оказаться дома. И шуму будет на весь город: зачем приезжал? К купчихе? И не приглашать же её к себе? Да и как? Под каким предлогом? Губернатору трудно. Он слишком заметен в этом небольшом городе.

Выручил его, как всегда душка Шершпинский. Такой полезный и приятный человек. Просто мысли читает. Спросил, мол, не хотите ли с Елизаветой Васильевной встретиться? И пообещал устроить всё так, что и комар носа не подточит. На то и полиция.

Ага! Вот и Акулиха вышла от шляпницы. Идет к своей кошеве, там её поджидает кучер. Сейчас уедет!.. Ага! Не тут-то было. К Акулихе подошла молоденькая девушка в заячьей шапке, в легком салопчике, плачет, заливается. Идут к карете! Уже и голоса слышны:

- Не может быть! - говорит Акулиха, - чтобы мой Федор, да таким делом занялся!

- Ах, мадам! Меня он взял сильно, девственности лишил. Мало того, у меня будет ребенок. Ах, мадам, вы такая добрая, мне неудобно всё на улице рассказывать, вон и кучер ваш прислушивается, сядем в мою карету, я вам всё подробно расскажу.

Герман Густавович невольно съезжился, отодвинулся на дальний край сиденья. Дверца распахнулась, наглая девица втокнула Акулиху в карету, дверца захлопнулась, кони понесли.

- Что это? Почему! - воскликнула ошарашенная женщина.

- Елизавета Васильевна! Не волнуйтесь, пожалуйста,- быстро заговорил Лерхе, - придвигаясь поближе к прекрасной Брунгильде. - Я так тоскую без вас, я просто памяти лишился! Я смею надеяться, что и я вам не совсем безразличен, я это понял, когда мы были вместе... Не будьте вы холодны, вы же не статуя в парке!

- Нет, это была страшная ошибка! Я не знаю, что со мной было, но я теперь сама себе противна. Я не хочу больше ничего подобного. И вы... ваше положение, и эта карета, девица, с грязными поклепами на моего Федора, всё это так недостойно!

- Не надо слов, мы были вместе и будем еще! Когда любишь - всё достойно!

Он обхватил её, срывал одежды, она яростно сопротивлялась, теряя заколки и пуговицы. И была в этой ярости еще прекраснее. Расцарапала Лерхе щеку, он на это уже не обращал внимания, овладеть, несмотря на все преграды! Добиться своего! Тугое, жаркое, прекрасное тело. Карета вздрагивает на ухабах, ах, сиденье тесно, одна нога Акулихи то и дело соскальзывает. Это досадные препоны на не очень длинной дороге к блаженству.

Вот она, вся разхристанная, с искусанными в кровь губами. Свист полозьев, рывок!

Карета остановилась. Дверца распахнулась. Акулиха увидела лица своего кучера Игната и мужа Федора. Она ахнула и потеряла сознание.

Герман Густавович, хоть и не сразу, пришел в себя, и закричал:

- А ну, вон отсюда!

- Вяжи его, Игнатушка! - тихо сказал Федор Акулов, сияя гневными голубыми глазами.

- Я губернатор!

- Сволочь ты, а не губернатор! Вяжи, Игнат!

Теперь, постыдно бессильный, Лерхе лежал на полу кареты. Акулов наступил ему сапогом на горло. Игнат сел на облучок и повернул карету на Сухоозерный, где жили Акуловы.

Всё устроил именно Игнат. Когда он увидел, что какая-то девка заманила его госпожу в неизвестную карету, он помчал домой за Федором Ильичом. Им повезло, они настигли карету на пустыре на Песках, подскакали, оглушили и сбросили в снег кучера. А теперь везли в свой дом странную добычу.

Акулов велел подъехать к черному ходу, сходил, принес новое меховое манто, завернул в него Елизавету Васильевну, отнес в спальню, сказав слугам, чтобы не беспокоили, заболевшую хозяйку. Всё это время Игнат придерживал в карете связанного губернатора.

Вернулся Федор, сел в карету, сказал Игнату:

- Теперь завези нас в каретник.

Заехали в каретник, где пахло ягодами, душистым сеном. Федор Ильич выдернул господина губернатора из кареты и бросил на пол, взял в руки самый жильный кнут, и сказал:

- А ну, Игнат, сними-ка с его превосходительства штаны...

Через какое-то время Германа Густавовича привели в достойный вид. Натянули штаны, почистили платье, даже царапину на лице запудрили искусно. Сунули в карман часы-брегет, наигрывавшие песенку: "Ах, мой милый Августин!"

Потом, не Игнат, а другой кучер, отвез связанного Лерхе к черному ходу его дома. Только тогда развязал он и выпустил Лерхе из кареты. Мигом вскочил на сиденье, ударил кнутом по лошадям. Мчался возок окраинными улицами, путал следы. Уже в полутьме въехал в Акуловскую усадьбу в задние ворота.

Акулов велел своим работникам разломать возок, и все его части, которые горят, сжечь в печах. Ту карету, которой снабдил губернатора Шершпинский, увезли далеко за город и бросили там в снегу. Когда доложили Федору Ильичу, он сказал хмуро:

- Молчите все. У них свои секреты, у нас - свои...

22. ИОСИФ ИГРАЕТ НА НИТКЕ

Рак любил по утрам читать газеты. В одной из газет он подчеркнул красным карандашом статейку о том, что томские обыватели жалуются. Возле магистрата и жандармской части зимой подолгу стоят обозы с золотом. Останавливаются они, чтобы дать отдых лошадям, и людям. Заменить сбрую, запастись фуражом и провизией. Но они мешают проезду экипажей, приходится поворачивать в объезд.

И Рак задумался над этим. Караваны с золотом по зимнему пути отправляются за Урал на золотоплавильную фабрику. Если напасть на такой караван в поле, в лесу? Такие случаи были уже. И кончались для налетчиков плачевно. В пути у каравана сильная охрана, и она всегда начеку. Но никто, никогда не пробовал напасть на золотой обоз в городе. В самом центре Томска под боком у жандармерии никто нападения не ждёт.

Через какое-то время после прочтения интересной статейки, Рак состряпал торт в виде Томского магистрата. Он ел его в одиночестве и размышлял. Потом в одинокий загородный дом к Раку привезли старого фонарщика, который отвечал за фонари на магистратской площади.

- Ты самый опытный фонарщик в городе, и потому приставлен к Магистрату? - спросил Рак.

- Да, ваше степенство, - отвечал фонарщик Ерофеич.

- Ты можешь сделать так, чтобы все заправленные тобой фонари погасли в определенный час?

- Очень даже просто, ваше степенство! - отвечал Ерофеевич, - у меня глаз-алмаз, я всегда знаю - сколько налить каросина, чтобы горел до определенного часа.

- К тебе придут мои люди и скажут, когда тебе надо будет так заправить фонари, чтобы они все враз погасли ровно в половине второго часа ночи. Ты должен это будешь сделать абсолютно точно и четко. Понял?

- Никак невозможно, ваше степенство, по уставу фонари в зимнее время должны гореть до шести утра. Начальство меня уволит.

Рак ухмыльнулся, и положил на стол перед Ерофеевичем толстую пачку ассигнаций:

- Вот, возьми, здесь в тысячу раз больше, чем ты сможешь заработать за всю свою жизнь, катая на тележке бидон с керосином, и взбираясь к фонарям по лесенке. Сделаешь дело, и езжай в какой-нибудь другой город, при таких деньгах ты сам можешь стать степенством. Торгуй на здоровье, хотя бы тем же керосином, если ты к нему крепко привык! Но если ты проболтаешься кому-нибудь о нашем деле, то тогда, братец, тебе не жить.

Ерофеевич почесал затылок:

- Болтать, расчета нет. Деньги-то настоящие?

- Ну, проверь, посмотри на свет, а если хочешь, то заплачу золотом.

- Да нет. Мы к золоту непривычны, вроде бы настоящие. Значит, когда ждать сигнала?

- Этого я тебе не скажу. Придет от меня человек, и принесет тебе еще такую же пачку денег и скажет, что надо. А ты держи язык за зубами. И будь готов сразу же, как исполнишь дело, уехать из города. Лошадок купи себе добрых, экипажи, имущество заранее погрузи. Да не вздумай обмануть, умрешь, и не просто так, а в страшных муках.

- Так, значит, деньги даете большие, то это и понятно. Но я без обмана. Видит бог.

- Ступай!..

Морозным январским вечером проскрипел Ерофеевич по снегу к зданию магистрата со своей тележкой, приставил лестницу к столбу, взобрался с лейкой, стал колдовать над фонарем. Так кочевал он от столба к столбу, заправляя фонари и зажигая фитили. Площадь засияла огнями.

Охрана обоза чувствовала себя на площади в полной безопасности. Светло, рядом полиция, жандармы, чего же беспокоиться? Мороз был велик, охранники по очереди отлучались в ближайший трактир, согреться щами, стаканчик пропустить. Лошади заиндевели, пускали ноздрями пар.

К часу ночи, охранники, в своих громадных тулупах, пригрелись на возах, задремывали.

Не сразу сообразили они, что происходит, когда в половине второго, разом, как по команде, на всей площади погасли фонари.

Тотчас, как вихрь налетели темные фигуры, кололи охранников пиками, глушили кистенями. К обозным коням разбойники быстро припрягли своих. На переднего коня вскочил лихой наездник в сапогах с огромными шпорами. Ударил коня в бока, могучий жеребец потянул всю упряжку за собой, в темноту, в сторону Обруба. То же происходило и с другими возами. Ни крика, ни стопа, только хрип, хряск, стук копыт.

Напротив магистрата тускло светила двумя-тремя окнами гостиница Европейская. Вверху было несколько баснословно дорогих номеров для приезжих миллионеров. В нижнем этаже были рестораны, игорные комнаты и номера для томичей, которые пожелали бы уединиться в отдельном номере с дамой.

Накануне один из таких номеров, глядящий окнами на магистрат, занял маленький и большеголовый господин, предъявивший служащему удостоверение служащего Волжско-Камской паровой компании. Вошел он в гостиницу в бобриковой американской шубке со стоячим воротником-ротондой, и в необычайно высоком сверкающем цилиндре. С маленьким этим человечком была огромная бабища в умопомрачительных мехах. Пальцы её сияли золотыми перстнями, в ушах висели бриллиантовые серьги.

- Пусть подадут в номер шампанское и лимон, а после пусть никто не смеет нас беспокоить! - важно сказал маленький человечек.

Гостиничный служащий, получивший на чай целую сотню, обалдел. Задумался. Чего только не насмотришься на службе. Да как же этот клоп с такой дамой ходит? Уму непостижимо!

Теперь Рак велел Алене поставить себя на подоконник. Покуривая сигару, он смотрел в из за штор, через стрельчатое готическое окно, на всё происходившее на площади. Всё шло хорошо. Но вдруг хлопнул выстрел, это один из охранников, хотя и не увернулся от кистеня, но ружья из рук не выпустил, и нажал на курок.

Тотчас проснулись в караульном помещении жандармы. Раздался крик:

- Караул! По коням!

Вскакивали на сытых лошадей в седла, украшенные царскими гербами, в синих жупанах, в комолых шапках. Вылетели на темную площадь. Где, кто? Нет обоза. Вон мелькает что-то в стороне Обруба, Туда! Пали!

Треск выстрелов, Мчат преследователи, мчат и преследуемые. Пули вспороли мешки с золотым песком. На Акимовской на домах желтые и красные фонари. Стрельба и крики летят мимо этих домов. Пули залетают в комнаты, где барышни в горячке продажной любви обнимают своих мимолетных кавалеров.

Бандерша выскочила на крыльцо:

- Что такое? Разбой!

Бандершу сразила пуля. Девицы выскочили: ах-ах! А сами и не жалеют мадаму. Почти и не платила им, а с гостей такие деньги брала! Только за еду тут и приходилось с мужчинами спать. И хорошо еще, если молодой, приятный мужчина, а то старики приходят нередко, бывают и больные, заразные. Спи с ним, а потом на улицу выгонят с волчьим билетом, если заразишься!..

Лошади летят к мосту, золотая струйка из мешка отмечает путь. Кто-то из здешних мещан проснулся от выстрелов, выглянул за ворота. Мать! Золото на снегу! Схватил лопату, скребет вместе со снегом, кидает во двор!

А возы мчат дальше, но где-то на Бочановской почти все мешки были скинуты в кусты. И тотчас кто-то там во тьме уложил их на саночки, и уволок в неизвестном направлении. Где-то эти мешки были упрятаны в подполья, в неведомых развалюхах. Куда дальше будет их путь, посторонние не узнают.

Ничего не нашли преследователи, кроме пустых саней и обрубленной, порезанной упряжи.

В это время в зашторенном номере гостиницы "Европейская" Алена, целуя карлика в маковку, причитала:

- Ах ты, болезный мой, ах, ты мой маленький, ты мой умный, ты мой бедненький мальчик!

А над улицами города, где на снегу было рассыпано золото, и пролилась людская кровь, летел Иосиф, держа в зубах туго натянутую волшебную нитку. Он задевал её длинными музыкальными пальцами, и щемящая мелодия поражала ранних прохожих. Они вздымали головы в морозное небо: что это? Пролетело что-то. Но что?

23. СИБИРСКИЕ ПАЛЬМЫ

После Пасхи идет светлая седмица. Снега рыхлеют на глазах, тают, мчатся ручьи, кричат пичуги, и каждый человек может влезть на любую колокольню и звонить в колокола, хоть взрослый, хоть ребенок.

И радость на сердце не остывает, старикам вспоминается прошлое, и светлые слезы застилают глаза, а молодые сердца стучат звонко, взволнованно. Девушки вглядываются в парней, он, не он? Парни думают о девушках. Весна. Ручьи. Всё оживает в природе, в сердцах, даже камни и те, кажется, оживают.

С грустью смотрел в эту весну в окошко Миша Зацкой, Матушка совсем слегла в постелю с легочной болезнью. Денег не было. И взять было негде. Нынче Красная Горка! Радуница! К батюшке надо идти. Все проводят в этот день усопших родителей. А воздух на улицах благостный, говорят, уже первые вербы оделись пушком. А Мише и на улицу выйти не в чем!

Ах, сколько раз он бродил зимой возле в гимназии в надежде увидеть Верочку. И видел несколько раз издали, повзрослела, похорошела, прямо сказать, расцвела! Один раз с каким-то гимназистиком шла, и ревность иглой пронзила Мишино сердце. Но он подойти не мог, слова сказать не мог, стеснялся, обут-то в стоптанные, подшитые валенки. Ну, что это за кавалер, ей с таким и стоять-то рядом будет зазорно.

А как же теперь быть? Ботинки с дырами, правый - еще нечего, а в левом - две дыры, такие заметные. И носки купить не на что. Как быть?

Миша решился. Он взял банку с ваксой, щетку и стал чернить свои босые ноги. Навел глянец, обул ботинки, и их тоже принялся чернить ваксой и чистить. Потом посмотрел в зеркало. А что? Дыр и незаметно. Вроде бы и целы ботинки.

Блуза старая, но еще целая, брюки он аккуратно заштопал, так что и заплат не видно, отутюжил. Ничего, идти можно. Авось, Верочка не заметит ничего.

И пошел медленно, закоулками весны, мимо домов, домишек, украшенных кружевами резьбы, металлическим литьем, витражами. Старый город, уютный, домашний, милый.

Все дыры в замшелых заборах знакомы, спрямлял путь.

Вот и забор кладбищенский. Оглядел свои ботинки. Выпачкались в глине. Главное, не заметила бы она, что он без носок, и дыра в ботинке.

Эх, а нищих-то сколько! Идущие к родителям томичи приносят освященные просфоры, в чашках рис, сваренный с изюмом, кагор. Угощают друг друга и нищим дают. Только у Миши ничего нет с собой.

В кладбищенской церкви, что была неподалеку от ворот, шла служба. Большая икона "Спас Ярое Око", колышущиеся язычки свечей. И Миша купил и поставил свою свечку. В церкви пахло ладаном и вербой. Вышел на открытый воздух.

Священники служили литию возле могил. Были они все в белых пасхальных ризах, все старички, вида благолепного. Звенели цепочки кадильниц, и дым возносился к небу.

Возле ограды у памятных камней, в праздничной форменной одежде стояли казаки, молились, поминали атаманов, и басами, густо пел казачий хор. В другом конце кладбища пели духовное семинаристы. Чернички-монахини ходили среди надгробий и зажигали угасшие лампы.

Изумительный день этот - Радуница! Несут блины, пасхальные яйца. Много нанесли к могилкам вербы и домашних цветов в горшках. Считается, что с рассвета этого дня, до его заката, души усопших возвращаются на землю к своим телам. Душа ведь пройдет и сквозь камень, как сквозь воздух. Ты скажи ей, что хочешь, она тебя услышит. Поплачься, побеседуй, станет легче. Поговори хотя бы о том времени, когда Христос всех воскресит, и всё мы встретимся, и близкие, и далекие.

И людское песнопение, и трели птиц, тени скользят среди кустов и деревьев. Смерть, возрождение, и надежда!

Миша прошел в те ряды, где была могилка отца. Первые, пушистые вербочки положил, постоял, склонив голову, про себя разговаривая с родителем. Прощения просил за неумелость свою в житейских делах, обещал исправиться, не огорчать маму. Обещал добиться успеха в жизни. Слышит ли его дорогой отец?

Глянул в сторону, где была могила Верочкиного родителя. Нет там Верочки. Люди идут и тут, и дальше, молодые, старые, говорят тихо, смотрят светло. А её нет.

И тревога, и нетерпение. И как-то стыдно быть одному, когда люди приходят семьями. Он прошел в старую часть кладбища, где не хоронили уже давно. Ходил, рассматривал надгробия.

Вот у входа в склеп - два ангела, один черный, другой - белый. Меж ними душа, юная девушка, молитвенно сложившая руки. У черного ангела в руках хартия с перечнем грехов усопшей, у белого - другая хартия, в которой говорится о добрых делах. Что перетянет? Душа трепещет от страха!

На некоторых могилах - распятый Христос, в рост человека, чугунный, окрашенный сусальным золотом. Сверкает. Много чугунного литья, кое везут сюда из Касли, решетки, барельефы. Дверцы склепов со стеклами, тоже в сусальном золоте. Внутри - лампадки, иконы тех святых, чьи имена носили при жизни усопшие.

Овальные стекла, ромбические, блестящий металл, высеченные из гранита и мрамора венки. Статуя: ангел с раскрытой книгой. А вот из мрамора высечена прекрасная девушка, положившая головку на подушечку. Черты её фигуры грациозны и благородны. Это тоже на Урале заказывали. Но есть скульптура и с алтайских заводов.

Были здесь скульптурные композиции, часовенки с лампадками, портреты и барельефы. Были эпитафии в стихах и в прозе. И короткие, и длинные. Были мудрые изречения и на русском и на французском языках, и по латыни написанные.

Звучала скорбь надгробия героя-полковника войны 1812 года Алексея Валгусова.

Он в битвах шёл на смерть
И вышел невредим,
Жить для родных хотел,
И смерть его сразила.
Всевышний! Промысел твой непостижим!
Да будет он сирот прибежище и сила.

Миша знал, что стихи эти сочинил друг Пушкина, сын Томского губернатора Илличевского. А вот на другом надгробии старая дама заявляла:

Прохожий,
не топчи мой прах,
Я - дома,
Ты - в гостях.

А над могилой молодой дамы была такая надпись:

Пусть ты ушла, я встречи жду,
В каком не ведаю году.

В нескольких шагах было обращение овдовевшей женщины:

До свиданья там, твоя безутешная супруга.

И Миша подумал о том, как горько потерять любимого человека, о какая это непереносимая боль! Прожито много лет вместе и вот друга нет! И это непоправимо! Недаром же в некоторых романах пишут сочинители про счастливых супругов так: "Они жили долго и умерли в один день..."

Пройдя еще несколько шагов, на одном из надгробий Миша нашел стихи своего гимназического учителя Сергиева. Учителя за глаза все называли Пашенькой, ибо таков был его газетный псевдоним. Теперь Миша узнал, что Сергиев публикуется не только в газетах, но и на кладбищенских памятниках. На свежем памятнике были такие грустные стихи:

Блажен, кто краткий жизни срок
Свершил в терпенье, без роптанья,
Он чист и прав от дел своих,
С святыми горнего чертога
Навек вселится в лоно Бога.

Через какое-то время Миша нашел стихи учителя и на другом надгробии:

Тревожной совести терзанья
Его не мутят мирный сон,
Как праведник почиет он...

Невольно подумалось о том, что неисповедимы пути поэзии. Где и как западает она в сердца? Что оставляет в них? Миша тоже писал стихи, но у него пока не получалось так проникновенно, как у Сергиева.

И Миша еще раз вздохнул, и глянул сквозь кусты - пришла ли Верочка? Ждать просто так было невыносимо. Он тихонько прошел в самую старую часть Кладбища. В этой части было безлюдно. У людей, здесь лежавших, не осталось никого, кто мог бы навестить их. Кончилось православное кладбище приютом самоубийц, великих грешников.

А дальше шли кладбища: католическое и старо-лютеранское. Чуть в стороне стояла высокая стена, в которую были вделаны затейливые ворота, на них была изображена звезда Давида. К еврейским могилам вела странного вида аллея. Два ряда

росших здесь сосен были специально подстрижены так, что походили на пальмы. Здесь вы как бы попадали на жаркую землю Палестины.

И совсем уж на отшибе было кладбище старообрядцев. Там, говорят, овраг обвалился, и обнажил древние гробы-колоды, люди в них были залиты медом и не сгнили, только мед приобрел восковой цвет. Это был, утраченный ныне, древнерусский способ бальзамирования.

Миша вздохнул и побрел обратно. На одной из могил он увидел мужчину, похожего на диковинного зверя. Густые рыжие волосы были не только на голове его, но и на шее, и на лице, на щеках. Нет, не борода и усы, а волосы - сплошь. Меньше их было у глаз. Человек этот смотрел на Мишу, лежа на могилке и прижимаясь к ней своим заросшим ухом.

Заметив Мишин испуг, человек сказал:

- Не пугайтесь, я не зверо-человек, таким меня создали Бог и родители. Надоедает бриться, зарастаю, и волос такой, что парикмахеры брить отказываются, бритвы тотчас тупятся.

- Простудитесь! - невольно сказал Миша, - земля холодная еще, сыро.

- Слушаю батюшку! - сказал человек, - велит жениться, но я по складу души вечный холостяк. Вот, он мне сейчас сказал, что вы человек такой же несчастливый, как и я.

- Но как же сказал? - спросил Миша.

- Очень просто! - ответил человек, - я в Радуницу могу слышать голоса из под земли на любой могиле. Но в первую очередь я слушаю голоса батюшки и матушки.

-Разве это возможно? - спросил Миша.

-Не стану же я выдумывать? - пожал плечами волосатый. - Я слышу, приглушенно, конечно, я разбираю не слова, а целые фразы, или точнее смысл того, что мне хотят сообщить. И это абсолютно точно. Хотите, вас научу?-спросил он, отряхивая глину с колен. Да! Я забыл вам представиться, Асинкрит Горин, дворянин.

Миша назвал себя, извинился, сказал, что его ждут. Он уже заметил, что пришла Верочка. Она сидела на скамеечке возле могилки своего отца. Он заробел, увидев её изящное пальцецо, муфту, шапочку, высокие коричневые ботинки. Невольно взглянул на свои ноги, покраснел: вдруг она заметит, что у него ботинок в дырах?

Асинкрит проследил за Мишиным взглядом, сказал:

- Понимаю. Надеюсь еще свидеться, и будьте счастливы.

Миша шел к Верочке медленно. Какая всё-таки ужасная жизнь! Миша, такой порядочный, вежливый, пишущий стихи, знающий этикет, не может быть принят в хорошем обществе. Он - никто! У него даже костюма приличного нет. Но он молод! Ему хочется быть с девушкой, которая полюбила его.

Откуда-то из-за памятника с цветами в руках появилась мадам Сесилия Ронне. Пристроила цветы на могильном холмике и присела рядом с Верочкой.

Миша остановился. Верочка рассказывала ему про мадам. Но он с мадам не знаком, а теперь знакомиться неловко, он выглядит теперь так неприглядно!

Он отошел в тень, за памятники. Стоял, боясь шелохнуться, любовался издали Верочкой, сердце щемило.

Но вот мадам и Верочка встали, поклонились последний раз и тихо пошли по аллее. Мадам помахивала ярким зонтиком, предусмотрительно ею захваченным. И

вдруг Миша заметил, что мадам на скамье оставила свою сумочку. Он быстро двинулся к скамейке, взял, пропахшую тонкими французскими духами, сумочку.

Миша спешил, не разбирая дороги. Догнать мадам и Верочку, вручить француженке сумочку, вот и будет повод для знакомства. Не мог же он оставить сумочку на скамье? Её бы тут же стащили.

Он дошел до ворот кладбища, посмотрел во все стороны, Сесилии Ронне и Верочки нигде не было. Миша догадался, что они наняли извозчика, вон их сколько собралось возле кладбищенских ворот! У него же денег на извозчика не было. К тому же неизвестно: в какую сторону они поехали? Миша не знал, где живет Мадам Ронне. Но всё же сумочка дает ему повод встретиться с Верочкой. Будет ждать её возле гимназии.

Асинкрит Горин подошел к Мише, спросил:

- Сумочку взяли?

- Оставила француженка, мадам Ронне.

- Вы с ней знакомы?

- Нет, но...

- Никаких но. Эту сумочку послал вам бог. Посмотрите-ка, сколько там бумажками и медяками?

- Вы шутите?

- Нисколько! Я видел эту сумочку сам, хотел её взять, ждал только, чтобы её владелица ушла подальше, а тут вы вмешались в дело. Я шел за вами по пятам. По справедливости, мы должны поделить добычу пополам.

- Как можете говорить такое, вы, дворянин!

- Да, я дворянин! Черт вас возьми! Я дворянин, я продрог, и я хочу горячих щей с мясом. И чтобы водки дернуть! И потом ? чай с баранками и сахаром. Тут на Петровке есть очень приличный трактир, я два дня не ел по-настоящему, черт бы вас взял!

Миша прижал сумочку к груди:

- Нет, нет, нет! Даже и не думайте! А то я караул закричу! Сегодня тут много полиции! Как можете вы? Я возвращу сумочку мадам Ронне. А если хотите поесть, идемте ко мне домой. Водки у нас нет, щей ? тоже, но чаем я вас напою.

Асинкрит сник и сказал покаянно:

- Не судите, да не судимы будете. Я так обрадовался возможности хоть несколько дней пожить по-человечески, а тут вы, с вашими принципами. У меня много волос и мало принципов. Я не умею и не люблю работать, а торговать мне зорно. Наследства нет. Я живу, как зверь. Я стал уставать от жизни.

Они шли по грязи, через весь город, к Верхней Елани, где обретался Миша Зацкой, в маленьком старом домике.

Матушка Миши последние дни совсем не вставала, он сам делал всё по хозяйству. Принес воды, залил в самовар. Засыпал в трубу самовара древесный уголь, затем нащипал сухой лучины, поджег, сунул туда же, принялся дуть. Через какое-то время вода в самоваре заклокотала. Миша поставил на стол цветастые чашки, заварной чайник со щепотью дешевого чая. В берестяном блюде лежали ржаные сухари.

- Сахара нет, - сказал Миша извиняющимся тоном, - но вот- солонка, если макать сухари в соль и запивать чаем, то очень даже вкусно получается.

Асинкрит выпивал чашку за чашкой, волосатый его лоб покрылся испариной.

После чая новый знакомец сказал Мише:

- Вы, с вашей честностью, конечно, большой оригинал в этом мире, но я сам оригинален, потому ценю всяких других оригиналов. Вот вам моя старая визитка. Я живу в собственном доме.

- Так чем же вы занимаете свое время? - спросил Миша.

- Мечтаю, - небрежно ответил беспечный Асинкрит.

24. ОТРАДНЫЙ ПРИЮТ

Несколько карет проследовало за город к бывшему урочищу татарского хана Басандая. Там прежде была дача покойного золотопромышленника Степана Ивановича Попова, прозванная им отрядным приютом. И совсем не зря так прозвал он сие место.

Меж высоких утесов струилась и несла разноцветные камушки извилистая речушка Басандайка, выходили к ней по берегам белые и синие глины, галечные осыпи. По утесам вздымались шатры могучих елей и кедров, картину эту подсвечивали березки и осинки.

Природа напоминала величественный храм. Дышалось здесь легко и отрадно, шумели леса, и ворковала река. Покойный Степан Иванович бы знаменит тем, что открыл в киргизских степях свинцовые и медные и серебряные руды, поставил возле месторождений заводы. В Крымскую войну его заводы снабжали российскую армию свинцом.

На одном из утесов, в поселке, именуемом Басандайкой, Степан Иванович построил красивую церковь. Он завещал похоронить себя под ней, что и было исполнено. Теперь дача Поповых пустовала. 1

И вот в первые теплые вешние дни прибыла сюда вереница карет. Из первой кареты вышли Роман Станиславович Шершпинский и человек со многими фамилиями, из другой кареты вышел Герман Густавович Лерхе, оглядывая окрестности, сказал, очаровательно улыбаясь:

- Действительно, прелестно. Этот ваш Попов открыл подлинную Аркадию для своего отдыха, великолепно!

Из других карет вышли Вилли Кроули с негром Махоней, представитель Будды Цадрабан Гатмада, повар-китаец Ван Бэй, глухонемой Пахом, и восемь девиц, очень приятных на вид, очень юных, одетых по парижской моде и даже говорящих по-французски, они защебетали:

- Ах, шарман! Шарман!

Мужчины прошли к бывшей даче Попова. Шершпинский пояснил:

- Ныне этот дом купил Асташев, но бывает здесь редко, не ремонтирует, и садовников не держит, старый скряга, всё пришло в запустение. Ну-ка, посмотрим, что там в доме?

Человек со многими фамилиями вынул из кармана набор отмычек и ловко отпер замок.

- Так я и знал! - воскликнул Шершпинский, - мерзость и запустение. Гм...Отмычкин! Вынесите вместе с Махоней и с Пахомом на поляну столы и стулья, да протрите их хорошенько. Да вытаскивайте из карет припасы. Спустите шампанское в речку, пусть охлаждается. Ваня-Бей! Разводи костер, жарь цыплят.

- Цветочки! Кандыки! Ах, шарман! - восклицали девицы, бегая по полянам.

Вынесли из карет лукошки с живыми цыплятами. Безносый Пахом отрубал тесаком цыплятам головы, потрошил их и общипывал. А китаец мыл тушки, обмазывал острым соусом и нанизывал на вертела. Запахло жертвенным дымом жарившегося мяса. Пахом продолжал свою потрошительную работу. Вдруг какая-то быстрая тень камнем упала с небес, Пахом гундосо взвопил, потому что у него из рук был вырван цыпленок с отрубленной головой и умчался в небеса! Причем рука у Пахома кривила.

- Что это было? - удивился Лерхе.

Шершпинский сказал:

- Орел, ваше превосходительство! Мне говорили, что тут живут орлы. Вон там, на самом высоком утесе, на вершине стоит сосна, там гнездо. Говорят еще, что орлы эти кружат над заречными лугами, над борами и хватают добычу и на городских лужайках, где бродят куры.

- Девственный край! - заключил его превосходительство.

Стол составили рядом, в центре был установлен бочонок с коньяком с золотым краном. Из одной кареты вытащили несколько пальм в кадучках, и поставили возле столов, под одной из пальм посадили живую обезьяну, привязанную цепочкой. Обезьяна корчила рожи и скакала, высоко подкидывая красный голый зад.

Махоня Пахом и Ван Бэй, устали стол яствами, где жареные цыплята соседствовали с экзотическими устрицами, и грецкими орехами. Возле столов были установлены четыре арфы. Шершпинский и человек со многими фамилиями принесли из карет ящик с венками из живых роз, закупленных в цветочном магазине Верхрадского. Все мужчины и девицы украсили свои головы этими венками.

Четыре девицы уселись возле арф, и взяли первые звучные аккорды. Под эту музыку из золотого крана в стаканы струилась коньячная струя. Первый тост был провозглашен самим господином губернатором.

Сияя белыми зубами, набриолиненными волосами и крахмальной манишкой, Герман Густавович сказал:

- Господа! Мы проводим дни в бесчисленных заботах и трудах невероятных на благо отечества. Чтобы восстановить силы для дальнейших дел, нужна хотя бы краткая минута отдыха и забвения. Почему мы не можем отринуть всё на миг, и вообразить себя жителями древней Греции? Можем? Так давайте выпьем за древних греков, за их раскованность и любовь к жизни!

- Гатмада, ты можешь почувствовать себя древним греком? - воскликнул Герман Густавович, осушив свой бокал, и, видя, что Цадрабан Гатмада отстранил бокал с коньяком.- Не обижай, Гатмада!

Буддист, на минуту оставил свой молитвенный барабанчик и выпил коньяк. Его раскосые глаза сделались от этого еще уже.

Тосты повторялись, коричневая влага из бочонка вновь и вновь наполняла сосуды. В это время на поляну вышел кучерявый с рожками Пан2 в козлиной шкуре, и заиграл на дудочке. Это был один из кучеров, заранее выучивший свою роль.

Солнце пригрело, поляна вся сияла в его лучах. Герман Густавович воскликнул:
- Господа, вы помните, как проходили пиры в древней Греции? Я предлагаю одеться всем, как древние греки!

Тотчас Шершпинский раздал всем присутствующим по шелковой простыне. Он первый проворно скинул с себя все одежды, и обмотался простыней.

- Вот вам и первый грек! - весело вскричал Герман Густавович, - ну-ка, гречанки!

Девицы, жеманясь, и притворно конфузясь, скинули с себя всё французское, и стали обматываться простынями, однако же, так, чтобы места особо привлекательные для мужчин оставались не задрапированными.

Через минуту все были уже в белых накидках, из которых выглядывали их тела. Коньяк и солнце, и близость, доступность, тел. Дерни за простыню, она и слетит. Первым не утерпел Шершпинский, и сдернул простыню с одной из арфисток. И солнце стыдливо спряталось за тучи, возможно, что произошло затмение. И если бы кто-то поглядел с высоты птичьего полета, то увидел бы странное колыхание огромных белых крыльев. Или движение сугробов среди лета. Несчастная обезьянка, находившиеся вблизи от места событий, занялась обычным обезьянним непотребством.

Шершпинский дрыгнул ногой, опрокинул одну из арф, причем она свалилась на бритую голову Гатмады, и загудела и басами, и высокими нотами, словно стадо быков врзалось в толпу детей. Гатмада что-то завопил по-басурмански.

Шершпинский вспомнил вдруг про господина губернатора. Ему он подsunул самую юную "гречанку". Но под белыми простынями в сумеречном свете все волки были серы.

Эту поездку было не так уж легко устроить. Губернатору надоели княжны Потоцкие. После приключений с Акулихой, он побаивался трогать купеческих жен. Но намекал, что в наложницах особо ценит красоту и юность.

Шершпинский уговорил четырех арфисток из гостиницы Европейской, причем пришлось им изрядно заплатить. Еще четырех девиц отобрал он, объездив все публичные дома на Акимовской и Бочановской улицах. Всех восьмерых девиц Шершпинский сначала свозил на проверку к Кореневскому-Левинсону, потребовав с него письменное подтверждение того, что все девицы здоровы.

- Смотри, если что - со света сживу! - сказал он еврейскому лекарю.

Теперь можно было, не опасаясь болезней, почувствовать себя на время жителями древней Греции. Они могли переместиться во времени и пространстве без гальванического челнока, о котором говорил поэт и чудака Давыдов.

Вечерело. Стали покусывать комары. Немой Пахом и человек со многими фамилиями были трезвее других, и кое-как развели дымокуры. Шершпинский выпил больше всех, и уже не смог следить одним глазом за своим патроном.

В какой-то момент он увидел, что Вилли Кроули и Цадрабан Гатмада отвязали обезьяну и попытались её случить с одной из арфисток. Ничего у них из этого не получилось. Обезьяна не поняла их намерений, и с дикими визгами унеслась в дебри могучей тайги.

Затем рыдал негр Махамба, которому стало жалко негров гибнущих теперь в Америке в войне между Севером и Югом. И Шершпинский подумал о негодях мечтающих создать соединенные штаты Сибири, и заругался матерно.

Следующий просвет в помраченном сознании Шершпинского случился уже внутри дачи Попова. Он увидел себя на пыльном полу, стоящим на четвереньках. И услышал голос Лерхе:

- Мы слоники, слоники!

В это время в церквушке над могилой Попова зазвонил колокол. Он звонил гневно и страшно. И Шершпинский мог бы поклясться, что увидел в проеме двери лик самого Святого Онуфрия, покровителя золотоискателей и золотопромышленников. Старец был гневен и прокричал громовым басом:

- Вон отсюда, демоны, осквернители! Исчадья ада!

- Уздечкин! Запрягай!- завопил Шершпинский.- все по каретам! Живо!

Страх обуял всех на даче. Колокол продолжал звонить, лошади ржали и вставали на дыбы. Над кортежем кружили в темных небесах встревоженные орлы.

- Шампанское забыли в Басандайке! - напомнил человек со многими фамилиями.

- Винников! Погоняй быстрее! Пусть то шампанское пьет святой Онуфрий!

Кортеж катил в свете луны по дороге, петлявшей меж боров и лугов. Колокол над Басандайкой звонил всё глуше. Девицы в каретах торопливо натягивали на себя кружевные французские панталоны и длинные платья, пристегивали крючки и кнопки. Одна из них всё никак не могла успокоиться, и повторяла, чуть картавя, на иностранный манер:

- Ах, шарман! Шерами!

26. ПОЖАР! ПОЖАР!

После потери своего великолепного дворца, граф Разумовский отправился к Асинкриту Горину.

Он был когда-то дружен с отцом Асинкрита, видным золотопромышленником, и скупщиком золота у диких старательских артелей. Отец Асинкрита был также густоволос, как и сын, и тоже звался Асинкритом. Он благоволил к графу Разумовскому, однажды подарил ему самородок, но просил это держать в тайне. Асинкрит старший вообще был человеком скрытным. Никто не знал, сколько у него есть состояния. И погиб так: в тайге на охоте, другой охотник принял его соболью шапку за живого соболя, да всадил заряд в затылок. А вскоре и матушка Асинкрита умерла, как говорили, от огорчения.

Разумовский пришел к Асинкриту младшему и заявил:

- Сир и наг стою под небом сим! Пощади меня и дворню мою, в которой есть много женщин и деток малых. Приюти. Отец твой поступил бы так, будь он жив. Больше идти некуда. А я твой дом почию.

Рыжий Асинкрит долго отнекивался, потом взял с графа Разумовского слово, что тот не будет почиять его дом, и будет хранить тайну дома. И вскоре граф со своей челядью поселился в ветхом доме Асинкрита.

Горин ходил всю зиму в драном полушубке и в залатанных валенках, которые были почему-то оба для левой ноги, и смотрели носами в левую сторону. И летом Горин был одет совсем не по-дворянски, походил на нищего. И иногда выпрашивал в

кабаке в долг пару чая, ему подавали эту пару: маленький чайник с заваркой, и большой с крутым кипятком. Он сидел и швыркал чай без хлеба и сахара, и тем вызывал жалость в завсегдатаях. Теперь Горин сообщил Разумовскому о тайне, которую он хранил от всех. Отец взял с него клятву сохранить для потомков, оставленное в условном месте золото. Горин должен был жить бедно, и дети Горина, тоже должны жить бедно всю свою жизнь. И только внуки смогут вынуть золото, оттуда, где оно лежит. Они поставят роскошные дворцы, и заживут богаче, чем живет теперь Асташев. Золото за это время выделит из себя всё впитанное им зло, и пойдет на пользу.

Горин привык к своей ленивой бедняцкой жизни, и уже не хотел менять её ни на какую другую. Годы шли, а он всё не женился. И был он недавно на кладбище, и сквозь землю разговаривал с покойной матушкой, она ему сказала, чтобы он непременно женился. А ему не хочется.

Он провел Разумовского в полуподвал под своим домом. И там граф с изумлением увидел роскошные хоромы, обставленные дорогой немецкой мебелью, увешанные персидскими коврами, на которых висели ятаганы и ружья. Было в хоромах много фарфора, серебра. Богатые диваны манили присесть. Было несколько окон, пропускавших свет в полуподвал, но стекла были рифлеными, и со двора в них никто ничего не смог бы увидеть. К тому же окна эти были забраны толстенными решетками.

Вся мебель в хоромах и полы были покрыты толстыми слоями пыли. И когда Асинкрит и граф Разумовский прогулялись по подземным хороминам, всюду на полу остались четкие следы тяжелых сапог графа, и аляповатые следы подошв растоптанных ботинок Горина.

Когда граф Разумовский и Асинкрит, вышли из подвала, рыжий волосатик Асинкрит, запер его огромным замком, и пояснил:

- Это всё тайно выстроил и обставил папа. Сам он в этом подвале не жил, но говорил, что я, после его смерти, могу жить в этих апартаментах. Надо только делать вид, что живу в старой бедной квартире наверху.

Но я не желаю жить в этом секретном жилище. Я не привык к роскоши, меня здесь что-то давит. Мне хватает моей

маленькой каморки в мезонине. Моя лежанка, да колченогий стол, да самовар, вот всё мое имущество. И этого много. Я уж чувствую, что вещи закабаляют. Тот же самовар приходится время от времени чистить. Меня это тяготит страшно. У меня всего две чашки и то мне их лень мыть. Так что проживу в каморке.

Вы же занимайте весь остальной дом, кроме, разумеется, подвала. О том, что в нем находится, не должна знать ни одна живая душа. И пусть ваши чады не вздумают по малолетству своему лезть в подвал, да пусть стекла не побьют.

- Они у меня ученые! По струнке ходят, я их воспитаю в страхе Божиим! А ваш, батюшка, был величайшего ума человек, мы будем вместе с вами свято исполнять его завещание. Еще скажу, что вам женитьба не помешала бы. Это даже ваш долг, согласно завещанию вашего батюшки. Кому-то же надо передать наследство? Хотя, это дело вашей совести. Каждая божия тварь сама избирает себе образ жития. Недаром же сказано, что блаженны нищие духом...

Меня лишил всего достояния богатый дракон, но вот бедный самаритянин дает мне кров, и господь да услышит его молитвы...

Так под одной крышей оказались два незаурядных томича.

Горин целыми днями валялся в своей каморке и брэнчал на самодельных гусях. Еще играл сам с собой в самодельные карты. Нередко ходил он на базар в часы закрытия, собирать под столами, закатившиеся туда морковки и картофелины. Собирал окурки возле табачных лавок, а возвращаясь домой сворачивал и закуривал чудовищной величины самокрутку. Он говорил, что самокрутка из разных сортов табака куда прекраснее самой дорогой гаванской сигары.

Граф разместил в усадьбе свою многочисленную и странную дворню, занялся огородом, и украшением горинского дома. Первым делом он вывесил на фасаде, вырезанные им из дерева свои фамильные гербы, на которых были изображены и корабли, и пушки, и орлы, и солнце. Затем поместил на фронтоне вылепленную им из глины статую, изображавшую не то мужика, не то бабу.

- Это химера! - Пояснил он Горину. - Это только начало, их будет много, и все будут разные.

Разумовский был переполнен проектами и художественными замыслами. Дня ему не хватало. Обыденные дела его мало интересовали, но иногда граф позволял себе тайно подманивать соседских кур горсткой пшена в какие-нибудь заросли. Там он ловко прижимал их своим старым сюртуком, так, что они разом лишались голоса и жизни. Тогда он баловал себя, Горина, и какую-либо из своих прислужниц куриным супом. При этом ругал на чем свет стоит вампира и упыря, притворившегося губернатором и статским советником.

- Да, что-то неладное в городе стало твориться! - подтвердил Горин, - грабежи и разбои среди бела дня стали привычны. Люди на улицы выходят только с дубинами, топорами или пистолетами. Слава богу, я беден, ко мне никто не пристаёт.

И однажды случилась беда, которой так боялись все томичи в своем старинном деревянном городе. В жаркую погоду, в сушь, вспыхнул в Татарской слободе, в Заисточье, пожар. Как всегда, во время пожара задул сильный ветер с реки, казалось, его, рождает само пламя. В Заисточье пожарная часть была слабая, держали всего три пожарных колесницы, уповая на близость большой реки, Томи.

На сей раз, пожар был нешуточным. Пламя грозило перекинуться из заисточной низины в верхнюю часть города. Поэтому колесницы из трех пожарных частей помчались по Почтамтской к спуску в Заисточье.

Пожарники сидели на длинных телегах-линейках с двух сторон. Медные каски их с гребнями, были начищены мелом до блеска. Они напоминали каски древнеримских воинов. У пожарных начальников каски были серебряные, с черными гребнями. Сверкали в руках их пожарные топоры с длинными топорницами. В длинных бочках бултыхалась вода. Вперед, вперед! На подмогу сотоварищам!

Но до Заисточья пожарные обозы не доехали. Господин губернатор, незадолго до пожара купил дом на Юрточной горе неподалеку от спуска в Заисточье. Дом этот был изумительной красоты, но не каменный, а деревянный. В этом доме поселились, приехавшие из Петербурга, жена и дети Германа Густавовича. Дворец же, снятый для него Шершпинским, губернатор использовал для приемов, деловых встреч и развлечений.

Господин губернатор остановил пожарные обозы возле своего дома, и приказал не трогаться места. И на всякий случай полить крыши и стены соседних домов. Некоторые пожарные роптали, но кто мог послушаться?

Немедленно в устье Ушайки приволокли конной тягой особенную паровую машину, которую томичи прозвали Марьей Ивановной. Она была заранее набита сухими дровами. Установив машину в устье Ушайки, пожарные тотчас растопили печь. Паровой котел привел в движение поршни, Марья Ивановна принялась ухать и сопеть. Вода из Ушайки побежала по длинным рукавам. Пух-пух!- старалась Марья Ивановна. Орала мальчишки.

Заисточье выгорела дотла. До самой ночи металась там люди. Стояли цепочками от реки Томи до места пожара. Передавали из рук в руки ведра с водой. Из загоравшихся домов люди вытаскивали сундуки с добром, перины, узлы, оттаскивали на поляны, где безопасно, снова бросались тушить дома. А в это время рысью походкой к сундукам, перинам, узлам приближались какие-то люди, хватали чужое добро, тащили в лодки. В одной из лодок сидели двое: карлик и огромная баба. Карлик, вытащив из кармана сигару, кричал:

- Мужики! Спички дома забыл, принесите уголочек, прикурить!

Через два дня в городской думе состоялось бурное заседание. Больше других гласных горячился Федор Акулов. Он требовал составить письмо в Омск генерал-губернатору Панову, а еще жаловаться самому государю-императору.

Городской голова, Дмитрий Иванович Тецков, кряжистый человек, стриженный в скобку, с золотой цепью на шее, отвечал на все крики:

- Его превосходительство губернатор назначен самим императором, не нам обсуждать его приказы. Он справедливо заботился о том, чтобы огонь не перекинулся в верхнюю часть города.

С улицы мужики закричали в окна:

- Тебя, Тецков, за твою неправду надо метать из окна!

Побагровев, как закат в окне, Дмитрий Иванович громовым голосом крикнул в окошко:

- Умолкни, голота! В клоповнике сгною!

Налил из графина забористого кваса, выпил. Да как они смеют на него, Тецкова, кричать? Потомок Ермака, славный чаеоторговец, пароходчик. Жертвователю на церкви и богадельни, сколько для города сделал? А эти молодые купчики, на какого замахиваются? На самого господина губернатора? Да как смеют? Такие слова даже вслух-то говорить нельзя, только шепотом под одеялом, жене.

Федор Ильич понял, что зря кричит, голос надрывает, умолк. Вспомнил, что в город приехал недавно хотя бы и ссыльный, но очень известный юрист. Профессор. Фамилия его Берви-Флеровский. Он поселился в Сенной части. Досужие горожане уже проведали, что человек сей потомок некоего шотландца Бервика, что умен необычайно.

Один Федор Ильич ехать к юристу не решился. Есть ведь еще обиженные.

Заехал к графу Разумовскому. Тот сразу же распалился:

- Давно пора разоблачить эту банду, как полицмейстера, так и губернатора. Честных граждан убивают, жгут, а бандиты благоденствуют! Такого даже в Гоморре и Содоме не было видано и слышано. Котел уже бурлит, пар выхода ищет!

- Так-то, так! - закивал Федор Ильич, но надо собрать свидетельства всех ущемленных, чтобы было с чем к сему профессору идти. Известно, граф, что вы человек знающий обхождение, умеющий говорить...

- А что? Я этим займусь! Небось, потом этим аспидам не поздоровится.

- Хорошо, я со своей стороны тоже сделаю всё возможное. Потом встретимся.

27.НОЧНЫЕ ЛЮДИ

Евгений Аристархович не слишком-то изощрялся в разнообразии. Он велел привести к нему еврея Каца, подергал его за пейсы и сказал:

- Я тебя сейчас спрашивать ни о чем не буду, сначала я прикажу тебя посадить в одну маленькую ямку. После того, как ты там посидишь денек-другой, ты мне всё быстренько расскажешь.

И бедного Самуила Каца отвели темными коридорами, и столкнули в ту самую яму, где прежде сидел Улаф Страленберг. Теперь в яме сидели уже другие бандиты, но нравы их были те же самые, что и у их предшественников.

Самуил Кац и представить себе не мог, что такое может быть.

На третий день, Евгений Аристархович, как и обещал, вызволил Каца из ямы. Когда несчастного ввели в кабинет, Евгений Аристархович ласково спросил:

- Ну, что, жидовская морда, будешь всё рассказывать, или хочешь еще побыть в яме?

- Всё, что угодно будет вашему превосходительству, всё буду-таки рассказывать, как перед господом богом.

- Расскажи, что делает, живущий в твоём доме швед по имени Улаф Страленберг.

- Он занимается наукой, химическими опытами. Может быть, мне, старому дураку, не надо было его пускать на квартиру, не надо было ему верить, может, он там и делает фальшивые деньги, но я таки никаких денег у него не видел, клянусь мамой!

- Видно придется тебя спихнуть в яму еще недели на две!

- Ваше превосходительство! Ради всего святого на свете! Не губите бедного Каца. Я не видел фальшивых денег, ей богу, ваше!..

Кац упал на колени и стал целовать ботинки Евгения Аристарховича.

- Встань! Какие опыты делает он, расскажи?

- Не знаю. Он занимается этим в подвале. Что-то смешивает в колбах, что-то там кипит-таки в них, испаряется.

- Кто к нему ходит?

- Господин Горохов бывает.

- О чем говорят?

- О разном, о погоде...

- По делу говори, а то...

Кац мучительно соображал, что же такое сообщить Евгению Аристарховичу, чтобы отпустил бы Каца на свободу, но даже и под страхом мучительной смерти не мог он оговорить невинного человека. И вдруг он вспомнил!

- Не знаю, будет ли вам это интересно, но ученый швед проявил своей кислотой чертеж на каменном столе.

- Интересно! Что за чертеж?

- Я не знаю. Этот чертеж еле виден, а я давно слаб глазами. Я вам скажу, какие-то извилины, вот как у меня, на моих старых руках.

-Что еще?

- Больше ничего такого не знаю.

-Ладно. Сейчас пойдешь домой, запомни: ты здесь не был, ничего не видел, и не слышал! Следи за каждым шагом этого шведа. Запоминай, что будут говорить с Гороховым. Будут приходить мои люди, покажут, вот так, два пальца, отвори, выполняй все их указания. Смотри, не проболтайся никому, а то сам знаешь, что тебя ждет, упрячу в яму уже навсегда.

Кац кланялся, Кац сам не верил, что его отпускают. Отпустили.

Ночью Улаф спал в саду. Луна так светила сквозь ветви, что получались причудливые кружева вокруг топчана. Пахло сиренью, медом, счастьем.

Улаф уже давно проявил прадедовский чертеж, наложил на него заветную пластину. Ему не составило никакого труда по точке, на которую пришелся "глаз оленя", вычислить местонахождение клада. Чертеж он тут же уничтожил, смачивая стол особыми составами, и работая скребком. Лишние люди не должны быть посвящены в тайну. Это он понимал.

Подземный ход, о котором сообщал в письме прадед, давно осыпался, так утрамбовался, что вряд его можно было раскопать. Улаф отсчитал шагами нужные метры, и сверил направление по компасу. На месте, где полагалось быть древнему острожку Барбакану и колодцу с кладом, стояло внушительное здание.

Страленберг опросил в окрестных домах самых старых жителей, они подтвердили: да, Барбакан был как раз на том месте, где теперь соляной склад, Был там древний колодец: замшелые камни, и тяжелая дубовая крышка. Из этого колодца пил воду сам Радищев, когда гостил тут у коменданта города де Вильнева, обрусевшего француза. Радищев тут и шар воздушный запускал, тоже был ученый человек, как и Улаф. Ныне от колодца остался чуть заметный холмик. Колодец заилился в незапамятные времена, крышку и камни утащили.

Подарив старикам по мелкой монете на чай, в хорошем настроении Страленберг отправился к соляному складу. Он напевал на ходу стихи из Эдды. Это было поучение Сигдрифа Сигурду:

Руны найдешь ты, жезлы расписные,
Полные силы, силы целебной.

И еще пел он:

Пусть грохочет прибоя волна,
Ты воротись с моря, здоров.

И он чувствовал себя викингом, прошедшим многие опасности, получившим ранения, но всё преодолевшим, приблизившимся к цели, и готовым праздновать победу.

Улаф выяснил, что соляной склад - это бывшая кордегардия, построенная во времена императрицы Екатерины. Теперь тут размещался государственный соляной склад, были там сторожа.

Когда к Улафу в очередной раз пришел Горохов, ученый рассказал ему обо всем. Восстановить подземный ход к древнему колодцу не хватит сил. Нужно проникнуть на территорию соляного склада и поискать там колодец. Даже если он разрушился, добраться до клада будет значительно проще. Может, обратиться за содействием к господину губернатору? Он посодействует работам научной экспедиции.

- К господину губернатору?! - вскричал Горохов. - Иностранец! Ты думаешь, что говоришь? Ежели ты обратишься к господину губернатору, то не видать тебе этой короны, как своих ушей! Научная экспедиция! Да тебя жизни лишат! Это же Россия!

Губернатор такой же негодяй и мздоимец, как и все большие и малые чиновники в этой великой стране. Они говорят о пользе Отечества, а думают лишь о кошельках своих. У нас в стране много людей, и жизнь человеческая ничего не стоит. Если речь идет о власти и деньгах, они не только одного человека не пощадят, но будут убивать их целыми тыщами! Таковы не только губернаторы, но и те, что топятся возле трона, и сидят на нем!

Россияне не умеют биться до смерти за справедливость, но убивают друг друга за те крохи, что оставляют им на жизнь правящие наглецы. Иностранец! Тут надеяться можно только на самого себя. Это Россия.

- Что же делать?

- Подкупим сторожей соляного склада, да и покопаемся там, сколько нам потребуется. А то - к губернатору, придумал тоже...

Теперь Улаф перед сном был охвачен приятными чувствами. Заветная цель близка...

Вдруг навалилось на него нечто темное, сдавило. В рот Улафу влезла вонючая, тугая тряпка. Его ударили по голове и поволокли куда-то.

Его доставили в какой-то дом, вытащили кляп изо рта, но он всё равно не мог говорить, сознание его помутилось.

Очнулся он в той же яме, где был по приезду. Его опять терзали полузвери. Так прошла неделя. Потом Улафа вытащили из ямы, привели в подвальную комнату, где было много непонятных крючьев, цепей, клещей. Перед ним возникли Роман Станиславович и Евгений Аристархович.

- Рассказывай всё, да побыстрее. Где лежит золотая корона?

- Ничего я вам не скажу! Я иностранный подданный.

Шершпинский хлопнул в ладоши, появились два дюжих мужика в масках и красных фартуках, они раздели несчастного Улафа Страленберга, привязали за руки, и вздернули через блок. Казалось, руки сейчас оторвутся. А мужики в масках развели горн и стали накалывать в нем железные клещи.

- Сейчас из тебя будут рвать куски мяса раскаленными клещами. И ты всё расскажешь! - сказал Шершпинский.

- Я шведский подданный! - сказал Улаф Страленберг, помня рассказ Горохова об этой стране, и, видя, что пощады ждать, не приходится.

В его памяти возникли матушка и отец, Стокгольм, веселые рождественские праздники, когда Санта Клаус приносит детям подарки. Его каморка на чердаке, умные книги, с которыми он готов был беседовать всю свою жизнь...

А вечером того же дня перед Раком на его загородной заимке стоял Гаврила Гаврилович. Тот самый, что служил при тюремном замке конвоиром. Рак его спросил, скаля прокуренные зубы:

- Ну, что нового, дорогой Гаврила Гаврилович, у вашего шута горохового?

Гаврила Гаврилович обстоятельно докладывал Раку:

- Неделю назад второй раз посадили к нам шведа, какой-то Уля Кралябер. Ученый. Его в подвале полицмейстер и Евгений Аристархович горячими клещами пугают. Корону каку-то золотую шведец нашел. То есть, её еще откопать надо, а он им место не говорит. Талдычит одно - я шведец, и всё тут. На короля своего ссылается.

Убивать им его расчета нет, пока секрет не выведают. Потому щипцы только греют, а мясо не рвут, но могут и перестараться. С них станется. Надо бы вам поспешить, ваше степенство, пока шведец не сознался.

- Хорошо. Вот тебе червонец. Получишь сотню, когда мы этого Улю вызволим из замка. Шепни ему, чтобы не боялся, не сознавался, скажи, что ученые люди о его беде знают, скоро освободят. Ты смотри, чтобы его, там, в яме не пришибли. Сидящим там каторжникам шепни, что Рак не велел обижать. Жратвы ему передай. Выведем через подкоп ночью, как в прошлый раз Емелю Карего выводили, всё понял?

-Мы всегда.

- Ну, Смотри! Сам знаешь...

Горохов, придя в очередной раз, к Улафу Страленбергу, не застал его. Кац твердил:

- Господин Улаф уехал в ботаническую экспедицию.

- В какую такую еще экспедицию? Что ты мелешь? Он никуда не собирался, что ты, пархатый, врешь такое?

- Кац человек маленький. Откуда Кацу знать? Господин Улаф сказал-таки, что едет в экспедицию.

Горохов не поверил. Он понимал, что тут без крючков не обошлось. Выследили! Вынюхали! Вот, чертово семя! Из под носа добычу увели! Может, самому раскопки эти затеять? Но силы уже не те. И сторожей подкупить нечем. Взаймы никто Горохову и гроша ломаного не даст! Неудача, за неудачей. Но Горохов всплывет! Вопреки всему! Он будет еще есть с золотых тарелок!

28. МУЗЫКА БАХА

Господин губернатор Герман Густавович Лерхе инспектировал женскую гимназию. Воспитанницы стояли рядами в актовом зале имени Марии Магдалины. На стене висел огромный портрет императрицы Марии Федоровны. Написано было очень живо, французским мастером. Императрица выглядела величественно, и была обворожительно прекрасна.

В сопровождении директрисы, госпожи Фризель. Герман Густавович обходил ряды воспитанниц. Все они были в темных платьях с белыми кружевными

воротничками, и нарукавниками. Герман Густавович им понравился, он был такой блистательный, молодой мужчина, в меру упитанный, подвижный, весь до последней складочки в одежде вылощенный. Этаким петербургский фронт.

Директриса рассказывала о преуспевании в учебе здешних гимназисток, о том, что их учат этикету, рукоделию, многим полезным вещам, кроме обычной гимназической программы. Девицы хорошо знают историю, географию, литературу, некоторые пишут даже стихи. Вот, например, Верочка Оленева.

Губернатор взглянул на указанную ему девушку, почти девочку еще. Она порозовела. Ах, как она была хороша в своей трогательной невинности, в своем смущении, сквозь которое всё же проглядывало и неосознанное женское кокетство!

- Да, да! - улыбнулся Герман Густавович директрисе, - всё это так замечательно! У вас действительно образцовая гимназия.

При этих словах он невольно окинул фигурку девочки быстрым взглядом. Взгляд чуть задержался на, выглядывающих из под длинного платья, стройных ножках. Ботинки с высокой шнуровкой так мило охватывали изящные щиколотки. У его превосходительства даже под сердцем засосало.

- Да-да! Полная подготовка к будущей жизни в обществе. Закон божий. Кружевное дело, переплетное, музыка, живопись. Иностранные языки. Хорошие манеры. Всё это достойно всяческого одобрения. Вы совершенно правы. Я желаю всем преподавателям, воспитателям, наставникам. Как это у Шекспира? Да...

Герман Густавович мимолетно перешел с французского языка на английский, процитировав Шекспира, вернулся к французскому и закончил речь несколькими русскими словами.

- Хорошо. Я очень доволен!

Герману Густавовичу передали в дар картонку с носовыми платками, расшитыми воспитанницами гимназии. От картонки густо несло духами. Он передал её чиновнику, галантно поцеловал директрисе ручку. Раскланялся с другими гимназическими дамами. Подумав при этом: "Черт возьми! А мне так не хотелось идти в эту гимназию! Вот уж поистине - не знаешь, где потеряешь, а где найдешь!.."

Он велел чиновнику отвезти картонку не в свой семейный дом, а во дворец. И вечером того же дня долго перебирал платки, стараясь себе представить, который же из них вышивала Верочка Оленева? Может, вот этот? На нем вышиты гроздь белой душистой черемухи. Да! Именно гроздь белой молочно-розовой черемухи напомнила ему эта девчушка, щемящий аромат, божественная свежесть!

Но черт бы всё побрал! Этот Шершпинский подсовывает ему, губернатору, каких-то бочановских шлюх, словно какому бродяге, или каторжнику! Бочонок с коньяком! Древняя Греция! Простыни, венки! Всё это глупо, стыдно, и дешево. Орлы цыплят клюют. И колокол звонит. И какая-то стариковская рожа была, видение, что ли?

И голова после этой попойки на природе три дня трещала. Нет, надо сказать, полицмейстеру, чтобы он всё же старался. Тогда вот не уследил, так из-за этой купчихи, стыд сказать, выпороли! И по городу уже слушок прошел. Верят, не верят, а слух есть. Медвежьи услуги этот, возвышенный им, чертов каторжник оказывает! Ловкач тоже! Надо предупредить! Усы большие, а ума особого не заметно.

Когда желчь немного поулеглась, Герман Густавович велел пригласить Шершпинского. Тот не замедлил приехать. Да кто же станет медлить, если губернатор зовет? От него вся жизнь, всё наше земное существование зависит, почти, как от бога.

Шершпинский постучал и энергично вошел в губернаторский кабинет, бравый, с лихо подкрученными усами. Стоял в почтительном полупоклоне, чуть склонив голову на бок, являя готовность ринуться исполнять любое губернаторское приказание.

Лерхе отвернулся к окну, и это означало, что у него плохое расположение духа. Выдержав значительную паузу, он повернулся, но не ответил на приветствие полицмейстера, а заговорил резко:

- Что-то слишком много жалоб на вас поступает от горожан, почтеннейший!

Шершпинский с готовностью закивал:

- Господин губернатор! На какого же полицмейстера никогда не поступало жалоб? Одного из моих предшественников, как вы знаете, прежний губернатор вообще упрятал в кутузку. Вы, если хотите, можете сделать то же самое!

Сказал он так и испугался: а не перегнул ли палку? Да нет, пусть знает этот молодец, что они одной веревкой увязаны.

Лерхе пристально посмотрел в глаза Шершпинскому:

- С кутузкой успеется. Вы всё же объясните, ответьте на вопрос.

- Для этого я должен знать, кто и на что жалуется.

- Да, у меня сил не хватает все эти бумаги прочесть! - Лерхе повернулся к столу и подал полицмейстеру целую пачку бумаг. - Почитайте-ка, золотой обоз ограблен, какие-то зеленые кошевки зимой ездили. Какие-то банды на Акимовской золотопромышленников грабят, какую-то еланскую мешчанку крокодил загрыз! Крокодил-то откуда? Что, у нас, Африка что ли? Может, это негр Махамба для компании с собой его захватил?

- За Махамбой ничего плохого не замечено. Золотишко они с Кроули скупают, это верно. Евграф Кухтерин самолично сопровождал караван с золотом в Кашмир и привез оттуда фунты стерлингов. Так мной отписано в Петербург, за Кроули следят. Пока что арестовывать не за что. Обоз? Так это когда было? Зеленые кошевки? Ну, какая краска есть, такой свои кошевы и красят. Бандитов ловим. Фонарей в центре добавили, в безлунные ночи до рассвета керосин жжем... Евреи жалуются? Ах, черти! Левинсоны пархатые! А скупка золота? А контрабанда? Фелиация! 1 Американские дядюшки! Еще и жалобы строчат? Со света сживу!

Лерхе встал, ухватил Шершпинского за отворот мундира:

- Из двухсот пятидесяти арестантов полста гуляет на вольных хлебах. Думается, они и проказят на тракту, и платят вам неплохо. В то же время, поручику Наумову в арестантские роты на них довольствие идёт. Кажется, жандармы уже что-то пронюхали. А вы из себя невинную девицу изображаете?

- Что вы, господин губернатор! Не нами это придумано, И до нас отпускали арестантов на вольные хлеба подкормиться. Помочь населению по хозяйству. Среди них есть и печники, и шорники, мастера.

- Ага! Мастера! Голову отвинтят в два счета!

Шершпинский вытащил из внутреннего кармана сюртука увесистый пакет и положил на губернаторский стол:

- Господин губернатор, это собрали купцы, благодарные вам за всегдашнюю помощь и расположение.

- Кто именно?

- Я не стал составлять списки. Все местные купцы премного довольны вашим превосходительством.

Шершпинский лукавил. Пакет у него лежал на случай плохого господина губернатора настроения. Он мог бы его и не отдавать, но увидел, что Герман Густавович сердится. Деньги были собраны с тех же кошевников, с факиров, прорицателей, воров и мошенников всех мастей. С ювелиров и часовщиков. С содержателей борделей. Заречные цыгане и те платили Шершпинскому дань, сколько, это один бог знал. Сколько бы таких пакетов Шершпинский не передавал губернатору, ему самому всё равно больше оставалось.

Губернатор, как бы нехотя, смахнул конверт в ящик стола, потер переносицу, сказал:

- Впредь всё же составляйте списки жертвователей, тогда деньги можно будет направлять на какие-то богоугодные дела, а потом печатно благодарить жертвователей.

Да! Вот что, любезный! Насчет последней поездки на отдых. Вульгарные всё же были девицы. Просто оскомина какая-то осталась. Ведь так мы и до подзаборниц с вами докатимся, а? Не думаете? Зря не думаете. Думать полезно.

А вот был я сегодня с инспекцией в женской гимназии, так там была одна особа, гимназисточка, этаким персонаж! Стишки пишет! И вообще. Устаешь от всего, и не на чем взгляд остановить хотя бы для того, чтобы глаза отдохнули.

- Только назовите имя.

- А что же, мой друг, вы могли бы сделать? Это же не Акулиха. А ведь и с этой Акулихой вы меня под такой монастырь подвели, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

- Ваше превосходительство, виноват, раз на раз не приходится. Больше никаких конфузий не допустим, всякий риск исключим. Назовите имя, я всё расследую, потом доложу, что можно будет предпринять. Всё, до последней мелочи рассчитаем, постараемся изо всех сил.

- Главное, чтобы всё было секретно. Вы же понимаете, что значит мой авторитет.

- Ваше превосходительство!..

- Не надо пустословия...

Через день после этого разговора к Верочке Оленевой на улице подошел человек с этюдником и кистями. Он был черняв, длинноволос, в широкополой шляпе, и в блузе с бантом:

- Милая барышня! Тысячу извинений! Мы незнакомы, я вынужден сам представиться. Я художник Зигмунд Големба. Вы, видимо, понимаете, как много означает для художника типаж? У вас совершенно изумительное лицо. Такое встретишь раз в тысячу лет!

- Но я право, не понимаю. Нам запрещено беседовать с незнакомыми мужчинами! - заговорила Верочка, смущаясь и робея, хотя внимание художника было ей приятно.

-Барышня не должна беспокоиться, - быстро заговорил художник, - вам совсем не обязательно разговаривать со мной. Я вас умоляю только об одной милости: по стойте хотя бы одну минутку вот здесь, где стоите, на фоне этой оградки, этой сирени, я сделаю маленький этюдик.

Верочка застыла возле сирени со своим летним зонтиком, тоненькая, в белых нитяных перчатках, в шляпке, украшенной искусственными цветами по последней парижской моде. Её губы пунцовели, брови были словно нарисованы, ресницы черны. Это было так, хотя никогда этих губ, бровей и ресниц не касалась краска.

Верочка невольно была зачарована чудом проявления её лица на маленьком холсте. Художник изредка взглядывал на нее, она тогда вздрагивала, словно взгляд этот толкал её, но взглянув на холст, она обмирала от восторга, и не хотелось уходить от этой оградки, от этой сирени.

Наконец, художник снял холст со складного мольберта, закрыл этюдник. Поклонился, сказал:

- Вы представить себе не можете, как я вам благодарен. Я напишу портрет незнакомки на фоне сирени. Еще раз благодарю.

Он уже хотел идти, когда Верочка, неожиданно для самой себя, вдруг спросила:

- А я смогу увидеть этот портрет, когда он будет готов?

Художник задумался, потом сказал:

- Право, не знаю. Я заканчиваю этюды в этом городе через неделю, и уезжаю. У меня в планах поездка в Италию и в Париж. Конечно, мне легче будет дописать портрет, если вы мне будете позировать еще раз. Тогда я вам смогу подарить этот этюд. Я работаю в гостинице "Европейской", в номере пятом, на втором этаже, оттуда открывается вид на костел, я уже сделал пять пейзажей. Думаю, в Европе они вызовут интерес. Вы придете?

- Может быть с подружкой?

- Милая барышня! Это невозможно, подружка будет меня отвлекать, даже если будет сидеть молча. Скажите, когда вы придете, я буду вас ждать там, у входа в гостиницу.

Верочка была томима сомнениями. Идти в гостиницу, ей, гимназистке? Но этюд! Портрет! Да ведь в гостиницах иногда живут и очень даже приличные люди, аристократы, крупные золотопромышленники. Почему бы не пойти к этому вежливому художнику? Он так озабочен своим творчеством.

Словно бросаясь в воду, она решительно сказала:

- Завтра утром, в десять часов. Ведь в это время бывает хорошее освещение, верно, да? Я где-то читала об этом.

- Вы всё очень хорошо понимаете. Освещение, это очень важно для художника. Я очень рад! Жду! - сказал художник и откланялся.

Вечером Верочка перебирала свои альбомы, где между страниц были расплющены и засушены ни в чем не повинные цветки. К каждому цветку было приписано стихотворное посвящение. Цветок шиповника вдохновил Верочку на такие строки:

Ах, если б розы были без шипов!

На другой день ярко светило солнце, и художник в своей артистической блузе, встретил её у входа, почтительно шел рядом, сопровождая.

В номере были распахнуты окна, и были видны в них часовенка при костеле и золотой крест над ним. Проглядывали сквозь сирень и замшелая старинная лестница, ведшая к костелу, и мостовая, сквозь камни которой проросли пучки травы.

Верочку поразил портрет, стоявший среди номера на подрамнике. Художник так ловко схватил весь тот переулочек, всё настроение вчерашнего дня и саму Верочку, воплощенную юность, светлую, беспечную, верящую в счастье.

- Схожу, прикажу, чтобы подали чаю! - сказал художник, а Верочка вся погрузилась в свой портрет, во вчерашнюю улочку и сирень.

В это время наверху в костеле патер-доминиканец Иероним Гринчен, уселся на стул возле органа и взял первые мощные аккорды. В костеле тоже были открыта окна, и музыка Баха вырвалась на улицу. Вдруг Верочка почувствовала, что сзади её обхватили чьи-то руки. Она вся задрожала от ужаса.

- Не бойтесь, дитя мое, - сказал Герман Густавович, - это я заказал ваш портрет, - вы есть совершенство, вы есть божество! И вы достойны доброй участи! Я знаю, что вы бедны, но я дам вам приличное содержание, вы будете иметь собственный прекрасный дом, и выйдете замуж за кого хотите...

Верочка хотела кричать, но спазм сковал её голос. И не только потому, что она узнала губернатора, было еще нечто, мешавшее ей сопротивляться протестовать.

- Вы ангел, ваша душа чиста, как и ваше тело! - продолжал говорить Лерхе, - развязывая шнурки, отстегивая кнопки.

- Что он делает? - проносилось в отуманенном сознании, - он же губернатор? Как стыдно! Как ужасно!

- Не бойся, дитя, я потихонечку, будет совсем не больно, но очень приятно, - бормотал Лерхе.

О чем он? Почему? - ужасалась Верочка Оленева. - Что это? Этого не может быть! Почему он срывает с меня одежду?

Старый гостиничный диван зазвенел всеми своими пружинами.

Музыка Баха заглушила Верочкин сдавленный вскрик.

Патер Гринчен играл в это утро с особым воодушевлением. Он думал о могуществе музыки и Бога, Бог видит всё плохое и хорошее на земле. Но не вмешивается, он рассудит потом.

29. ИГРАЙТЕ В КАРТЫ!

Миша Зацкой десятки раз уже обошел весь Томск в поисках какой-нибудь интеллигентной работы. Ему в голову не приходило наняться разгружать баржи или пилить дрова. Да лучше умереть! Это значило бы, что он опустился на дно! Разве Верочка посмотрит на него, если узнает, что он таскает мешки на пристани в месте с грязными и пьяными грузчиками! А ботинки у него худые, а осень уже ощущается в воздухе, а там и до холодов недалеко.

Во всех конторах ему снисходительно улыбались, и спрашивали:

- А вы служили уже где-нибудь? У вас есть рекомендации?

В одной из контор посоветовали ему обратиться в Томский приказ общественного призрения. В Томске тогда застряло пятьсот пудов игральных карт. Их конфисковали у какого-то разорившегося тюменского коммерсанта, за долги, вместе с другими товарами и баржой. Другие товары были давно проданы, а карты почему то передали в означенный приказ.

Служащий приказа сказал Мише:

- Замучились мы с этими картами, часть была продана с аукциона, осталось еще двести пудов, но Томск уже переполнен игральными картами, как Морнте-Карло. Везти их в другие города нам не на что. Возьмитесь продавать карты. Потолкайтесь с ними на базарах, продавайте их на пристани, на пароходах, которые будут причаливать в Томске. Вот вам и заработок, подпишем контракт, будете получать процент с продажи.

Миша ходил по пристани с небольшим саквояжем, полным игральными картами, заходил в буфеты на причалах, останавливался возле столиков в пристанском саду, негромко говорил:

- Лучшие в мире игральные карты продаются от союза общественного призрения, купите господ! Цены самые умеренные!

Иногда его гнали от столиков, иногда предлагали кружку пива, но, случалось, что и покупали колоду, другую.

Так пробегал он со своим саквояжем полтора месяца, за это время у его рваных ботинок совсем отстали подошвы, он их прикручивал проволокой, но это было заметно. Миша стеснялся, это разрушало его коммерцию.

Однажды он получил свой процент в приказе, и этого ему хватило на новые ботинки, самые дешевые, из грубой свиной кожи, но новые и совершенно целые!

Миша отутюжил свои выходные брюки, надел белую рубашку, наваксил новые ботинки до зеркального блеска, и стал прогуливаться возле гимназического пансионата. О, если бы ему встретилась Верочка!

И однажды он всё же встретил её. Он радостно подбежал к ней, поздоровался, она коротко кивнула ему, и пошла дальше.

Миша был ошеломлен! Как же так? Он пошел вслед, сказал, задыхаясь от волнения:

- Верочка, подождите! Ведь мы столько не виделись, я так мечтал вас встретить!

Она остановилась, странно посмотрела на него:

- А надо ли нам встречаться?

Миша не знал, что и подумать, он воскликнул:

- Как же не надо? Я об этом всё это время мечтал!

Верочка сказала:

- Миша! Миша! На свете много девушек, которые могут составить ваше счастье!

До свидания!

Она ушла, стуча по дощатому тротуару каблучками. Миша не посмел больше её окликать. Он думал о том, что действительность так грубо отличается от мечты, что, может, и жить на земле не стоит.

Ну-да. Она дружна с каким-нибудь гимназистом. Миша плохо одет. У него нет будущего. Но почему же раньше она была приветлива с ним? Почему нет будущего? Он молод, судьба еще может улыбнуться ему! Он будет хорошо одет, у него будут деньги, он сможет на ней жениться.

Через день он прочитал в газете объявление "Фирма "Калиостро" приглашает опытного конторщика". Далее был? адрес фирмы.

Миша чуть не бегом побежал по адресу. Важно прийти первым! Во что бы то ни стало первым! Вдруг примут? Опытный конторщик? Он скажет, что есть опыт: работал в приказе общественного призрения по коммерции. И это будет правдой.

По указанному адресу в Пристанском переулке стоял небольшой деревянный домик. Вообще-то это была древняя развалюха, и было непохоже, что здесь может разместиться какая-либо фирма. Да и вывески никакой не было. Миша робко постучал в дверь, резкий голос пригласил войти. Миша отворил дверь и увидел, что за столом сидит и курит сигару человек с маленькими ручками и ножками, но большой головой.

- Я, наверное, не туда попал?- сказал изумленно Миша,- я ищу фирму "Калиостро", было объявление в газете.

- Вы попали именно туда! - отвечал карлик,-мы не тратим денег на вывески, мы солидная фирма, нас знают даже в Мадриде, и Лондоне. Мы торгуем льном, зерном, мануфактурой, сахаром, чаем и китайской бумагой. Наши корабли бороздят океаны. В здешнем филиале мы только, отмечаем продвижение наших товаров с запада на восток. Мы как бы звено в цепи, ясно?

- Извините, не знаю, как вас звать-величать.

-Андрей Измаилович Терской-Мончегорский.

- Андрей Измаилович, вам нужен конторщик? Я уже работал в приказе общественного призрения, занимался коммерцией.

- Я знаю!- сказал карлик.

- Знаете?- изумился Миша.

Терской-Мончегорский вытащил из кармана колоду карт. Согнул её указательным и большим пальцами, и с треском пустил карты по столу. Они легли ровной дорожкой.

-Эту колоду мои помощники купили у вас на пристани.

- Да, я продавал там карты, но это приносило мне очень маленький заработок. Если вы примете меня конторщиком, вы не ошибетесь, я буду очень стараться. Но я хотел бы всё же получать столько, чтобы хватало на жизнь.

- Хотите, я вам погадаю, на купленных у вас картах? - неожиданно предложил маленький человек.

Миша только и сказал одно слово:

- Погадайте!

Карлик перетасовал колоду и начал ловко раскладывать карты.

- У вас было горе. У вас очень болен близкий человек.. Вот падает бубновая дама, она лежит у вас на сердце, но с нею близок другой король. У вас будут хлопоты. Вам предстоит дорога, но не дальняя. Вы будете держать в руках больше ценности. Дальше карты говорят такое, что я вам не хочу говорить!..

- Почему же? Вы почти всё угадали, кроме больших ценностей. Я никогда не держал, и не буду держать их в руках.

- Что же вы хотите сказать, что ваши карты врут? Тогда заберите их, и верните мне деньги обратно.

- Да нет! Я только хочу сказать, что не мечтаю стать очень богатым. Просто я хотел бы жить достойно.

-Все хотят жить достойно! -сказал Терской-Мончегорский, протягивая ему четвертной казначейский билет, - вот вам задаток! Завтра приходите на работу.

- Я буду здесь рано утром! - обрадовано заговорил Миша, не ожидавший получить такую огромную сумму, если таков аванс, то каков же будет оклад? Он не посмел спросить об этом. А маленький усач сказал:

- Не надо приходиться сюда рано утром. Мы начинаем наши труды после обеда. Это связано с работой телеграфной конторы и прибытием пароходов. После обеда, ясно?

- Да-да-да! - поспешил согласиться Миша.

Очутившись на улице, он как бы увидел мир новыми глазами. Рядом была Томь, вдоль берега было множество причалов, возле них покачивались на волнах паузки с распущенными парусами и без них. Кое-где дымили небольшие пароходы. С десятков барж, грузчики тащили по сходням мешки и ящики, и складывали на берегу.

Неподалеку от Миши, на поляне, лошади ходили по кругу, вращая подобие железной карусели. Толстый трос наматывался на барабан, и тянул из воды связанные в пучок бревна. Внизу рабочие разбирали баграми плоты. Из этих бревен будут построены в городе новые красивые дома, прочные амбары, склады.

Прямо с плотов, на загнанные в воду конные подводы, грузили плитный и ломаный камень, уголь и известь.

На берегу пахло сосновой корой, пенькой, дегтем, рыбой, тиной. Тут шла работа, теперь в эту работу включится и он, Миша Зацкой, конторщик замечательной фирмы.

Маленький усач ему представлялся чуть ли не ангелом небесным. За двадцать пять рублей можно сделать очень многое. Миша купит матушке самые лучшие лекарства, может, она и пойдет на поправку. Себе он сошьет новый костюм, купит приличную шляпу. Он еще встретится с Верочкой, он расскажет ей о своих успехах, она переменится к нему.

30.ЖИЗНЬ АГЕНТОВ

К Амалии фон Гильзен прибыл в гости из Омска дальний родственник Иван Иванович Трущев. Досужие соседи болтали, что это её любовник, а она не спешила их разуверить. В сорок шесть лет она испытывала полное неудовлетворение своей одинокой жизнью.

Вот, не далее, как вчера, остановились в её усадьбе крестьяне из Кисловки, приехавшие продавать на базар корзина и короба, которые кисловцы плетут так искусно, что лучше во всей России никто не сделает. Они же сплели для баронессы дачные столики и стулья. Это диво, во что могут превратиться простые ивовые прутья!

Так вот, приехали эти пейзажи, поселились во флигельке. И к их, хрупавшей у коновязи овес, кобылке, кинулись дворовые псы запрыгали, дрожа от возбуждения, стараясь укунить за ногу.

Хозяева кобылки завопили, однако, собак гнать не смели. Очень уж страховидные псы. Тогда выбежал во двор Иван Иванович, собаки его еще не знали,

но он смело схватил одного пса за загривок и перекинул через забор, второго пса угоситл таким пинком, что пес взвыл и убежал.

Иван Иванович баронессе приходился троюродный братом. Что говорится, седьмая вода на киселе. И это просто удивительно, какой он герой!

Под большим секретом сообщил он кухне, что является чиновником для особых поручений при самом Омском генерал-губернаторе Панове! Поступили жалобы от томичей, и губернатор поручил ему проверить всё тайно, и доложить. Он и ехал-то в Томск, как обычный путешественник, сам за всё платил, на пароходе нарочно плыл третьим классом, набрался вшей.

Амалия Александровна приказала истопить баню. А после того, как Иван Иванович хорошо помылся, одел всё чистое, стали пить чай. И тут Амалия пристала к Ивану Ивановичу с расспросами: кто именно из томичей и что писал?

- Это, дорогая моя, это же совершенно секретные сведения. Я веду расследование и не имею права...

-Миленький мой Иван Иванович! Вы думаете, вот, глупая баба, пристала, скажи ей, разболтает всему свету! Сознайтесь, ведь именно так вы и думаете? Но, Иван Иванович! Половину своего расследования вы можете провести, даже не выходя из этой комнаты! Вам это не приходило в голову? Я же ничем не занята, и я имела возможность наблюдать и анализировать. Я видела всё, что творят этот блестящий красавчик, и этот усатый мужлан полицмейстер.

Я их ненавижу! Поэтому дам вам богатейший материал! Другое дело, почему я их ненавижу. Вы будете смеяться, но я им завидую! Нет, не машите руками, это действительно так! Мне вообще все мужчины, извините, кажутся мерзавцами. Ну, хотя бы потому, что они - мужчины. Это ведь случай, игра природы, что он родился с этим отростком! А сколько высокомерия! В женщине всегда видят рабу, служанку, предмет для наслаждения, а, насладившись, выбрасывают, как использованную салфетку.

- Но, позвольте, есть всё же мужчины, которые любят своих жен, живут честно!
- позволил себе прервать страстный монолог баронессы Иван Иванович.

- Живут честно! Это наверняка больные или ущербные мужчины. Но и больные, они всё равно глядят на сторону, уж я-то знаю.

Но ближе к делу. Допили чай? Пожалуйста. Теперь берите бумагу, перо и пишите. Пункт первый - Герман Густавович Лерхе...

Вскоре, по совету Амалии фон Гильзен, Иван Иванович Трущев посетил салон мадам Ронне. Когда он выходил оттуда, во внутреннем кармане его сюртука лежало написанное по-французски письмо. Мадам Ронне обращалась к генерал-губернатору, были в её заявлении такие слова:

"Беглый каторжник Шершпинский, который ныне правит в городе должность полицмейстера, покровительствует многочисленным разбоям и насилиям. Недавно он устроил насилие над девочкой-гимназисткой несовершеннолетних лет, столбовой дворянкой Верой Николаевной Оленевой. Девочку заманил в гостиницу, находящийся в каторжных работах, как фальшивомонетчик, Федор Дьяков, представившийся Зигмундом Голембой. Сего каторжника для этого специально освободили на время из тюремного замка. Говорят, что в тот вечер в гостинице была и некая монтевистка Полина, колдунья, которую Шершпинский использует для организации насилий. Она затуманивает разум несчастных жертв..."

Заканчивалось пространное это письмо так:

"Если ваше превосходительство не сможет пресечь сей вопиющий произвол, и не накажет виновных, я буду обращаться к Государю Императору.

Искренне уважающая вас Сесилия Ронне."

Вполне довольный началом своей миссии, Иван Иванович шел по центральной части Томска. Он здесь всего неделю, а уже собрал такой материал! Да, в Омске знали, кого направить по такому щекотливому делу! Расследование движется. А теперь нелишне будет получше рассмотреть этот губернский центр.

Колоссальные чугунные Венеры возле магистрата поражали воображение. Возле биржи играл духовой оркестр, встречая очередной пассажирский пароход, нынче на Томи вода была большая, и пароходы причаливали в самом центре города.

Удивлял изобилием и красочностью центральный томский базар. Великое множество магазинов, рядов, палаток. Сотни лошадей. А по берегам реки Ушайки торговля идёт прямо с барж, паузков и лодок. Рыба, икра, мясо, масло, мед, всё, что душа пожелает.

Крики мороженщиков, пирожников, балаганных зазывал, всплески самых забористых мелодий в гармонном ряду, где продаётся всё, от больших, до самых малых гармошек, размером с ладонь. Тут же гудят гудки, манки, щебечут птицы в клетках, ругаются попугаи. Китайцы глотают шпаги и изрыгают из чрева огонь и дым.

Столпотворение! Пробираясь к бирже, Иван Иванович, попал в такую толкучку, что с него сбили шляпу, и он не мог отыскать её, нагнуться не было никакой возможности, так тесно стоял люд.

Вдруг раздался над площадью истошный вопль:

- В карман залез! Держи вора!

И Иван Иванович почувствовал, как чьи-то железные пальцы сдавили его горло. Хрипя и извиваясь, пытался он вырваться, напрасно! Его держали уже трое.

Крепыш в гороховом костюме кричал:

- Этот вот, к тому вон господину в карман залез! Господин бакенщик, посмотрите, всё ли цело у вас в карманах?

Человек в в смазных сапогах, широких грузчицких шароварах, и в украинской вышитой рубашке с пояском, быстро обшарил карманы своих шаровар, и завопил, громче паровой сирены:

- Кошеля нема та часов именных!

К нему подвели Ивана Ивановича:

- А ну-ка, господин бакенщик, теперь вот у него карманы проверь!

- Протестую! - вскричал Иван Иванович, отведите меня в часть, там я скажу, кто я такой. Смотрите, вам всем не поздоровится!

- Это тебе сейчас не поздоровится! - шепнул ему на ухо человек в гороховом костюме, дыхнув табачным перегаром. И человек этот был прав.

Грицко Петрович сунул корявую руку во внутренний карман сюртука Ивана Ивановича, извлек оттуда часы и закричал:

- Дивысь! О це они самые, именные!

Гороховый костюм взял у него часы и во всеуслышание прочитал:

- Грицко Петровичу Кероненко за безупречную службу от Сибирского речного пароходства, как лучшему баканщику на пути в Сибирь!

Грицко Петрович в тот же самый момент дал ужасающую по силе затрещину Ивану Ивановичу Трущеву, так-так извлек у него из другого кармана и свой кошель.

- Ну, что будем делать, Грицко Петрович?- спросил у баканщика гороховый костюм, - в полицию его поведем? Или вы сами его поучите, по-своему, по-речному?

- Сами поучимо! - ответил Грицко Петрович, и стал звать брата. - Панас! Ходи сюда, цего хмыря вязать!

Как ни кричал Иван Иванович Трущев, он не вызвал сострадания толпы, а только смех и улюлюканье. И его пинали, и плевали ему в лицо, пока Грицко Петрович и Панас Петрович волокли его, связанного, как басурманского пленника, к своей большой лодке, прикрепленной к колышку на берегу Ушайки.

Лодка поплыла по направлению к обширному Семейкину острову, где у Грицко Петровича и Панаса Петровича был построен добротный дом. Вокруг этого дома бродили свиньи, которые паслись свободно, так-так с острова они сбежать никуда не могли. И было этих свиней великое множество.

Еще на острове были могучие заросли дикого хрена. Братья натирали его на зиму по целой бочке. Часть сбывали на базаре, а часть съедали сами, в качестве приправы к свинине. Хрен очищал кровь, а речной воздух вселял бодрость, потому оба брата были здоровяками.

Отплыв немного от города, они взяли связанного, несчастного Ивана Ивановича за ноги, и окунули головой в воду. Он извивался, как червяк, но вырваться не мог. Братья держали его ровно столько, сколько надо было, чтобы он наглотался воды, но не помер совсем. Вытащили, дали отдышаться, отплеваться, а потом повторили всё снова.

По приезде на остров, они заперли его в крепкой избушке, не развязав рук, и сказали:

- Поидемоте бакены зажигать, еще искупаем! У нас не дуже зажуришься!

Иван Иванович упал на солому и заплакал.

31. МОРСКОЙ БОЙ

За тюремным замком под горой старинный спиртовой завод помалу дымил своей красно-коричневой трубой. Ветра дули с реки в сторону города, и потому на здешних холмах нередко пахло спиртными парами.

И здесь тоже была бывшая дача Степана Ивановича Попова, в память открытия месторождений сибирского золота, названная "Алтаем". Умел Попов выбирать места для отдыха. На горе был обширный парк с бельведерами, беседками, ротондами, гротами, укромными полянами, статуями и фонтанами.

А внизу под горой - обширное и чистое озеро. К нему вела каменистая извилистая тропа, в ней вырублены ступени, рядом прилажены перильца. На обширных площадках можно отдохнуть во время подъема и спуска. С этих площадок удобно обозревать окрестности.

После смерти Степана Ивановича парк несколько пришел в запустение, но все же еще был весьма хорош. Именно сюда направилась вереница карет в одно

воскресное утро. Ехали в первой карете Лерхе и Шершпинский, за ними - все те же господа, что были на древне-греческой пирушке. Только девицы, на сей раз, были иные.

На этот раз губернаторский отдых было решено устроить здесь, вблизи города, потому, что к Басандайке он стал испытывать отвращение. Он так и заявил своему полицмейстеру:

- На Басандайку больше не поедем! Покойный окружил себя орлами и приведениями. Колокола там звонят, и орлы бросаются. Бог с ним, пусть спит Степан Иванович в своем приюте. Подыщите другое приятное местечко. И девиц других, не из борделей, знаете, что-нибудь этакое, первозданное!

- Может быть, Оленеву?- опрометчиво спросил Шершпинский.

Герман Густавович насупился:

- Как это вы так строите свои тайны, что слухи тотчас разносятся по городу? Говорят, какое-то письмо в Омск отправлено. Гласные шумят, Акулов этот, черт бы его побрал!

- Это в обычаях черни выдумывать всякое про столпов общества! - солидно сказал Шершпинский. - Но я могу доложить, что мы приняли исчерпывающие меры. Подосланный из Омска агент попался на карманной краже: спер часы у местного бакенщика. Публика выместила на нем свой гнев. А Верочкину опекуншу, мадам Ронне мы убедительно обвинили в связи с фальшивомонетчиками и польскими бунтарями. Ей не выбраться теперь из острога. Томские модницы теперь надолго останутся без французских шляп! - хохотнул Шершпинский.

- По нашим сведениям, Верочка никому, кроме этой проклятой француженки, ничего не говорила. В гимназическом пансионате все спокойно, с директрисой мы позанимались.

Правда, есть еще заковыка. К нам переведен один правдоискатель из Кузнецка. Ссылный, по фамилии Берви-Флеровский. Лазит по всяким грязным лачугам, выспрашивает. Рабочий вопрос изучает. Но я нагоню на него такого страха, что он быстро про свои исследования забудет.

- Я слышал об этом прохвосте! - воскликнул губернатор, - Не дай Бог, если он узнает про Верочку. У него связи с писаками всех мастей. Старайтесь его изолировать. Вы это заварили, вы и расхлебывайте!

- Вам не о чем беспокоиться. Нет, никаких доказательств. Ничего нет. И не было. В этой баталии нами одержана полная победа! Будем развлекаться!

Кортеж в эту минуту подъехал к обширному парку.

Из карет выпорхнули девицы, и опять их было восемь. Эту Шершпинский набрал в пересыльном тюремном замке. Выбрал самых молодых и красивых, готовых принять участие в праздничном действе за хорошее угощение.

В каторгу они попали по самым разным причинам, кто за убийство из ревности, кто за поджог, кто за подлог. Были это и мещанки, и крестьянки, много уже повидавшие в жизни. К назначенному дню им были сшиты приличные костюмы. Девицам терять было нечего, из тюремных казематов попасть даже к черту в зубы и то приятно. Почему не повеселиться?

Мужчины и женщины прошли в павильоны, где лакеи приготовили для них уже маскарадные костюмы.

Через какое-то время странная процессия спускалась по крутой тропинке к озеру. Впереди шел в тюрбане и халате, с кривой саблей за поясом, турецкий паша. Его изображал Шершпинский. В турецких одеждах щеголяли безносый Пахом, негр Махамба и китаец Ван Бэй.

Герман Густавович был в костюме русского адмирала, другие мужчины были его матросами. Девушки изображали турчанок, они были в паранджах и шальварах. Несколько кучеров были наряжены "турками".

На озере был заранее подготовлены плоты. Один из них изображал турецкий корабль, а другой - российский.

Плоты двинулись навстречу друг другу, человек со многими фамилиями поднес к губам рупор, и прокричал громогласно:

- Сегодня двадцать шестое июня, и сейчас произойдет Чесменская битва! Ура!

И тотчас в "турков" полетели полные опилками подушки, как бы ядра такие. "Турки" вздымали вверх руки, кричали на разные голоса:

- Вай, алла!

Плоты сблизились, пошли в ход багры. Теперь уже славные российские моряки сшибали в воду "турков" и "турчанок" тяжелыми ядрами, то бишь - набитыми опилками мешками. Усатый турецкий паша, сразу же, как только свалился в воду, поймал там одну из "турчанок". Она была ниже своего повелителя, поэтому из воды торчала лишь её милая головка.

Веселое барахтанье в теплой и прозрачной воде кончилось тем, что "турецкая армия" отступила в прибрежные тальники, там её настигли "россияне" дабы окончательно закрепить свою победу.

А в этот самый момент в полуразвалившейся ротонде на холме Амалия фон Гильзен наводила на "поле битвы" свою мощную подзорную трубу.

- Мерзавцы! Негодяи! - ругалась она. - Исчадья ада! - Всё равно я дознаюсь, куда вы дели моего несчастного кузена! О-о! Какой разврат, какой разврат! Раз-раз-раз-врат!

И тут на горе что-то резко треснуло, и вверх полетели огненные колесницы, вертящиеся шары и квадраты, они лопались, рождая в свою очередь множество новых шаров, которые тоже взрывались, и все светились разным цветом. То из под одних кустов, то из под других вылетали огненные стрелы, змеи, спирали, извивались, вертелись.

И в рупор было объявлено, что это праздничный фейерверк, а победителей и побежденных в павильоне наверху ждет торжественный обед.

Раскрасневшиеся, взлохмаченные, мокрые, в растерзанных одеждах, взбирались участники битвы к месту пиршества. Их ждало еще немало развлечений.

А рядом, в татарском предместье на островерхом минарете заунывно и жалобно пел муэдзин, собирая правоверных на вечернюю молитву.

За Томью над Темурчинским бором догорал закат.

После того, что с ней произошло в гостинице, Верочка Оленева была задумчива, сторонилась подруг. Оставаясь одна, взглядывала в зеркало, и рассуждала сама с собой:

- Как? Я все та же? Ничего не изменилось в моем лице? Или же каждому сразу теперь заметно, какая я стала? Подруги будут презирать меня. Или нет? А может, никто ничего не знает, мне только мерещится это? И так некстати, полиция почему-то забрала мадам Ронне. Посоветоваться не с кем. Сказали, будто мадам Ронне хранила запрещенную литературу.

Верочка пыталась узнать о судьбе своей опекуни, но в полиции ей велели вернуться в пансионат. Сказали, дескать, всё, что надо, сообщат директрисе.

Директрису тайно вызывал в полицию Роман Станиславович. Он пояснил, что воспитанница пансиона Верочка Оленева требует к себе особенно бережного отношения. У неё, как известно, погиб отец, нет матери. Недавно выяснилось, что француженка мадам Сесилия Ронне, опекавшая Верочку, отъявленная негодяйка. Эта Ронне втайне развратничала, была связана с бунтовщиками и бандитами, она, несомненно, оказала дурное влияние на девочку.

Госпожа Фризель, сказала полицмейстеру, что, да, она заметила угнетенное состояние Верочки, которая прежде всегда была весела. И до неё дошло, что у Верочки было некое странное свидание в гостинице с каким-то художником.

-Я уж не знаю, не окажет ли Верочка теперь плохое влияние на других воспитанниц пансионата? - заключила Фризель.

-Художника мы уже арестовали!-сообщил полицмейстер, -но девочке лучше не напоминать об этом случае. Это всё дурное влияние француженки. Но теперь оно будет исключено.

Я к вам подошло очень известного Петербургского специалиста по болезням души, Монтевистку Полину. Бог не дал ей женского счастья, её наружность отталкивает, она урод с детства, но она изумительно умеет внушать людям умиротворение и покой. Она может сделать так, что Верочка забудет всё плохое, что с ней было, и будет помнить только всё хорошее. Это будет прекрасно! Неправда ли? И покой, и порядок вашего замечательного пансиона останется прежним.

- Что вы говорите, Роман Станиславович, неужто бывают такие способности внушения?

- Полина приедет к вам, и вы во всём убедитесь сами, дорогая Фелиция Вениаминовна.

На другой день госпожа Фризель приняла у себя горбунью. Директриса удивилась глубине огромных глаз уродки. Соболиные брови карлицы подчеркивали живость прекрасных глаз. Если бы не горбы, и не преждевременные седины в черных прядях, и не землистый цвет лица!

Горбунья была одета по самой последней моде, и духи её были тончайшими, изысканными. Украшений было немного, но брильянтовые серьги, и изумительной работы колье, придавали ей особенный шарм. По всему было видно, что это птица высокого полета. Да недаром же жила она в полицмейстерском доме!

Фелиция Вениаминовна спросила:

- Как же лучше познакомить вас с Верочкой? Как представить? Сказать ли ей, что вы практикуете, как лекарь, или же не говорить это? Кто знает, как девочка отреагирует? Она сейчас так напряжена.

Монтевистка была немногословна:

- Просто отведите меня к ней, остальное - моя забота.

Верочка в это время в сидела своей комнатке на венском стуле возле окна, и читала. Книга называлась длинно и многозначительно: "Как жить в Москве. Карманная книжка для приезжающих в Москву, стариков, старушек, невест и женихов, молодых и устарелых девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочая, или иносказательные для них наставления и советы".

Книжка эта отыскалась в гимназической библиотеке. Она была старая, зачитанная Верочка взяла её потому, что теперь ей было так одиноко! Недавно она отправила письмо своей тетушке в Москву. Эту тетку она никогда не видела.

Но нельзя же ей быть на свете одной! Она написала и об аресте гувернантки своей, и кратко, в самых общих чертах, о случае в гостинице. Она просила всего-то совета. Но воображение уже рисовало ей, как тетушка, двоюродная сестра отца, забирает её в Москву. Что будет потом, было скрыто туманом. Но за этим туманом всё же брезжило что-то доброе, приятное.

В дверь постучали, вошла директриса с горбуньей и сказала Верочке:

-Эта дама хочет поговорить с вами, пожалуйста, предложите ей стул!

Директриса ушла, а Верочка застыла в изумлении.

Горбунья сама взяла стул, и стала глядеть, не мигая, на Верочку. Она как бы впитывала в себя всю неопытность и смятенность этого юного существа. "Она прекрасна" - думала Полина, - такой бы могла быть я, если бы не несчастье. Но вот её крылышки опалила беда. И теперь мне предстоит заморочить ей голову, чтобы её обидчики ушли от расплаты. Чтобы она навсегда забыла о них. Навсегда? Пожалуй, только на время. Я не всесильна. Туман рассеется и..."

Полине вдруг стало жалко девочку. Может, взять да и помочь этой гимназистке разоблачить этих наглецов? Ведь это она может! Может. Но делать этого не станет. Что же в этом случае останется ей, самой? Последние годы её ускользящей молодости. Даже не молодости уже, а просто... этому даже определения не найдешь. Она не знала счастья, она пользовалась каким-то жалким подобием. Но и это отринуть? Нет, на это у неё не хватит сил.

Полина приняла ту же позу, что и Верочка. Она смотрела ей в переносицу, уловила ритм её дыхания и подстроилась к нему. И Верочка чувствовала, как тепло и умиротворение разливаются по её телу.

Полина сказала тихо, проникновенно:

- Вы похоронили папу и скучаете по нём. Любите слушать звон колокола, он успокаивает, мысли уходят, и так хочется спать, спать! Так хорошо всё забыть!

И Верочка уже не удивлялась присутствию в её комнате незнакомой дамы, она задремывала, и головка её склонялась набок, а Полина повторяла её, копировала. И уже шептала:

- Вам не о чем беспокоиться, всё так хорошо, только приятные мысли будут посещать вас. Думать только об учении, хороших манерах, подругах, хранить память по родителям, слушать наставников, так приятно...

Потом еще долго сидела Полина, глядя на девочку, и держа ладони у её лба, но не прикасаясь к нему. Потом она тихо сказала,

- Это была легкая дремота, и через минуту-другую пройдет, и вы будете спокойны и веселы.

С этими словами Полина вышла из комнаты.

- Ну, что?- спросила директриса.

- Девочка будет вести себя спокойно. Отвлекайте её внимание от всего, что могло бы ей напомнить неприятное. Она уже всё забыла.

- А лекарства?

- Прогулки по саду, поездки на природу, Ваши воспитанницы выезжают на природу?

- Конечно. Мы собираемся проехать на лодках на тот берег Томи и обратно. За Томью будем жечь костер в лесу.

- Вот это просто замечательно! Пусть дети ловят бабочек, рвут цветы. Это лучшее лекарство и для взрослых, и для детей, я сама так лечусь.

Полина вернулась домой, там уже с великим нетерпением ждал её Роман Станиславович.

- Ну что? Как? - кинулся он к ней, едва она вошла.

- Я сделала, что могла. Она забудет обо всём, до той поры, пока кто-нибудь ей об этом не напомнит.

- Хорошо. Я тебе очень благодарен. Кто ей напомнит? Француженка у нас сидит крепко. Спасибо...

Он хотел поцеловать Полину, но раздумал, ничего поважать, будет еще на нем виснуть. Надо её держать на расстоянии. Надоела. Если бы не её удивительные способности!..

Через полчаса в полиции он спрашивал человека со многими фамилиями:

- Держалкин! Как там этот Трущев на острове? Баканчики держат его прочно? Ты намекни им, что если они его совсем утопят по нечаянности, то им за это ничего не будет.

- Слушаюсь! Сейчас поеду на остров, всё сделаю.

- Ну, давай!

Задумался полицмейстер. Золотая контрабанда, тысячи аферистов над золотом вьются, как мухи над банкой варенья. Возле Тузикова лога чаерезы бандитствуют. В сумерках налетают на обозы с чаем. А что? Так и до него было. Он не всемогущ. И к тому же некоторые чаерезы ему платят. Но не всё, не всё... С этим надо разобраться.

Невольно вспомнилось первое впечатление от приезда в Томск. Прибыл. А на другой день ему показали возле старого тюремного замка лежавшие на снегу трупы.

Челдоны в длинных белых саванах напали на обоз с золотом. Саваны делали их невидимыми на снегу, а в руках у них длинные палки, к концам которых привязаны кистени. Издалека ткнуть возниц и охранников по голове!

Но охранники не дремали, пуля длиннее палки, от неё не убежишь. Вот и положили убитых бандитов на сугробе для опознания. Выходит, покойнички перед смертью сами в саваны и обрядились.

Ох, город! Рабочие с приисков осенью в новых дорогих полушубках, и почему-то, в бабьих шальях, вместо шапок, валяются в грязи возле притонов. Будочники обирают пьяных. На Мухином бугре среди бела дня выстрелы, крики: " Режут!

Лошадей угнали!" А то на набережной, где вечером фонарики, остяки на берегу плачут, пока в кабаке сидели из лодок кто-то рыбу спер. Да хорошо хоть лодки им оставили! Такой жиганский город.

У него всегда ёкает под сердцем, когда видит, как ведут через город бритых каторжников в куртках с разного цвета рукавами. Ведут под бой барабана, звенят тяжелые сибирские кандалы. У некоторых на лбу клеймо "СБ" выжжено, что означает: "ссылный, бродяга". Сердобольные тетки подбегают к колонне арестантов, суют кому сушку, кому калач. Такое население, сами почти все из кандалников. Поди, наведи в таком городе порядок! Строгости мало? Хватает! За Мясной площадью недалеко от берега, меж высоких тополей вкопана в землю под углом лиственничная плаха. Она вся продубилась от пота и крови. К ней привязывают приговоренных к порке арестантов. Привезут на черной телеге, в черном коробе, одежду сдерут, привяжут, и палач начинает кнутом охаживать.

А толпа любит. Кто-нибудь кричит, мол, сильнее! Не думают, что сами на эту плаху могут попасть. А охранник по рядам таскает арестантскую шапку, народ кидает в неё медяки в пользу наказуемого. Половину он после отдаст палачу, вроде бы за то, что до смерти не забил. Случалось, что тут и до смерти забивали.

Строгости. Строгости. Польских бунтовщиков в подвале толстенными цепями приходится к стенам приковывать. Соленой рыбой кормить, воды не давать, чтобы признавались. Всякие были показания. И о том, что польский совет приговорил его, Шершпинского, к смерти. Ненавидят его. Поляков в Томске много на свободе. Всех не выследишь.

Да, он не прост. А всё же есть под сердцем льдинка. Охрана охраной, а от всего не убережешься. Ну, да пока они его убьют, он их немало в подвале уморит. Иных, умерших в подвале, там же в стену замуровали, чтобы никто об их гибели не знал. Так вот царскую-то службу править, тяжело!

А еще и знатные поляки сидят, такие, как Шлехнер, Левандовский, известные политики. Этих не замуруешь. Связи большие, за границей вой поднимется. Журналы да газеты. Им, чертям, в тюрьму цветы приносят. И считаться приходится с ними. Но пусть сидят, клопов кормят, черт с ними.

Но как таракана проглатываешь каждое напоминание о Берви-Флеровском. Пишет. Общество у него собирается. Может, что запрещенное, говорят. А, поди, докажи! Сделали у этого хлюста обыск, бумаги изъяли. Читали, читали, -нет ничего! Стишки какие-то, мадригалы, Эрмилоне, его супруге посвященные. Он протест заявил.

Сказать бы Сашке Бобру или еще кому, чтоб его "пришили", быстро бы ухайдакали! Нельзя, слишком известен и по начальству, и по газетам. Сам юрист. Погибнет, так скандал выйдет. Опять каких-нибудь крючков проверяющих пришлют, вроде этого, Трущева. Эх, утопили бы его баканщики, в самый раз было бы! Утоп, да и всё! Мало в Томи купающихся тонет? Каждое лето десятки людей.

Да не разболтают ли потом баканщики? Ну, болтать станут, так и сами могут потонуть, не великой важности птицы. Замена им всегда найдется.

По улицам ходила Домна Карповна, и за ней толпами бежали бродячие кошки. Домнушку в народе любили, купцы отдавали ей остатки со своих пиршественных столов, а она кормила всех кошек, какие только встречались ей на улице. Малых котят согревала за пазухой. Сам архиерей подарил ей шубу со своего плеча, и она ходила в этой шубе зимой летом. Шуба служила постелью и домом, ей, и многочисленным, бегавшим за нею кошкам.

Когда Шершпинский однажды приказал посадить Домнушку в тюремный замок, возле его стен собралось великое множество котят и кошек. Это повергло охрану в смятение. Тем более, что ночью была буря, и молния ударила в крышу караульной. Обратите внимание: караульной! Почему не в арестантские палаты?

Шершпинский пришел, увидел обожженную крышу караульного помещения, увидел великое количество кошек у тюремных стен, и сказал:

- Почему кошек не прогнали?

- Никак невозможно, выше высокородие!- отвечал охранник Маметьев,- даже стреляли в них, их и черт не берет!

- Ладно, выпустите её! Дуракам у нас закон не писан!

И Домнушка снова стала бродить по томским улицам.

Во многих домах ей были рады. Особенно тепло её встречали в доме Асинкрита Горина.

Домнушка возвращалась в усадьбу от ворот церкви с полным мешком кусков хлеба, шанег и пирогов, и бежали за ней кошки. И всего-то надо было ей прикорнуть ненадолго в одной из сараюшек. В ненастную погоду кошки прижимались к ней со всех сторон, согревая её.

А в усадьбе теперь жил не только граф Разумовский, но еще и просвещеннейший человек, Дмитрий Павлович Давыдов.

Вышло всё случайно. Граф Разумовский всегда интересовался всякими чудесами, проявлениями в природе необычайного. И от соседей узнал, что живущий в гостинице редактор "Золотого руна" подыскивает себе квартиру, где бы мог заниматься научными опытами.

Разумовский тут же явился в гостиницу, и стал уговаривать Дмитрия Павловича:

- Лучше вы себе ничего не найдете. Особняк наш не новый, деревянный, но обширный, со многими амбарами и постройками. Усадьба с большим садом, прудом и полянами.

Я с дворней и половины особняка не занимаю. Вторая половина - ваша. Хозяин дома Асинкрит Горин, совершеннейший бесребренник, меня держит бесплатно, и с вас ничего не возьмет. Не только ничего не возьмем, еще и обедами кормить станем.

Скажу по чести, очень интересуюсь всякими научными вопросами, сам многое знаю, книги имею, но посоветоваться по научной части в этом городе почти что не с кем. Так, что будем искренне рады. И вам будет с кем поговорить. И книги у меня есть научные.

Давыдову особняк понравился. Разумовский и Горин вызвались помогать ему в научных опытах, при этом граф показал книги, спасенные им от пожара. Их было немного, но они привлекли внимание Давыдова.

Здесь была книга "12 ключей брата Василия Валентина, монаха ордена Святого Бенедикта, которыми двери к древнему камню любезных наших предшественников

отверзаются. Издание русских масонов Н.И. Новикова и И.В. Лопухина". Были тут еще "Басни талмудовы, от самих жидовинов узнаны, открытые прежде в Кракове". Изданы "басни" были давненько: в 1758 году.

Давыдов с интересом перелистал томик, озаглавленный: "Книги Финелона, учителя детей короля Французского". Заинтересовали его: "Химический псалтырь Авраама Теофраста Парацельса", "Размышления о величии божием" Жан Жака Руссо", "Почта духов или учения нравственные и критические. Переписка арабского философа Маликульмульна с водяными, воздушными и подземными духами", "Кабаллистика Раймонда Луллия", "Прохладные часы, или аптека, врачующая от уныния, составленная из медикаментов старины и новизны".

Была еще тут секретная книга Вильгельма Гучинсона "Дух масонства". На титуле стояла печать томской ложи "Великая Астрея". С изображением зажженного факела в треугольнике, и змеи, кусающей себя за хвост. Можно было рассмотреть дату открытия ложи "августа 30 дня 1818 года".

Причем, на обложке этой диковинной книжки были написаны гусиным пером стихи:

Появились недавно в России Фран-масоны,
И творят почти явно демонски законы,
Нудятся коварно плесть различны манеры,
Чтоб к Антихристу привести от Христовой веры.

Граф Разумовский по поводу этой надписи сказал:

- Не ведаю, кто начертал это. Сам всю жизнь борюсь с неправдой, но всегда полагал, что в любой ереси может быть зерно истины, которое ученый человек должен извлечь на пользу православному миру. И на сем твердо стою. Только глупцы и ретрогады могут отвергать все безоглядно. Посему люблю читать разные книги для развития ума своего.

- Вы абсолютно правы, граф, - сказал Дывыдов.- Нельзя сужать горизонт. Мне нравится ваш подход, мы сработаемся.

Дывыдов, конечно, понял, что имеет дело с чудаками, ну, что из того? Чудаки украшают мир. Хозяин особняка Горин, обезьяноподобный, и разгуливающий по усадьбе среди лета в валенках, причем оба валенка - на одну ногу, тоже весьма начитанный человек. И тоже тяготеет к книжкам обо всем непонятном, чудесном и странном. Оба эти человека не заняты службой или какими-то семейными обязанностями. Дмитрий Павлович понял, что они будут прекрасными помощниками в его деле.

В тот же день он привез из гостиницы на извозчицкой пролетке свой старенький чемодан. И самые удивительные дела начались с того дня в усадьбе Асинкрита Горина.

В одном из сараев начато было строительство гальванической воздухоплавательной машины. Граф при помощи её надеялся со временем отбыть на свою родную Украину, Горин хотел с высоты птичьего полета обозреть весь Томск.

Для строительства нужны были редкие и дорогие материалы, денег ни у Давыдова, ни у графа Разумовского, ни, тем паче, у Горина не было. И редактор "Золотого руна" решил их зарабатывать лекарским искусством.

Диагноз он мог ставить даже заочно, при помощи портрета будущего пациента. Купцы решили пошутить над ученым-лекарем, и от главы городской думы Тецкова принесли ему портрет покойного человека. При этом попросили поставить диагноз родственнику купца, который, мол, ныне находится в поездке в Иркутске.

- Я тут не шутки шутить с вами приехал, любезные вы мои!- строго сказал посланцам Тецкова Дмитрий Павлович. - Сей человек умер, и уже достаточно давно! И с вашей стороны это глумление над его памятью! А посему подите вон!

- Как вы догадались? - изумился граф Разумовский.

- Нет ничего проще, мой дорогой друг! - отвечал Давыдов, - у живых людей глаза на портретах отличаются особенным жизненным блеском, глаза на портретах усопших такого блеска не имеют. Потренируйтесь, И вы тоже научитесь различать портреты. Говорят, если сожжешь портрет недруга, он зачахнет.

История с портретом мигом облетела весь город, и пациенты стали осаждать усадьбу Асинкрита Горина. Граф Разумовский не всех пускал в дом. Принимал подарки, относил в кладовые и говорил:

- Доктору не разорваться. У него уже есть люди на приеме. Ты придешь через неделю, а ты - через две.

Граф был тонкий психолог и богатых золотопромышленников тоже не пускал без очереди. Пусть потерпят, потом с них можно будет вдвое больше содрать за лечение.

Давыдов испытывал больных качающимися маятниками. Один маятник был подвешен на проволоке и был обозначен знаком "плюс", другой, на изолирующей нитке, был обозначен знаком "минус".

Если оба маятника описывали возле испытываемой части тела одинаковые фигуры, то это означало, что болезни тут нет, если же показания различались, то испытываемый орган, либо участок тела, считался больным.

Для лечения подбирались специальные материалы, излучавшие "жизненную силу". Давыдов брал речной песок, собирал по берегу Томи ракушки, толлок разноцветные стекла, всё это заливал секретным составом, потом выдерживал в склянках на солнце и при лунном свете.

Больным он делал компрессы, примочки. Кому-то втирал состав в кожу.

Он, между прочим, рассказывал Разумовскому и Горину, что давно ищет среди кедровых шишек одну единственную. Она нарождается раз в двадцать лет, и каждый из её орехов может вернуть безнадежному больному жизнь!

- Здесь вы найдете эту шишку! - обрадовался Разумовский, Томск у нас ближе к осени бывает весь засыпан кедровыми скорлупками. Грызут орехи и стар, и млад. Может, кому-то и попалась волшебная шишка?

- Может, и попалась, но если из этой шишки съесть больше одного ореха - умрешь.

- И как же её узнать?

- Надо её натереть специальным составом, она побелеет. Такая шишка отличается и размером. Это особенно крупная шишка, и орехи в ней крупные. И у меня есть нужный состав, но шишку жизни я пока не нашел.

От больных отбоя не было. И Давыдов просил Разумовского принимать только самых больных, тех, кого в других местах вылечить не смогли. Нужно же было иметь время и для науки.

Лучшим отдыхом от трудов праведных граф Разумовский считал прогулки вдоль Томи, с удочками. На закате обычно клевали в заводях такие окуни, что нитка еле выдерживала их. Давыдов тоже пристрастился к этой забаве.

Подышать воздухом, очищенным водой, полюбоваться кудрявыми островами, и белыми песчаными отмелями. Да еще принести на кукане жирных окуней, тут же отварить их с лучком, и приправить перцем. Блаженство!

Однажды такой вечерний поход привел их к неожиданной находке. На песке возле реки лежал совершенно нагой человек, со связанными за спиной руками, весь мокрый и без признаков жизни.

Дмитрий Павлович тотчас достал из кармашка небольшое зеркальце и прислонил к губам этого мужчины.

- Жив! - воскликнул Давыдов, - носовым платком зажал язык страдальца, другой рукой нажал на его грудь. У незнакомца хлынула вода изо рта, он закашлялся, и вздохнул, Давыдов постучал его по спине.

- Что же теперь делать? - Обратился Давыдов к Разумовскому, - за городом нет извозчиков, не на себе же нам его тащить, да еще голого?

- Довезем до города на лодке, - отвечал Разумовский.

- Где же мы её возьмем?

- Какой-нибудь рыбак сейчас обязательно будет возвращаться с низовой реки в город, надо только подождать.

- И надо нам его одеть.

- Но во что? - изумился Давыдов.

- Одеть его на первый случай мы сможем, я дам ему свои штаны, а сам буду в кальсонах. Вы же дадите ему свою верхнюю рубаху, а сами будете - в нижней. Таким образом, мы все трое будем одеты.

- Да, но как же вы будете в кальсонах, в городе?

- Ничего! У меня всё равно слава городского чудака, это мне ничуть не мешает жить, а возможно, что даже и помогает. С чудаков меньше спроса.

- Похоже, что вы правы, согласился Дмитрий Павлович.

Через какое-то время показалась из-за поворота лодка, которая тяжело шла против течения, в ней умело гребли двое. Третий сидел на корме, и правил коротким веслом.

- Эй! Сюда! - замахал шляпой Разумовский, - он был уже в одних кальсонах и походил на гусара в белых рейтузах.

- Их трое. Возьмут ли они еще троих? - усомнился Давыдов.

- Как не взять? - отвечал Разумовский, - я - граф, вы - знаменитый ученый и лекарь, как же они посмеют не взять?

Незнакомцу развязали руки. Обрядили его в рубаху и штаны. Выглядел он уже лучше, хотя и дрожал всем телом и не мог говорить.

Рыбаками оказались художник Олимпий Павлов, поэт Сергиев, и этнограф князь Костров. В лодке на дне серебрилась стерлядь, был и король обских рыб, осетр, его спина была благородно зубчатой, и напоминала пилу.

- Эй, сюда! - помахал Давыдов, и лодка пошла к берегу.

-Господа! Мы спасли утопающего, он не может идти, а нам надо доставить его в город! - заявил Разумовский.

- Что ж, размещайтесь! - ответил Костров, который исполнял роль кормчего.- Будет тесновато. Придется плыть возле самого берега, и очень медленно, чтобы не зачерпнуть бортом. Иначе вместо одного утопающего будет сразу шестеро. Да сидите в лодке спокойно, не хватайтесь за борта. А отчего, вы граф, в одних кальсонах?

- Брюки потерял, когда утопающего спасал! - ответил Разумовский.

- О! Это героика! Олимпий обязательно напишет о вас в газету. А кто таков утопающий?

- Сами еще не знаем! -отвечал Разумовский.- Главное его доставить ко мне домой и полечить, как следует. А в газеты писать не надо! Может, это повредит утопающему. Полиция у нас не преминет какое-нибудь дельце сострять. Они из всего стряпают дела, и греют на этом руки. Я этих прохвостов знаю! Так что мы лучше обойдемся без газетной славы.

В городе Разумовский и Давыдов вытащили из лодки незнакомца, попрощались со знатными рыболовами, наняли извозчика и покатали домой.

Здесь первым делом напоили своего невольного гостя горячим чаем с сахаром.

- Вы можете говорить? - спросил Давыдов. - Кто вы такой? Кто связал вам руки?

-Я могу говорить, - еле слышно ответил незнакомец, но я ничего вам не скажу, ибо не знаю, кто вы такие.

- Мы честные люди, которые тебя спасли, а ты должен нам назвать имена тех негодяев, что чуть тебя со света не сжили! - распаясь, вскричал Разумовский.

- За спасение благодарю, но никому из жителей Томска я не верю.

- А, значит, ты нездешний! Был бы ты здешний, то знал бы, что нет более благородных людей в городе, чем мы. Я граф Разумовский. А это потомок славного гусара и поэта Дениса Давыдова, который бил почем зря французов и писал прекрасные стихи. А Дмитрий Дывыдов не только пишет стихи, но и величайший из химиков, механиков и врачей! И он тебя спас. И он вернет тебе бодрость и здоровье. Теперь ты знаешь, кто мы такие, так представься же и сам, будь любезен.

Незнакомец сказал:

- Да я слышал про Дмитрия Давыдова, рад с ним познакомиться. Вашего сиятельства я не знаю, но раз вы друг Давыдова, то, верно уж, честный человек. Хорошо. Я вам откроюсь, но, ради всего святого, никто, ничего не должен знать!

- Да не скажем мы никому! Мы люди чести! - опять начал сердиться граф Разумовский.

- Я чиновник для особых поручений омского генерал-губернатора Трущев. Я прибыл с расследованием.

Схватили меня на базаре. Обвинили меня в краже часов у одного из бакащиков. По странности, чужие часы оказались в моем кармане, черт бы всё побрал! При этом у меня из кармана изъяли письмо, писанное против местного губернатора, об изнасиловании гимназистки. Вот как я оказался у проклятых бакащиков.

А бакащики затащили меня на остров, долго мучили, да потом связали руки, и бросили в воду на самой середине Томи.

Я хороший пловец, я нырнул, чтобы они думали - утонул, и отстали. После я плыл на спине, но со связанными руками это непросто. Да и вода-то уже холодная в

реке. Я наглotalся воды, хорошо, что берег был уже недалеко, как на него выбрался, не помню.

- О! Это штучки местного полицмейстера Шершпинского! - воскликнул граф Разумовский. - Он сжег мой дворец, я теперь вынужден ютиться в чужой усадьбе. У вас изъяли письмо, а опекуншу девочки, Сесильку Ронне, шляпницу здешнюю, упрятали в тюрьму.

Против сего губернатора, и полицмейстера очень многие в городе настроены. Есть гласный Федор Акулов, он готов подписать любую бумагу против этих злодеев. И есть здесь юрист, профессор, журналист Берви-Флеровский. Мы планируем собраться в укромном месте, составить бумаги для высоких инстанций, сделать план борьбы против этих Шурбанипалов! Вы тоже поедете на это совещание, как представитель Генерал-губернатора.

- Нет! Господа! - горячо воскликнул господин Трущов, - увольте! С меня хватит! Спасибо вам за помощь, ради бога, никому не говорите о встрече со мной. Я займу денег у кузины и немедленно уеду из Томска. Пусть мой губернатор поищет другого следователя. А с меня довольно и того, что я испытал.

34. КАК ПЛАТЯТ ДОЛГ

Миша быстро шел, почти бежал, и ему казалось, что он летит на работу на крыльях. Как прекрасно быть молодым, хорошо одетым, иметь работу и надежду на лучшие дни!

Маленькая изба на задворках за пристанью казалась самым прекрасным местом на свете. Пусть работа была не очень понятная, пугающая сложностью, запутанностью неведомых цифр, но это была чистая работа! Ему платили!

Маленький управляющий в конторе появлялся редко, чаще приходили неведомые люди, приносили кучу, бумаг и говорили:

- Это от Андрея Измайловича. Нужно разобрать по месяцам, по дням поступления товара. Рассчитайте, сколько надо заплатить, по приложенным к сему расценкам, за сам товар, и сколько - за перевозку.

Миша сидел, делал расчеты до ломоты в глазах. Да это была трудная работа, но работа! На душе было легко, приятно.

Однажды утром он увидел за пристанью, платьях с пелеринами, в руках держали корзинки для грибов и ягод, у некоторых были с собой этюдники. Преподавательницы распоряжались погрузкой в лодки.

Среди гимназисток была и Верочка Оленева. Мише так хотелось сбежать по травянистому склону вниз, к воде. Поздороваться с Верочкой, сказать ей, что он тут служит в очень важной конторе. Он начал, было, спускаться, но увидел, что Верочка Оленева уже села в лодку, которая отчаливает. Не будешь же кричать вдогонку обо всем, что он хотел ей сказать?

Он вздохнул и пошел в свою контору. На этот раз ему почему-то не принесли новых бумаг. Делать было нечего, Миша смотрел в оконце на улицу. Он видел широкую Томь, острова галечные, и поросшие ивняком, шиповником, бояркой. Видел дымивший вдалеке пароход, противоположный берег с еле заметной стеной хвойного

леса. Миша знал, что боры там тянутся на многие километры, осенью, когда нет гнуса, по тем борам катят коляски. Люди наслаждаются чистым хвойным воздухом, картинами лесных изумительных полей и озер.

Он стал мечтать, что однажды он наймет экипаж и пригласит Верочку прокатиться в заречном бору. Черные извилистые таежные речки, таинственные озера с огромными кувшинками, моря Иван-чая, всё это будет отражаться в Верочкиных глазах. И они будут пить воздух, сладкий, как счастье.

Между тем, лодки с гимназистками всё более удалялись и, как бы растворялись в теплом мареве, дрожании, отблесках волн. И исчезли совсем. Да и оконце было с тусклыми стеклами, потемневшими от времени, ветров и дождей.

В контору стремительно ворвался Терской-Мончегорский, он подбежал к столу, за которым сидел Миша и воскликнул:

- Я так и знал, что вам нельзя доверять! Вы погубили мою фирму, негодяй вы этакий!

Миша смотрел изумленно, только что всё было так хорошо.

- Но в чём я виноват?

- Об этом спрашивал в басне Ивана Андреевича Крылова ягненок, ежели вы помните, и именно такими словами. Смотрите! - Андрей Измайлович швырнул на стол кипу бумаг. - это вы писали?

Миша взял листки им разграфленные, исписанные им мелким почерком. Мысли путались голова была свинцовой, он повторил растерянно:

- Н в чём я виноват?

- Уж в том, что хочется мне кушать! - с мрачной интонацией продекламировал Терской-Мончегорский. Вы вчитайтесь в то, что вы писали. Вы всё запутали, цены, время прохождения товара, в результате фирма понесла убытков ровно на одну тысячу восемьсот рублей! Вы представляете, что вы натворили?

Миша начал сверять свои бумагами, с теми, которые приносили ему курьеры, теперь он ясно видел, что напутал, обсчитался. Но как это произошло? Он так старался! Он всё пересчитывал десятки раз!

- Что же теперь будет? - потерянным голосом спросил он.

- Что же, милейший, может быть в таком-то случае? Полиция и тюрьма.

У Миши всё поджилки задрожали, он упал перед карликом на колени:

- Андрей Измайлович! Не губите! У меня матушка больная, почти при смерти, как же она будет одна? Андрей Измайлович! Пощадите! Я отработаю, буду рабом вашим, сапоги чистить, всё, что угодно, только не губите!

- Отработаете? - Переспросил Андрей Измайлович, - вы уже и так у нас славно поработали. Нарботали и себе на тюрьму, и мне на нищенскую суму.

- Не губите! - повторял Миша, губы его тряслись.

Андрей Измайлович сел на стул напротив Миши и глубоко задумался. Долго, может, быть час, сидел он в глубокой задумчивости, глядя куда-то мимо юноши. И всё это время Миша не мог унять дрожь.

Наконец Терской-Мончегорский встал со стула, поднес его ближе к Мише, вновь взобрался на стул, и, глядя Мише в глаза, сказал:

- Вы не хотите в тюрьму, это понятно. Я вас спасу. Но за это вы должны будете отслужить. Нет. Сапоги мне чистить не надо, у меня есть лакей. И считать больше тоже ничего не надо, оказалось, что вы плохой счетчик.

Оно и понятно. Мир делится на тех, кто сочиняет стихи, и на тех кто складывает цифры. Делать одновременно и то, и другое хорошо невозможно. Скажем, из Ивана Андреевича Крылова тоже не получился бы хороший конторщик. Я знаю, милейший, что вы пишете стихи. У вас это просто на лбу написано. Нет. Я не заставлю вас писать стихи. Но тысяча восемьсот рублей - это для фирмы необычная потеря. И возместить её вы сможете тоже только очень необычным способом. Сможете, если захотите.

- Что же я должен делать?

- Это будет ночная работа! - серьезно и мрачно сказал карлик.

- Но... я, наверное, не смогу. И почему именно - ночная? Это честное дело?

- Вам ли теперь говорить о чести?- спросил Мишу Андрей Измайлович, - но успокойтесь, я не заставлю вас никого убивать. Это будет тихая и не очень обременительная работа, и только с помощью её вы сможете возместить свой чудовищный долг.

-И всё же я заранее хочу знать, что меня потом заставят делать.

- Вы подумайте!- поднял бровь Андрей Измайлович, -он еще и ставит условия! Но успокойтесь, всё не так страшно, как вам кажется. Дело в том, что я единственный наследник очень богатого томского купца. Детей у него не было, всё должно было отойти ко мне, его племяннику.

Но я был на учебе в Италии, изучал там в Милане юриспруденцию. Дядя незадолго до своей смерти прислал мне в Милан письмо. Он сообщил о том, что часть своих драгоценностей укрыв в своем фамильном склепе, на Вознесенском кладбище, где была похоронена его жена. А вскоре и он был похоронен рядом с женою.

Так вот, эти ценности там и по сей день находятся. Я никогда бы не решился потревожить покой своих уважаемых родственников, если бы не эта ваша оплошность, которая привела фирму к финансовому краху.

И вы понимаете, что я не могу пойти на кладбище днём. Я вообще один с этим делом не управлюсь. Там надо будет лезть в подземелье, сдвигать тяжелую крышку склепа, вы видите какова моя комплекция? А вы высокий, ловкий, молодой, для вас это не составит труда. Вы человек образованный. Вы же не суеверны?

- Нет, то есть, да...

- Милейший! Честному человеку ничего бояться и днём, и ночью, хоть на кладбище, хоть где. Короче, говорите, согласны ли вы?

Миша сказал чуть слышно:

- Согласен.

- Ну, вот и отлично! Только имейте ввиду, не должна знать об этом ни одна живая душа: ни ваша матушка, никто! Только тайна. Если узнают, что я владею ценностями, то жизнь моя может подвергнуться опасности. Вы же понимаете. Бог не дал мне силы, здоровья, поэтому меня всякий может обидеть.

Дело выгорит, и тогда вы будете спасены от тюрьмы. И, возможно, я еще и заплачу вам немного, если всё удачно получится.

- Да, я ни из-за денег. Моя вина меня к тому понуждает.

- Да, я знаю, что вы добрый, хороший юноша. Просто у вас еще нет жизненного опыта. Это, конечно, пройдет с годами.

Терской-Мончегорский слез со стула, закурил сигару и прошелся по избе:

- Значит так. Сегодня в половине первого приходите Вознесенскому кладбищу. Напротив средних ворот в переулке вы увидите фаэтон, я буду вас ждать в нём.

Оденьте всё черное. Так будет незаметнее. Со мной будет еще один человек, женщина. Это очень сильная особа. Она поможет вам сдвинуть крышку, а потом и задвинуть её. Понимаете, женщина, а не боится. А вы-то молодой мужчина. Идите домой, выпитесь хорошенько и ни о чем не беспокойтесь.

Миша пришел домой, и не находил себе места. Всё плохо, всё ужасно даже. И ошибка в бумагах, и то, что ему предстоит. Как тут уснуть? И нельзя сказать матушке, или посоветоваться с кем-нибудь. Слово дал.

И стало темнеть, и тревога всё больше терзала душу. Может, не ходить? Но что тогда? Разве он сможет выплатить долг?

В половине двенадцатого Миша потихоньку вышел из дома. На нем были черные, залатанные брюки и старый отцов сюртук.

Тускло горел фонарь у аптеки на углу, а дальше улица тонула в чернильной мгле. Город уже закрыл всё свои ставни. Лишь кое-где, сквозь щели в ставнях, пробивались желтые полосы. Всё было тихо, пустынно, только изредка, то в одной стороне, то в другой, принимались лаять собаки.

Миша миновал район, называвшийся Болотом, дальше улочка повела его в гору. Было странно идти в такое время по городу. И жутко, чего там говорить! В такое время не дай бог встретиться с лихим человеком. В Томске каждую ночь происходило что-нибудь страшное. Кого-то убивали, грабили. Вряд ли кого-либо могла соблазнить Мишина старая одежда, денег в карманах не было, и всё же тревога росла. Скорее бы дойти до кладбища и увидеть Андрея Измайловича! Только бы дойти!

Вот показалась кладбищенская стена. Вот и третьи ворота. А вон в проулке и силуэт фаэтона! Скорее, туда!

Андрей Измайлович стоял у фаэтона, он шагнул навстречу и пожал Мише руку. Затем открыл дверцу фаэтона и позвал:

- Алена Степановна, выходите, наш дружок уже явился.

Из фаэтона сошла громадного роста женщина, в черном платье с глухим воротником, в черной шали.

Миша вспомнил, что слышал про какую-то громадную женщину, жительницу Томска, которую называли Аленой Береговой. Видимо, это она и есть.

Андрей Измайлович заговорил вполголоса:

- Ворота теперь заперты. А сторожа теперь не спят, выходят из сторожки. Прислушиваются, проверяют на воротах замки.

Мы перелезем через стену. Алена подсадит вас, вы слезете, будете ждать, Алена подсадит меня, вы меня снимете со стены, затем перелезет и Алена.

- Но почему я должен лезть первым?

- Милейший, из моих слов это совершенно ясно. Идемте, но идите тихо, чтобы не было слышно ваших шагов. Не спешите, у нас уйма времени.

Они подошли к стене еврейского кладбища.

Миша спросил шепотом:

- Ваш дядя - еврей?

- Нет! Разве я похож на иудея? Просто именно здесь нам легче всего проникнуть на кладбище. С еврейского кладбища легко пройти на старообрядческое, там у Страшного рва нет стены и можно спокойно пройти в православную часть. Иногда кривой путь бывает короче прямого!

Алена подняла Мишу, легко, как пушинку, он оказался на гребне стены, уцепившись за её край, на секунду повис на руках, и спрыгнул на кладбищенскую территорию. Тотчас же на стене оказался Терской-Мончегорский, он спрыгнул Мише на руки. И сразу же рядом тяжело спрыгнула Алена.

- Идите за мной, и не запнитесь, - шепнул спутникам Андрей Измайлович.

Они подошли к стене, где в полумраке поблескивали доски, с выбитыми на них лозами винограда, и надписями на древнееврейском языке. Родовые склепы были украшены бронзовыми пальмами, кованными позолоченными колоннами.

Дальше простирался Страшный ров, а на краю его, как два черных крыла, маячили перекладыны высоченных старообрядческих крестов. Здесь всё заросло травой. И, пройдя по самому краю рва, над пропастью, путники оказались на православной части кладбища.

Терской-Мончегорский шел уверенно, неслышно кривыми ножками по толстым коврам опавшей листвы.

- Здесь! - наконец сказал он.

Андрей Измайлович вручил Мише спички, и малый фонарик с толстым огарком свечи, топорик, небольшой кожаный мешок, и сказал:

- Зажжете, когда будете в склепе, крышку мы за вами закроем, вы работайте спокойно. Взломайте оба саркофага, всё, что есть ценного, сложите в мешок, стукните в плиту три раза, и мы поднимем крышку. Плиты в склепах залиты пихтовой живицей, Чуете аромат какой? Но живицу, к сожалению, придётся теперь отковырять, вот так, ножичком.

Алена надсадно закричала, поднимая вверх за медные кольца массивную вертикальную крышку склепа, между порогом склепа и крышкой образовалась щель, с полметра высотой.

- Лезьте быстрее! - возбужденно шепнул Андрей Измайлович, и подтолкнул Мишу в спину. Миша пролез в склеп, тотчас крышка за ним опустилась. Миша невольно подумал о том, что изнутри эту тяжелую плиту приподнять нет никакой возможности. Спина его покрылась холодным потом. Но Андрей Измайлович сказал же, что они выпустят его, как только он сделает дело! Надо скорее его сделать, как бы ужасно оно не было.

Он засветил свечу, стало немножко легче, но сердце в груди прыгало, как мячик. В неверном свете он увидел два саркофага на львиных ножках, с чугунными цветами. Поддел топориком одну из крышек, надавил, она медленно сползла, стукнувшись краем о каменный пол. Миша задыхался от страха и запаха тления, он обшарил гроб, но не нашел ценностей. Как же он забыл спросить у Андрея Измайловича, в чём именно будут эти ценности? В шкатулке? Снял крышку и со второго саркофага, и там тоже шкатулки не обнаружил.

Что же делать? Стукнуть три раза? Да выпустят ли его? Постучал, как условились. Плита тотчас поползла вверх.

- Ну, что? - прошептал Андрей Измайлович, где добыча?

- Но там нет шкатулки!

- Нет шкатулки, есть что-нибудь иное. Это, милейший, очень богатые люди похоронены. В гробу, где лежит женщина, вы найдете бриллиантовые серьги, можете найти золотой браслет, кольца, колье. В склепе наверняка есть иконы с серебряными окладами, евангелие с дорогими застежками. Разве это не ценности?

- Но вы говорили о другом!

- Не время препираться. Кто-то, значит, спер шкатулку уже. Доставайте то, что есть, вы же хотите отквитать свой долг? Или же будете в тюрьме сидеть?

Крышка вновь опустилась.

Огарок чадил, комок тошноты подкатывал к горлу, сердце сбивалось с ритма, но Миша лихорадочно шарил в гробах. Скорее бы, скорее!

И он нашел, и золотые кресты, и цепочку золотую, и бриллиантовые серьги, и иконы в серебряных окладах, и два больших серебряных подсвечника. Всё это спихал в мешок, и поспешил постучать, как условленно.

И вновь плита поднялась, и Андрей Измайлович спросил:

- Ну, что?

Миша перечислил найденное.

- Восстаньте из праха. Вылезайте, любезный! - шепнул Терской-Мончегорский. Он велел Алене взять добычу из мешка. Затем сказал:

- Вот видите? Ничего особенного! Перейдем к следующему склепу.

- Там тоже лежат ваши родственники? - неожиданно для себя спросил Миша. Ужасное подозрение тронуло его душу.

- Родственники! - спокойно ответил Андрей Измайлович, - в отличие от вас, я учился в университете и знаю, что в некотором смысле, все люди на земле родственники.

- Я отказываюсь этим заниматься.

- А я вас и не принуждаю. Вы можете этим не заниматься, если немедленно завтра же сможете вернуть мне долг. Сможете? Молчите. Значит, не сможете.

Я, ученый человек, по вашей милости, вынужден лазить ночью по кладбищам, в мои-то годы, при моем здоровье. Всё только для того, чтобы спасти мою фирму, которую вы так нелепо погубили. А вы, гимназист-недоучка, брезгуете? Да у вас и выхода иного нет...

Они подняли крышку другого склепа, и Миша вновь полез в страшную черноту. И еще трижды пришлось ему переживать ужасное. Но каждая экспедиция в очередной склеп проходила проще. В конце концов, человек ко всему привыкает.

Часа в два ночи, они вернулись к тому месту, где проникли на кладбище. Преодолели стену, пошли к фаэтону, где на козлах дремал угрюмый возница.

Андрей Измайлович сказал Мише:

- Нужно будет нам побывать здесь еще не раз, чтобы вы могли рассчитаться с фирмой. Вы понимаете, что должны молчать, если не хотите загреметь в каторгу? Мне-то каторгу - не страшно, меня кайлой и ломом орудовать не заставят. А вот с вас сто потов сойдет, и жизнь свою загубите. Так что - молчите.

Вот два рубля на расходы, идите домой. Завтра будьте также в половине первого в этом самом проулке. Можете перед делом водочки полстаканчика пропустить для бодрости. В дальнейшем будете здесь работать с моим заместителем Петром Илловайским-Лакмановым. Подчиняйтесь ему, как мне. И очень скоро вы не только рассчитаетесь с долгом, но и еще заработаете неплохо. И, возможно, я оставлю вас работать в фирме.

Герман Густавович мерил шагами свой кабинет в губернском правлении. Было множество неприятностей в последние дни.

Пришло письмо от Омского Генерал-губернатора. В Томске побывал инкогнито чиновник для особых поручений. Ему, якобы, помешали вести расследование, и даже подвергли опасности его жизнь! Чиновник этот, якобы, успел узнать, что томский полицмейстер замешан во многих неблагоприятных делах, связан с преступниками, а сам он беглый каторжник. Панов требовал немедленной отставки и ареста томского полицмейстера.

Господин губернатор был взволнован. Как? Расстаться с Шершпинским? Да ведь это невозможно! Почему не дают работать? Бьют по рукам?

Он написал обстоятельный ответ в Омск. Как же ему уволить своего полицмейстера, если именно этот человек разоблачил крупный заговор местных сепаратистов! Бунтовщики хотели уничтожить власть императора, отделить Сибирь от империи, создать республику по образцу соединенных штатов Америки. Эти люди уже успели заронить крамольные мысли в головы гимназистов, корень удален, но он успел дать побегу. Только Шершпинский держит в руках тайные нити преступных организаций.

К тому же, готовят бунт и польские заговорщики. А Роман Станиславович в свое время участвовал в подавлении польского мятежа, героически сражался, был ранен там. Он здесь стойко борется и с польской крамоллой. Как же можно в этих условиях его удалять?

Удаление полицмейстера подорвет авторитет губернатора, подорвет доверие к власти вообще. В этом случае добьются своего клеветники и враги империи. Этого нельзя допустить.

Отправив письмо, господин губернатор вызвал Шершпинского. Теперь он ходил по ковру, ожидая своего верного соратника.

Роман Станиславович вошел четкой военной походкой. Взглянув в лицо начальства, понял, что опять получит головомойку. Вздохнул. Что же делать? Надо всеми есть начальство, только над Государем Императором нет никого. Впрочем, если вдуматься, то и государь Император имеет начальника, его начальство - сам Господь Бог.

- Почему я должен терпеть выговоры и нарекания из-за вас? Как это у вас так получается, что клеветники допекают жалобами самого Генерал-губернатора? Он требует вашей отставки, и ареста, между прочим!

-Я делаю всё, что могу. Но народ здесь преподлейший. Поймали баканщики омского чиновника, решили, что он залез им в карман, утащили на реку, стали топить. А он как-то выплыл. Причем же тут полиция? Если бы он по приезде пришел бы к нам, сказал бы? так и так, я прибыл для расследования, мы бы ему охрану выделили. А то бродит по базару, и черт его знает, кто он такой!

- На то и полиция, чтобы всё знать о каждом вновь прибывшем в город. Мне вас учить, что ли, вашей должности?

- Виноват!

- Да не в том дело. Я отписал в Омск, что снятие вас с поста, подорвет доверие народа к власти. А вам надо сейчас не спать, а потрудиться, чтобы доверие к власти

возросло. Намекните Тецкову, да что там, безо всяких намеков скажите, что я желаю иметь звание почетного гражданина города! Это диктует нынешняя обстановка. Пусть они в думе примут решение. Как говорится - глас народа! Тогда мне легче и вас отстоять будет.

- Немедленно вызову брюхатого!

- Да нет, зачем же? Будьте потоньше, поделикатней, домой к нему съездите, объясните, что хотите содействовать ему во всех торговых делах, полиция многое ведь может, не правда ли? Ну, вот так и действуйте!

И еще. Неплохо бы вам срочно раскрыть какой-либо заговор. Очень было бы кстати! И примите дополнительные меры, чтобы никаких козырей на руках у клеветников и ябедников не было. Поняли? Действуйте. Я в свою очередь отпишу в Петербург, нажму некоторые пружины. Действовать нам надо быстро и четко.

Шершпинский отправился к городскому голове Тецкову с визитом. Ехал в открытой коляске, вместе с верным телохранителем. Мундир сиял, и серебряная рукоять сабли поблескивала на солнце, сверкали сапоги.

Чуть сзади ехала еще коляска, в ней было двое в штатском, у каждого в кармане - заряженный пистолет. И впереди ехала коляска, там - дама с кавалером. Роль дамы играл переодевшийся агент, парик ему очень шел, очень приятная получилась дамочка. И у неё за пазухой был заряженный пистолет, как и у "кавалера". Всё это была охрана полицмейстера.

В это самое время по городу и его окрестностям катили телеги, коляски, пролетки, кабриолеты, дилижансы, ехали верховые.

Два дорожных фаэтона миновали бассейн, который именовался не иначе, как Кишочка, ибо здесь колбасники полоскали кишки для колбас. Проехали фаэтоны колбасную Мацкевича в доме Крючкевича, далее миновали они район, именуемый Трясихой, ибо там было болото, оно высохло, а кочки остались. В этом месте экипажи немилосердно трясло. В трактире Светлица во всю играла механическая шарманка известную песню:

Кипел горел пожар Московский,
Дым расстился по реке,
На высоте стены Кремлевской
Стоял он в сером сюртуке.

Песня эта близка была томичам, потом еще, что пожары были бичом этого деревянного, таежного города, её играли во многих трактирах, на базарах.

Фаэтоны выехали к верхнему перевозу, погрузились на паром. Через какое-то время фаэтоны уже катили по чуть заметной травяной дороге к высокому мысу, на котором стояла стена бора.

Только за городом путники начали разговаривать в полный голос, шутить и смеяться. Ехали в фаэтонах: гласный Федор Ильич Акулов, Василий Васильевич Берви-Флеровский, граф Разумовский, Дмитрий Павлович Давыдов, и Амалия Александровна фон Гильзен.

- И что? Эти острова действительно плавают? - допытывалась баронесса.

Федор Ильич отвечал:

- Сами увидите!

Они проезжали многочисленные холмы и ямины, поросшие великолепными изумрудными мхами. Где-то здесь ушел в землю древний город, отмеченный на старых европейских картах, как Гаустин, а местные сказители называли его Грустиной.

- Разве здесь грустно? - воскликнула баронесса, ничего более красивого я в жизни не видела. Такой чистый и неожиданный бор. Сколько увалов, сколько озер, ручьев, речушек!

- Да, здесь можно найти любые грибы и ягоды,- подтвердил Федор Ильич, а пейзажи не уступят Швейцарии. Но мы стремимся к озеру с плавающими островами.

Берви-Флеровский запел:

Шуми, Иртыш,
Струитесь воды,
Несите грусть мою с собой,
А я, лишенный здесь свободы,
Дышу для родины драгой...

Прогулка была затеяна совсем не случайно, нужно было вдали от лишних глаз выработать план борьбы с Лерхе и Шершпинским.

Фаэтоны разом остановились, и взорам открылась изумительная картина: по обширному чистому озеру, другой берег которого был еле виден вдали, плавали большие и малые острова, поросшие шиповником, бояркой, калиной, черной и красной смородиной, голубикой, черникой, клюквой.

- Почему они плавают? -воскликнул граф Разумовский.

- Потому, что им так нравится! - весело отозвался Федор Ильич.- Вы же в молодости тоже любили плавать?

- Но я не остров!

- Как знать? Каждый человек - островок в этом бескрайнем мире! - вмешался в беседу Дмитрий Павлович Давыдов.

На зеленой лужайке, под сенью могучих берез, были разостланы скатерти и раскиданы кожаные диванные подушки. Берестяные блюда с пирогами, туюски с черной и красной икрой, голова сахара, в окружении разноцветных заварных чайников и чашек, всё это так хорошо здесь смотрелось! Был наполнен озерной водой, и уже начал пофыркивать огромный двухведёрный самовар. Не обошлось и без водки, и ликера.

Берви-Флеровский чокнулся рюмкой горькой с графом Разумовским, и спросил:

- Как ваше имя-отчество? А то всё - граф, да граф! Официально очень.

- Кирилл Григорьевич я, - ответил Разумовский.

- Интересно! Последний гетман Украины и президент Петербургской академии наук. Но мне томичи говорили, что иногда вы называете себя именем своего старшего брата, морганатического супруга Императрицы Елизаветы Петровны.

- Называю, ибо это тоже был я.

- То есть, как? Ведь фаворитом был старший брат, а младший - гетманом, это были разные люди, и возраст их был разный.

- Так принято считать. На самом деле, я был сначала одним, а потом стал другим. То есть, переродился. Хотя вам в это, возможно, трудно поверить.

- Да, вы, правы! - сказал Василий Васильевич, - трудно. Вот и - возраст, гетман сейчас был бы значительно старше.

- Вот и видно, что вас не тому учат в университетах! - усмехнулся граф Разумовский. - Старше! Моложе! Аргумент! В какой-то момент произошло временное изменение моей жизни. То есть время стало перетекать в обратном направлении. Как-то получилось, что за год я проживал два. Вот и всё.

- Изумительно! - воскликнул Василий Васильевич, - если бы вы сделали сообщение в академии наук об этом, вас бы на руках носили. Это же новое слово в науке!

- Вы вот не верите, значит, человечество еще не созрело, для таких новостей! - очень серьезно сказал граф Разумовский. - Давайте закончим эту дискуссию, не для неё мы сюда приехали. И зовите меня Кириллом Григорьевичем, которым я сейчас и являюсь.

Да, не для праздных разговоров собралась здесь эта компания. Если бы Шершпинский знал об этих заговорщиках!

Берви-Фелеровский вызвался провести опрос свидетелей, и отправить с нарочным бумаги в Омск и в Петербург, подключить к делу прессу. В этом должны были помочь Амалия фон Гильзен, граф Разумовский и Дмитрий Павлович Давыдов. Федор Ильич поклялся выступить в думе с разоблачительной речью, что, конечно, придаст смелость обывателям, у которых теперь рты, словно глиной замазаны.

Солнце уже отбрасывало длинные тени, когда один из островов поплыл к берегу. Остров подплыл совсем близко, и вдруг с него на поляну скакнул лосенок. Высокий и тонкий, он помчался, запрокидывая голову, и в момент исчез среди холмов и деревьев.

Компания собрала посуду, скатерти и подушки. Фаэтоны покатали в обратный путь. В Томск они въехали уже в темноте.

В эту самую минуту Шершпинский, выходил из особняка Тецкова, находившимся в переулке неподалеку от пристани и базара. Полицмейстер был изрядно пьян, его провожал не менее пьяный городской голова. Он повторял:

- Мы не без понятия, Роман Станиславович, проголосуем, как надо! Эта дума у меня вот где! - Тецков сжал кулак.

- Да уж побеспокойтесь, ваше степенство! От этого зависит благорасположение к вам господина губернатора! А его родители с самим императором с одних блюд вкушали. Так вот!..

Роман Станиславович был доволен. Этот потомок Ермака был на удивление понятлив. Вообще хороший человек. Молится в единоверческой церкви, дал деньги на постройку придела. Собирает предметы старинного казачьего быта. Казачье оружие. У него в зале висит дорогая картина. Там изображен атаман Ермак, в виде рыцаря закованного в латы, и с серьгой в ухе.

Через день на заседании городской думы Дмитрий Иванович Тецков огласил ходатайство общественности города. Просили присвоить звание почетного гражданина Томска господину губернатору Герману Густавовичу Лерхе.

Какие будут мнения? Голос Тецкого был торжественен, золотая цепь сияла. Он был первым городским головой города. До этого была городская ратуша, и ратманы. Царь-реформатор, его императорское величество Александр Второй, издал указ о создании сословной городской думы. И первым в истории Томска городским головой был избран Дмитрий Иванович! Это ведь, что-нибудь да значит. Купцов в Томске много, а выбрали его! И сколько бы веков не прошло, всегда в истории будет писано, что первым головой Томска был он, Тецков! И цепь эту золотую, которую купцы купили в складчину для обозначения важного сана, он первым надел. А еще Герман Густавович обещал ему орден Святой Анны.

- Так, какие будут мнения?

И вставали, умильно улыбаясь, говорили по очереди, да, достойнейший человек Герман Густавович! Это такое счастье, что он теперь у нас губернатор. Столько сделал! Создал! Можно сказать, что тут нужен поэт, чтобы описывать деяния его благороднейшие! Наш язык слишком слаб! Будем счастливы, ежели будет он почетным гражданином. Каждый горожанин этому крикнет свое восторженное ура. Мы. Единогласно. Благоговейно. Первостатейно...

Говорили, словно жужжали рои мух. Говорили, говорили. Даже притомились.

И тогда встал Федор Ильич Акулов:

- А теперь я свое мнение скажу. Нам общество доверило думать и заботиться о благополучии горожан. Какое же может быть благополучие, ежели полицмейстер связан с бандитами, берёт от них взятки? Губернатору он поставляет шлях из белошвейных мастерских и домов терпимости, оргии идут. О том уж все горожане наслышаны. А вы тут восторги свои верноподданнические изливаете! Да какая же вы дума? У вас, может, и думать нечем? Разбои случаются даже днём. А невинных людей тянут в кутузку. Губернатор не принимает мер. Мало того, губернатор изнасиловал девочку, столбовую дворянку Оленеву... Доказательства? Есть доказательства. Я их перечислю...

Полтора часа говорил Федор Ильич, глаза его сверкали: правда, что шило, её в мешке не утаишь.

Он говорил, а дума пустела. В страхе выходили из неё гласные разных сословий: и крестьяне, и ремесленники, и дворяне. Рехнулся? Да разве ж можно? Такое - о господине губернаторе и полицмейстере!

В конце концов, в зале остался один лишь Федор Ильич, да за председательским столом сидел, и нервно тербил свою золотую цепь, Тецков. Попытался прервать Федора Ильича, но тот махал рукой:

- Нет уж, ты слушай, - и продолжал говорить свое.

Когда он закончил речь, Тецков встал:

- Ты, Федька, ошалел, вот и весь тебе мой сказ.

36. ЗЕЛЕННЫЕ ЛОШАДИ

После выступления Федора Ильича в думе прошло уже немало времени, а Томск весь гудел, как потревоженный улей. На востоке говорят: в стенах есть мыши, у мышей есть уши. Так и вышло. Многие из думы ушли во время этой речи, лишь

Тецков дослушал до конца, но все всё знали: что сказал, как сказал, и от себя добавляли еще. Только и слышно было: "А Лерх! А Шершень! Вот бакланы! Вот журфикс! Вот пандемония!"

Язык без костей, да как жить без новостей?

А газеты писали: "Городская дума по многим просьбам жителей Томска, присвоила звание Почетного гражданина Томска глубокоуважаемому нами, его превосходительству, господину губернатору Герману Густавовичу Лерхе. 1 октября сего года вечером в общественном собрании состоится торжество, с вручением господину губернатору свидетельства, памятного жетона и ленты".

В бывшем дворце Горохова протопили печи, привезли туда цветы из теплиц и магазинов Адама Флориана Верхрадского. Пожарники надели парадные мундиры, начистили свои медные и серебряные каски, начистили валторны, тубы и басы, и прочие духовые инструменты мелом до солнечного блеска.

Залу со сценой осветили новейшими, сильными газовыми и керосиновокалильными фонарями и лампами. Стало светло как днем. В паркете заменили расшатанные квадраты, натерли полы воском. Шик, блеск, красота! На телегах привезли из губернаторского дворца, из Асташевского дворца, и из других богатых домов, пальмы в кадках. Установили пальмы возле стен танцевальной залы. Публика могла здесь почувствовать себя, как в тропическом лесу.

В обширной столовой сутились лакеи, размещая на столах бутылки и блюда с закусками. Здесь, неподалеку от входа устроили фонтан, из которого во время пиршества должно было взметнуться струями бургундское вино.

Свечерело. К подъезду стали подъезжать экипажи. Здесь тоже соблюдался иерархический порядок. Ближе к подъезду могли останавливаться кареты первых лиц города, чем незначительнее был чин того или иного гражданина, тем дальше от подъезда останавливалась его карета.

Вскоре кареты выстроились вдоль Почтамтской, от здания общественного собрания, до развалин недостроенного собора. Граф Разумовский сумел втиснуть свою карету среди других экипажей возле самого подъезда, полицейские пытались его гнать, но он на всё отвечал:

- Подите прочь, аспиды! Я - граф! Я бывший гетман Украины! Зарублю!..

В дело вмешался сам чествуемый. Герман Густавович как раз вышел из своей черной кареты с золотыми гербами, услышал перепалку, сказал полицейским чинам:

- Оставьте его в покое!

Чины козырнули и отошли от графа Разумовского.

Служители гардероба не успевали принимать бекешы, шубы и дошки. В гардеробной даже пол состоял из зеркал. В них отразились Ядвига Понятовская, в сопровождении Цадрабана Гатмады. Её сестра Гелена шла под руку с Вильямом Кроули. Тот был в английском клетчатом костюме. Появился и негр Махамба, облаченный в ярко-красный костюм, он сверкал белками и зубами.

Представители купечества были все или в смокингах, или во фраках, у каждого из кармашка выглядывал уголок белоснежного, платка, и поражала снежной свежестью накрахмаленная манишка. Они не все умели писать и читать, но все умели считать, а потому имели деньги. Иные были украшены медалью, а то и орденом.

Многие женщины повязали головы фероньерками: лентами, с драгоценным камнем на лбу, блистающим, словно магический третий глаз.

Граф Разумовский разукрасил свою грудь самыми различными орденами, среди которых было несколько иностранных. Он горделиво прохаживался по зале, поглядывая свысока и на купцов, и на дворян.

Созданные во Франции, Италии, и Испании ароматы носились по зале. Их творцы и представить себе не могли, что где-то на краю света, в стылой и дикой Сибири, будут пользоваться их духами.

Дамы и господа прогуливались, говор звучал, как тысячи родников. Но гром барабанов и пение меди всех позвало в зрительную залу, где манили особенным изгибом своим обитые бархатом кресла.

И появился на сцене солидный, благообразный Тецков, который впервые в жизни надел фрак, пошитый специально для этого торжества. На ногах его, более привычных к сапогам, сверкали лакированные ботинки.

Дмитрий Иванович поправил на груди золотую цепь. Он огласил решение думы о присвоении губернатору звания почетного гражданина Томска. И Герман Густавович тотчас встал рядом с ним, а Тецков на вытянутых руках показал всем атласную ленту, которую и надел затем на Германа Густавовича.

Амуры на лепных потолках трубили в свои малые трубы, пожарники дудели в свои большие трубы. Обрамлявшие сцену гирлянды цветов благоухали. Герман Густавович очаровательно улыбался, в зале были слышные женские вздохи и возгласы:

- Прелесть!

- Умница!

- Душка!

Граф Разумовский, негромко, но четко, произнес:

- Забить еловую шишку, выпустить крови лишку, а нос выкинуть на мороз...

На него оглянулись, но шикнуть не посмели, а то еще и не такое услышишь!

Олимпий Павлов вынес большой свиток со своими поздравительными стихами. Закончив чтение, передал свиток Герману Густавовичу. Занавес закрылся. Губернатор сошел в зал, сел в первом ряду рядом с супругой.

Когда занавес открылся вновь, на сцене стоял хор гимназисток. Светлые голоса поплыли в зал. В первом ряду хора пела Верочка Оленева. Она не узнала господина губернатора, может, тому виной были отблески калильных фонарей.

Она вообще забыла о том, что случилось с ней в гостинице. И про саму гостиницу забыла. Она была спокойна. В гимназии уже вновь начались занятия, мысли были только об этом. О подругах.

Встретила она однажды возле гимназии Мишу Зацкого. Он показался ей странным, глаза его блуждали, на губах была улыбка. И говорил он о том, что погибает. И она вдруг поняла, что он пьян. Ей стало противно и страшно. Она убежала. Ну что ж, при первой встрече она не могла понять его. Теперь ясно, что и думать о нём не стоит. О мальчиках ей вообще думать рано.

А праздник продолжался. Гости перешли в столовую, звучали тосты, погасили свет, и тогда брызнул в зале фейерверк, и забил винный фонтан. Дамы и господа подбегали к фонтану и подставляли бокалы.

Пригласили всех в танцевальный зал. Сначала шли медленные танцы. Духовой оркестр исполнил матрадур, а уж потом - кадрили.

Темп танцев нарастал. Объявили новинку сезона под названием

"Немецкие выверты". Для затравки выскочили специальные танцоры в узких брючках и блестящих жилетах, и пошли выписывать кренделя ногами. К ним присоединилась молодежь.

Но вот, грянули гармошки и барабаны и в круг вылетели танцоры в русских костюмах, и резво, лихо сплясали "Барыню", что было встречено овацией. Знай, мол, наших!

В перерыве между танцами пел хор арестантов, и играл на скрипке пан Зигмунд Савицкий, бывший капельмейстер самого князя Радзивилла.

Разъезжались поздно. И тут случился великий конфуз. Две лошади Шершпинского оказались без хвостов, и были окрашены в зеленый цвет, а фореитор валялся без чувств возле кареты. Прекрасные рысаки господина губернатора стояли без хвостов и ушей, обритые наголо и дрожали. Куда-то вообще исчез кучер, а полицейские у подъезда были вдребезги пьяны.

Замечательная пара гнедых мистера Вильяма Кроули была мастерски расписана черными полосами, так, что из двух гнедых получились две натуральных зебры. Даже буланый жеребец графа Разумовского не был пощажен. Буланому остригли хвост, и в зад наглым образом воткнули пышный букет живых цветов.

Дмитрий Иванович Тецков и вовсе не мог найти своей каурой пары. Карета была там, где он её и оставил, возле подъезда, внутри была огромная куча еще дымившегося дерьма, видно не менее пяти человек постарались. Возница сидел не на облучке, где ему полагалось, а внутри кареты, и лыка вязать не мог.

- Полиция! - вскричал Дмитрий Иванович. - Есть тут трезвый полицейский, или же все перепились?

Тотчас же подбежал к нему молоденький полицейский.

- Где мои лошади? - грозно спросил Тецков.

- Так что, ваше степенство, их коркодил загрыз!

- Опять крокодил! Весь город болтает! С ума все походили? А ну. Дыхни!

Полицейский дыхнул, он был трезвым.

- Ты мне чепуху не пори, ты скажи, если что видел.

- Видел, коркодил на них бросился, они побежали, он за ними, а я за ним. Возле развалин он их догнал, разорвал в клочки!

- Ну, брат, кто только тебя в полицию принял? Веди, показывай.- Дмитрий Иванович взял у лакея ручной керосиновый фонарь. Шел светил, а что фонарь, если в двух шагах ничего не видно?

Но, действительно, неподалеку от собора была лужа крови на первом снегу, и валялась лошажья голова, глаз её с ужасом глядел на Тецкова. От второй лошади ничего не осталось. Волосы у Дмитрия Ивановича встали дыбом. Он повернул обратно, бормоча на ходу:

- Да какой же крокодил, твою бабушку в ребро! Откуда? Да ведь он замерз бы, африканская всё же скотина! И вообще...

В это время раздался позади страшный рык, Дмитрий Иванович, забыл, что он потомок Ермака, и припустился бежать, а за ним скачками неся молоденький полицейский, покрикивая:

- Ой! Ой! Ой!

А Миша Зацкой именно в эту минуту приблизился к Вознесенскому кладбищу, различил в полутьме фаэтон в переулке, подошел. Из фаэтона вышли Терской-Мончегорский и Алена. Андрей Измайлович сказал:

- Что-то вы, мой друг, пить много стали? Разве это хорошо для молодого человека? Я более, чем вдвое вас старше, а ведь не пью. Выпивка - баловство слабых. Вы что, для храбрости хлещете, что ли? Или муки совести заглушаете? Не советую, пьянство еще более отвратительный порок, чем воровство. Да мы ведь и не воруем, мертвым не нужно, то, что мы у них берем. Это благородно: вернуть жизни изъятую у неё вещь!

Андрей Измайлович похлопал Мишу по плечу:

- Ну, не хмурьтесь, вы уже почти выплатили свой долг. Сегодня идем в последний раз. Посмотрим три склепа, И всё! Да скоро и холода грянут. Ладно! Идем!

- Последний раз! Слава богу! - Миша вздохнул. Да, видно, так и будет, потому, что сегодня сам Андрей Измайлович приехал, до этого много раз приезжал его помощник, грубый, злой человек.

Они подошли к знакомой стене, постояли, прислушались, перелезли.

В двух склепах оказалось на удивление много драгоценных вещей. Ну да, Андрей Измайлович, и его помощники заранее намечали такие захоронения, где лежали самые богатые томичи. Правда, случалось, что и у миллионщика в склепе и в гробу ничего не было. Но такое бывало редко. Всё же богатые люди стремятся богато проводить своих мертвых в мир иной.

Вот и третий на сегодня склеп. Алена и Андрей Измайлович потянули за кольца плиту, Миша привычно юркнул в щель. Быстро сделал свое дело и протянул мешочек с добычей Терскому-Мончегорскому. Хотел вылезти, но Андрей Измайлович тревожно сказал:

- Фонари приближаются! Охрана! Мы тебя закроем, ты затаись на полчаса. Вернемся, выпустим. Ведь если поймают - в каторге сгноят!

И тяжелая плита отделила Мишу от мира, он остался в настывшем склепе, с его безмолвными обитателями.

Минут через двадцать, усаживаясь в фаэтон, Андрей Измайлович шепнул Алене:

- Пришла пора от него избавиться, пьет, болтает всякую чепуху, того гляди, крючкам сдаст.

Алена погладила Терского-Мончегорского по лысинке:

- Ах, ты мой умненький, хорошенький, славненький! - и обняла его могучей рукой.

37. СКЕЛЕТ МАМОНТА

Федора Ильича Акулова забрали прямо в его мясном магазине, когда он отдавал распоряжения приказчикам.

Два полицейских чина ухватили его за руки:

- Вы арестованы!

- На каком основании? Меня вообще арестовывать нельзя, я - гласный городской думы!

- Был гласный, станешь согласный! - хохотнул один из полицейских, дав Федору Ильичу пинка. - Иди, не кобенься, не то хуже будет.

И его, как негодяя, какого, провели среди белого дня по городу в тюремный замок. И многие купцы выглядывали из своих домов и лавок, и прохожие останавливались, и проезжие останавливались, даже разворачивали экипажи.

К воротам тюрьмы, Федор Ильич и полицейские подошли, сопровождаемые изрядной толпой. Одни сочувствовали, другие злорадствовали. Слышались разные мнения:

- За правду страдает!

- Так и надо, не могли на начальство клеветать!

Как раз в этот день на многих заборах появились прокламации. А в них говорилось не надо подчиняться властям, надо сопротивляться.

Появление прокламаций тотчас связали с арестом Федора Ильича, по городу, из дома в дом, шло:

- Федька-купец бунтовщиком оказался! Против власти пошел, вот тебе гласный!

В тот день, как привели Федора Ильича в тюремный замок, тюремная охрана была усилена, полицейские метались туда-сюда возле забора. И горожане решили и приговорили:

- Никогда такого не было, стало быть, Федька хотел убить не только губернатора, но и самого государя-императора! Никак не меньше! И чего не хватало? Столько магазинов, столько денег. Жил бы да жил! Так нет, надо злодействовать!

А переполох в тюрьме был совсем по иной причине. Каким-то образом исчез из тюрьмы иностранный агент Улаф Страленберг, которого велено было стеречь пуще глаза. И стерегли, держали за семью замками, в потайной яме, где обретались самые страшные преступники. И сбежал!

Как? Никто понять не мог. Может, бандиты там его съели? Бывало, что и человечинной питались. От них всего можно ждать! Но сколько не искали, нигде и костей не нашли. Кости-то они бы не сгрызли, небось, подавились бы. Да и чего в нем есть-то было? За время сидения в тюрьме он так исхудал, что только кости одни и остались.

Шершпинский избил трех охранников, наорал на начальника тюрьмы, пообещав выгнать в шею. Вызвал лучших сыщиков и объявил премию за поимку беглеца. Следить было велено за домом Каца, за всеми домами на горе. За Гороховым, за всеми томичами, которые когда-либо имели с Улафом дело. Но таковых не много нашлось. На почтовые станции разослали рисунки, с изображением этого зловредного шведа.

Теперь если он надумает из города уехать, то только по тракту можно. Еще до побега Улафа Страленберга ушел из Томска последний пароход. Потому велено было стеречь шведа на трактах, на дорожных станциях.

А Улаф Страленберг уже был в безопасности. И вышел он (а точнее - вылез) из тюрьмы по подземному ходу, который был прорыт к кустам на тюремном дворе. Рыли его специалисты. Была куплена изба напротив тюремного замка. Горный инженер измерил ночью расстояние до забора.

Работа началась. Сначала было расширено подполье в избе, потом стали рыть по направлению к замку. Забойщики орудовали кирками, с короткими рукоятками,

выставляя впереди себя щит на вертикальной ножке. Этот деревянный щит укрывал их головы, как зонтом, и ограничивал высоту потолка будущего тоннеля. Высота была чуть больше метра. Отрытую землю складывали в рогожные мешки, и вывозили из двора по ночам на телегах.

Настал день, когда дорожный инженер, обследовав тоннель, установил, что ход уже находится под территорией тюрьмы.

Холодной ноябрьской ночью служитель тюрьмы Гаврила Гаврилович спойл коридорных охранников по случаю своих именин. Перед этим, дома, он съел килограмма два творога с древесным углем. Потому он и остался почти трезв, когда охранники уже и мычать не могли.

Взяв у них ключи, отпер он секретную дверь, и вызвал Улафа из ямы, прикрывая рукой лицо свое, чтоб каторжники не поняли, кто пришел. Улаф из ямы вылезал неохотно, думая, что его опять будут пытаться.

Гаврила Гаврилович вывел Улафа на двор, сообщив шепотом, что ученые люди, выполняют свое обещание спасти его.

В кустах возле забора Улаф спустился в лаз, по ходу он мог передвигаться только на четвереньках. При этом впереди его шел маленький человечек, неведомый тролль, с крохотным фонариком, тролль оборачивался, и странно сверкали красные белки выпуклых глаз.

Через десять минут они оказались в избе, окна которой были плотно занавешены. Тролль протянул Улафу руку:

- Поздравляю вас! Вы свободны! Разрешите представиться: Матвей Зонтаг-Брук. Выпускник Дерптского университета. Я много слышал о вас еще, когда учился в Германии. И очень польщен тем, что смог вам оказать эту маленькую услугу.

- Я так вам благодарен. Всё это похоже на чудо, вы, этот подземный ход...

- Ничего особенного, я по специальности археолог, палеонтолог, наша задача вытаскивать ценности из под земли. Подземный ход сейчас же заполнят землей, камнями и утрамбуют, а нам с вами лучше, как можно быстрее, уехать отсюда. Идемте! Экипаж ждет!

Они вышли во двор, где их ждала карета. Зонтаг-Брук распахнул дверцу, сделал приглашающий жест, подождал, пока Улаф усядется, и взобрался в карету сам:

- Гони!

Возница тронул вожжи, рысаки помчали. Окна кареты были занавешены. Рессоры смягчали качку. А сразу после отъезда этой кареты, через тот же подземный ход люди Зонтага-Брука помогли покинуть тюрьму другому человеку. Это был художник-фальшивомонетчик Федор Дьяков, он же Зигмунд Големба.

Улаф об этом не знал, он с радостью ощущал, что карета уносит его от места страданий. Через полчаса езды, стало ясно, что выехали за город, карету стало мотать сбоку набок.

- Подъезжаем! - сказал добрый тролль.- Господи! Как они вас измучили! Кожа да кости. Сейчас мы хорошо поужинаем.

- Более всего мне хочется уснуть, - сказал Улаф, - по-человечески, в кровати.

- И это от вас не уйдет, дружище! - сказал Зонтаг-Брук, - сейчас слуги согреют ванну, потом будет ужин, и сон.

Карета подъехала к одинокому загородному дому. Он был окружен высоченным забором. Каретники во дворе были каменными. Неподалеку от дома был

фонтан с мраморными наядами. Два фонаря на высоких каменных воротах бросали лучи на кочковатую безжизненную равнину.

Улафа уложили в ванну, дали чистое бельё, одежду и полотенце. Причем и бельё, и одежда точно подошли ему по размеру. Всё это его восхитило и удивило.

Затем был ужин. Жаркое из свинины. Вина не подавали. А на десерт был торт в виде тюремного замка.

- Сам стряпал! - признался Матвей Зонтаг-Брук, - люблю сладкое, это моя слабость. Правда, вкусно?

- Это торт с особым значением, как я понимаю? - сказал Улаф.

- Да мы съедим этот проклятый тюремный замок, где вас так истязали! - воскликнул добрый тролль. - Проклятие тем, кто мучает ученых! Пусть все палачи горят в аду!

После ужина Улафа отвели в уютную спальню, где пуховые перины и подушки приняли в свои объятия его измученное тело.

Утром он снова принял ванну, затем был завтрак. Потом Зонтаг-Брук провел Улафа в большую залу, где стоял достававший чуть не до потолка скелет мамонта.

- Мы с вами находимся в удивительной стране, дорогой друг! - воскликнул Матвей Зонтаг-Брук, - то, что в европейской части России давно выкопано из недр земли, здесь еще и не начинали по-настоящему копать. Здесь рай для исследователя.

Вы видите перед собой скелет давно вымершего животного. Подумайте! Это животное жило здесь в древнекаменном веке. За верхним перевозом есть высоченный утес, скала эта называется Боец. И не случайно. Тут стремительная Томь с размаху налетает на каменную громаду, разбивается о гранитную грудь, делает поворот, и несколько успокаивается, втекая в более широкое русло.

Так вот, под этой скалой случайно обнажились в песчаных наслоениях, обугленные кости животных. Среди них было множество костей мамонтов. Были там неподалеку следы стоянки древнего человека.

Климат тогда здесь был значительно теплее, много было южных растений, древовидных папоротников, лиан. И фауна была соответствующая. Древние жили у реки. Они охотились на мамонтов.

Поднимались наверх, прятались в зарослях. Завидев мамонта, стучали в барабаны, метали в него копья, гнали его на высокий утес. Мамонт, убегая от преследователей, падал со страшной высоты. Тогда охотники спускались вниз, и каменными ножами и топорами разделявали тушу. Они разводили костры, пекли мясо и коптили его впрок.

Вот этого гиганта они тоже заманили в свою ловушку! - Матвей Зонтаг-Брук влез по лесенке-стремлянке и погладил череп мамонта. - И в этой голове тоже были какие-то мысли! Эта голова советовала её владельцу есть, пить, любить! И он делал это!

Зачем Египет, и его пирамиды, если в Сибири так много удивительного!

- Я Сибири еще по-настоящему и не видел! - не без грусти сказал Улаф Страленберг.

- Да-да! Эти злодеи не давали вам работать. Вы не знаете здешних порядков. Продажная администрация. Полиция, которая сама давно стала преступной.

- Но как же здесь вообще можно жить честному человеку?

- Милый друг, люди ко всему могут приспособиться. Не случайно я поставил свой дом в отдалении от города, среди болот, в неприступном месте. Мои люди вооружены. И у меня есть подземный ход, по которому можно уйти в случае опасности. Я изучил повадки этих полицейских, и их тайных агентов, и они меня не застанут врасплох. Не случайно мне удалось вас вызволить из их паучьих тенет.

Теперь вы можете во всем положиться на меня, и спокойно заниматься наукой.

-Я не могу и выразить, как я вам благодарен, господин Зонтаг-Брук! - вы мне спасли жизнь.

- Долг ученых - помогать друг другу. Мне стало известно, что вы ищете историческую реликвию, я с радостью помогу вам в этом.

- Я буду счастлив таким сотрудничеством! - воскликнул Улаф Страленберг, - в деле еще может принять участие Философ Александрович Горохов, Он был первым, кто поддержал меня в этом городе.

- Да-да! Я знаю этого несчастного старика. Ему не повезло с приисками, он потерял всё, что имел. Такие люди, как он, до самого конца испытывают жажду деятельности. Если его энергию ввести в должное русло, он может многое еще сделать для науки. По крайней мере, он нам не помешает! Он, как и мы, не любит полицию. И знает её изнутри, так-так в молодости был прокурором. Я пошлю за ним, мы вместе разработаем операцию по поискам вашей реликвии.

И Зонтаг-Брук отправил кучера с каретой за знаменитым "томским герцогом".

Не прошло и часа, как Философ Александрович появился в таинственном загородном доме. Первым делом они обнялись и расцеловались с Улафом Страленбергом, причем Горохов даже прослезился:

- Я уже и не чаял с тобой свидеться, мой добрый шведец! Как же ты исхудал!

- Теперь у меня всё хорошо, благодаря любезности хозяина этого дома. Он меня спас, он меня лечит, он обещает помочь нам в поисках реликвии

Зонтаг-Брук сказал, пожимая Философу Александровичу руку:

- Каждый в Томске знает Горохова, человека великих познаний и добрейшей души.

-Я где-то встречал вас в Томске, сударь мой, -сказал Горохов, разглядывая апартаменты. - Вы человек запоминающийся, если не сказать - более. И дом ваш такой оригинальный, я бы сказал, что это крепость.

- Это так и есть. Когда занимаешься наукой, то поневоле тянет уединиться, чтобы ничто не мешало мыслить. Вы ведь теперь тоже живете отшельником.

- Ну, мой флигель вовсе не так неприступен, как хотелось бы! - заметил Философ Александрович, - глядя в окно. Вдруг он воскликнул:

- Разрази меня гром, если это не Алена Береговая, которая меня и Улафа спустила с откоса! Это у неё укрывался бандит, укравший у господина Улафа Страленберга бронзовую фигурку оленя. И бандит этот прозывался Ильей Лошкаревым.

- Алена теперь служит у меня домоправительницей, - сообщил Зонтаг-Брук, - она, действительно, обладает большой телесной силой. То есть, тем, чего мне самому так не хватает! Посмотрите, как она колет дрова! Никакому мужику не угнаться! Всё мое хозяйство на ней держится. И с лошадьми управляется, и с коровами.

А что касается какого-то там Лошкарева, так что ж тут удивительного? Одинокая женщина с двумя детьми, она жила в лачуге неподалеку от пристани.

Понятно, что у неё находили иногда приют разные пристанские люди. Тем более, что при её силе, ей бояться не приходится. Но теперь она живет здесь тихо, мирно. А её белобрысые отпрыски делают мой дом уютнее, и теплее. Я рад.

За обедом обсуждались детали сотрудничества. Зонтаг-Брук предложил купить древний дом, находящийся в полуверсте от соляного склада. Из этого дома можно будет вести подкоп. Дом будет куплен на имя нищего Севастьяна Огурцова. Он имеет медаль за оборону Севастополя. Известный нищий купит старенький дом, это не вызовет подозрения. Есть нищие, которые за милостыню могут купить даже дворец.

В дворе Зонтага-Брука есть опытнейшие мастера горного дела. Работы можно начать сейчас, а кончить к весне. Ведь найти исчезнувший, заиленный древний колодец будет не так просто, да еще надо раскопать его, перелопатить многие пуды земли.

- Я верю в успех! - торжественно сказал коротышка-ученый. - Господин Улаф пусть живет у меня, а господин Горохов всегда будет у нас желанным гостем. Только не надо ходить на Воскресенскую гору к дому Каминэров. Не надо никому сообщать, что господин Страленберг находится у меня. Ищейки Шершпинского всюду разыскивают шведского ученого.

Они и за вами следят, Философ Александрович. Будьте осторожны. Если захотите нас навестить, занавесьте окно своего дома вот этой розовой занавеской с ромбами. Вот, возьмите. Мои кареты ежедневно бывают в городе. Мои люди увидят эту занавеску, и привезут вас. Мы будем рады.

38. ВОЛНЫ ЧЕЛОВЕКА

- Полина, Полина! Ты должна помочь мне! Пойми! Недруги оболгали меня, были доносы в Омск, к генерал-губернатору. Герман Густавович еле отстоял меня! А теперь приехали с проверкой из Петербурга. Всё это подстроил проклятый ссыльный мазурик профессор Берви-Флеровский.

Мне пришлось выпустить это болтуна Акулова. У Берви осенью кончился срок ссылки. Так купчик отправил его с последним пароходом, в каюте первого класса! Я не могу Акулова опять арестовать. А он сейчас этой комиссии такого наговорит!

Мне нужен сейчас успех, чтоб заткнуть ненавистникам их поганые рты. Но меня преследуют неудачи. Мало того, что Акулова сразу пришлось выпустить, не успел он даже тюрьмы понюхать, случился подкоп под тюрьму. Сбежали два важных преступника. Один из них - шведский шпион, другой фальшивомонетчик. Помогите! Ты можешь вычислить, где находятся бежавшие преступники. Ты ведь можешь и какое-нибудь гнездо заговорщиков мне открыть! А главное - ты можешь повлиять на комиссию.

- Нет, я ничего не смогу сделать. Мне жизнь не мила. Ты говоришь, сбежал преступник, фальшивомонетчик. Но это же тот самый художник, с помощью которого мы отдали бедную девочку в грязные лапы развратника.

- О чем ты говоришь? Герман Густавович - наш благодетель, всё, что я имею, дал он. И разве тебе плохо живется в моем доме? Слуги исполняют любое твоё желание!

- Нет, не любое! Они не могут вернуть мне спокойную совесть. Хватит! Ты окунул меня в такую грязь, что вовек не отмыться, и не отмолить грехи. Я сон потеряла.

- Полинка! Иди ко мне! Маленькая моя, я сделаю, что ты хочешь!

- Нет-нет! Довольно! Мне дорого это обошлось! Ой, как дорого! А у тебя нет даже капельки сочувствия. Ты хитрый, расчетливый, жестокий. И тупой! Ты дьявол, скрывающийся в шляпе рога! Иначе бы ты понял, как всё это выглядит со стороны.

- Если ты мне поможешь, я упрячу тебя в тюрьму! Там тебя так отделают, что через неделю будешь у меня в ногах валяться. Будешь умолять, чтобы выпустил.

- Не дождешься! Больная совесть, хуже тюрьмы, Тебе этого не понять. Ничтожество! Отстань от меня, а не то помогу комиссии вывести тебя на чистую воду.

-Черт бы тебя побрал, горбатая ведьма! Как не ко времени эти твои бабьи фигли-мигли!

Шершпинский выбежал из комнаты Полины, хлопнув дверью. Он едва сдержался, чтобы не ударить её. Всё гадко. Комиссия. Поляки затаились. Этот побег из тюрьмы. Кошевики мчат в зеленых кошевках среди бела дня, убивают и грабят. И Полина заочевряжилась. А вдруг и правду донесет? И девчонку эту расколдует? Карга проклятая! Может, сказать Пахому, чтобы на обед дал ей пельменей с крысидом, да и делу конец?

Да нет. Она еще пригодится, пригодится. Обычные женские капризы. Мало ли что? Она его любит, она для него всё сделает.

А пока надо на всякий случай к Давыдову съездить, Какую-то чертовщину в доме Асинкрита Горина творит. Доктора жаловались, шарлатан, дескать, всех пациентов отбил. Лечит, черт его знает чем! Припугнуть его, так он своими маятниками и зеркалами на мятежников и наведёт. Поможет. Вот и собьем с Полины спесь. Пусть знает, что и без неё обойтись можно.

Шершпинский крикнул человеку со многими фамилиями:

- Морозов! Запрягай теплую карету! Окна-то настыли, куржак сплошной, улицы даже не видать!

Сидя в возке, Шершпинский задумался. Всё плохо. Господин губернатор сердится. В последний раз жаловался на одиночество. Купил и обставил великолепный дом, а супруга была в нем лишь кратковременной гостьей. Большую часть года с малютками дочерьми проводит в Петербурге. Он весь в делах и заботах. А отдохнуть развеяться от государственных забот - не получается, какие-то моралисты следят за его жизнью. Разве здесь Европа? Это там на западе кажый кустик подстрижен, каждая дорожка подметена. Здешнюю тайгу подстричь садовыми ножницами? Здешние тысячи и тысячи верст метлой подмести?

Он изучил все дальние края губернии, самолично Алтай весь облазил. Он вводит такие реформы, что жизнь в крае хоть медленно, но меняется к лучшему. Что еще можно сделать в краю ссылки бандитов и разных неблагонадежных элементов? А благодарности никакой, отдыха никакого, только доносы ползут в Петербург. И нет возле него близких людей. А те, кого он приблизил, не оправдывают надежд.

Шершпинский намек губернатора понял. А он уже устал его развлекать. Как? Мнимые польки уже надоели и господину губернатору, и Цадрабану Гатмаде, и Вильяму Кроули, и даже негру Махамбе. Да и ему, Шершпинскому, тоже.

Надоело с бардашными мамками договариваться, с арфистками и аферистками. Из за этих шашней, иные чиновники позволяют себе непристойные намеки. Даже мешанишки поганые вслед ему зубы скалят. Видимо, как-то дошли до них слухи, что Шершпинского снять с поста хотят. И теперь он думал: "Только бы пронесло! Если удержусь, шкуру со всех спущу!" Но он уже не был так уверен в себе, как прежде. И нельзя было больше потакать прихотям губернатора, но и понятно было, что без этого на посту не удержаться. Что делать? Ведь в случае чего, отвечать придется ему, а с губернатора грязь стечет, как с гуся вода.

В доме Асинкрита Горина полицмейстера не ждали. В прихожей его встретил граф Разумовский. Вот уж кого видеть Шершпинский никак не хотел!

- Дмитрий Павлович принимает?

Как бы сам с собой беседа, Разумовский сказал:

- Коли, болит пузо, забить три арбуза, коли, болят ноги - отсечь на пороге!

Шершпинский хотел осадить зловредного старика, но решил не обращать внимания на его выходки. Потом, можно и посчитаться.

- Доложи, что я к нему с визитом.

- Хоть вези там, хоть не вези там, нет у нас места таким паразитам!

- Ах, ты пень трухлявый! Да я тебя в порошок сотру!

Неизвестно, чем бы кончилась перепалка, но в прихожую выглянул Давыдов:

- Роман Станиславович? Чему обязан?

- Да вот, заехал. Наслышан о ваших удивительных опытах. Весь город о них только и говорит. Решил полюбопытствовать.

- Врачи, должно быть, жалуются?

- Не скрою, что и это есть, но я, ей богу, не с проверкой или претензиями. Любопытство заело. Рассказывают, что вы просто чудеса творите! Человека насквозь прозреваете. Ваши маятники, зеркала и чудодейственные составы у всех на устах сегодня.

- Всё это, Роман Станиславович, весьма преувеличено молвой. Не вам объяснять, как порой растут и множатся слухи. Да вы, проходите, проходите. Раз уж пришли, то, конечно, постараюсь удовлетворить ваше любопытство.

Шершпинский прошел вслед за Давыдовым в просторную комнату, где по стенам висели зеркала и знаки зодиака. С потолка свисали странные приспособления, в виде качающихся бронзовых булав и шаров.

- Искусственное золото не пробовали создать?- пошутил Шершпинский.

- В сибире, слава богу, естественного хватает. Я пытаюсь иное золото добывать: человеческое здоровье.

-Я слышал я, что и судьбу предсказываете?

- Вот это и есть преувеличение. Я предсказываю не судьбу, а предрасположенность человека к той или иной судьбе. Это можно предположить по свойствам его организма и характера.

- По форме носа и ушей?

- Ну, это было бы слишком примитивно. Но и на форму головы, рук, рта и носа, тоже обращается внимание. Главное же всё-таки не в этом.

- В чем же?

Давыдов пригласил Шершпинского сесть в кресло, принёс сигары. Они закурили. И Давыдов сказал, выпуская из носа струйку дыма:

- Главное в том, что каждый человек излучает волны.

- Тепловые, как печь?

- Естественно, животных ведь так и называют - теплокровными. Но кроме тепла, человек излучает волны своего головного и спинного мозга. Научись мы читать эти волны, расшифровывать их, и по многим болезням можно будет ставить диагноз без ошибок.

- И вы, говорят, эти диагнозы уже ставили?

- Ставил. И болезни лечил. Шарами из разноцветных стекол, системой зеркал, минеральными порошками. Собственно говоря, земля, камни, деревья и человек состоят из одних и тех же элементов. Зная, где нарушилось в человеке природное равновесие, можно попытаться восполнить недостающее.

Кроме того, я изучаю свойства драгоценных камней. Уже давно замечено, что они несут в себе особую силу. Некоторые камни могут лечить, иные могут вас в гроб загнать. В них спрессовано каким-то образом и прошлое, и будущее. В них спрессованы энергия и опыт. И это тоже надо расшифровать.

- Значит, вы научились прочитывать волны человека. И вы можете читать чужие мысли?

- Ну, нет! Вы уже хотите принять меня на работу в полицию? Чтобы я раскрывал тайные мысли преступников?

- А что? Мы бы вам хорошо платили! - усмехнулся Шершпинский.

- Боюсь, что я бы вас разочаровал. Прочесть то, что таится у человека под черепной коробкой я пока не в силах. Могу уловить настроение, но это могут делать многие люди, особенно женщины, у них кожа тоньше, они чувствуют лучше нас, мужчин.

- Вы можете ли вы на расстоянии влиять на людей?

- Пока нет. Но в принципе, и этому можно научиться.

-А на большом расстоянии?

- Со временем можно будет влиять и на очень большом расстоянии. Вы же не удивляетесь тому, что написанное в Петербурге, вы в тот же день можете читать в Томске. Телеграф и аппараты Морзе сделали это возможным. Люди научились передавать сигнал далеко-далеко. Научатся они передавать далеко и свои собственные биологические сигналы. Уже теперь есть люди, которые умеют делать это. Колдуны всякого рода, это ведь не только шарлатаны. Среди них есть одаренные природой люди.

Шершпинский невольно подумал о Полине.

- Себя вы к таким одаренным не относите? -спросил он Давыдова.

- Отношу. Но я занят более важными научными проблемами. В одном из своих стихотворений я пишу об этом.

Давыдов стал в позу и продекламировал:

Уже приблизилась пора,
 Когда из сени потаенной
 От инструментов и пера
 Я мог явиться в мир отсталый
 С плодом науки небывалой.

- Гм. Стихи неплохие. Вы очень умный человек. Но всё же вернемся к воздействию на людей.

- Воздействие? Говорят, гипнотизму можно научиться. Но всё же сильнее природные силы.

- Значит, вы можете влиять на людей на расстоянии?

- Мне некогда развивать это направление. Я занят больше авиацией. Вот, что занимает всё мое время. Лечение людей лишь дает средства для занятий авиацией. Меня даже мужики здешние зовут "авиатором", мне это лестно.

- Я бы всё же советовал заняться вам гипнотизмом.

- Ага! Вы всё же мечтаете переманить меня в полицию!

- Мы были бы счастливы иметь вас своим сотрудником. Но мы понимаем, что на научной ниве вы получите более богатый урожай. Интересно было побеседовать. Если, не дай бог, заболею, лечиться приду только к вам.

Шершпинский встал. Давыдов спросил:

- Роман Станиславович, может приказать подать вина или чаю? На улице мороз.

- Днем я обычно не пью вина. И карета у меня теплая. Интересно было посмотреть на ваши научные приборы. Благодарю вас!

- Заходите, Роман Станиславович!

- Непременно!

Шершпинский удалился. Проводив его до двери, Давыдов вернулся в комнату в раздумье. С чего это полицмейстер пожаловал? Поверить жалобу врачей? Но он бы прислал своих церберов. То ли правда? любопытствует?

Шершпинский же думал о том, что зря потратил время на визит. Нет, этот ученый не сможет заменить Полину. Даже если бы он имеет те же способности, что и она, его не так просто заставить. Нет, надо договариваться с Полиной! Любой ценой! Она должна ему помочь!

Карета быстро примчала домой. Открыв дверцу кареты, Шершпинский увидел во дворе переминавшихся на морозе дворовых людей. С балкона свисал длинный шелковый шнур, на нём висела монтевистка Полина. Голова её была неестественно повернута набок, на лицо садились снежинки, и не таяли.

39. ЧТО ЗА КОМИССИЯ, СОЗДАТЕЛЬ!

В последнее время Роману Станиславовичу часто снился почему-то один и тот же сон. Будто он с тяжким трудом взбирается на отвесную скалу. Подтягивается на руках, выскивая ногами, обо что бы опереться. Глаза заливают пот, члены немеют, верхушка скалы близка, там есть площадка, где можно отдохнуть. Он протягивает руку и... срывается вниз.

Сколько раз просыпался он в холодном поту. Ощупывал себя, убеждаясь, что жив, цел, слава богу. А на душе было гадко, словно поел чего из выгребной ямы.

А всё это было потому, что приехала комиссия из Петербурга. Пятеро. Надменные. С ним держатся строго официально, да и с Германом Густавовичем тоже.

Каково господину губернатору? Под него подкапываются, а он вынужден был им выделить в губернском управлении две просторных комнаты. Дали им лошадей, экипажи, возниц, посыльных. Копайте, дескать, под нас, чего там!

Правда, Роман Станиславович расстарался, чтобы все кучера, посыльные были людьми Евгения Аристарховича. Ежедневно докладывают Шершпинскому, где побывали приезжие, с кем встречались.

Герман Густавович предлагал приезжим жить у него в особняке. Отказались. Пригласил послушать музыку. Отказались. Жить остановились в гостинице "Европейской". Пусть! Там все горничные и половые служат Шершпинскому и Евгению Аристарховичу. Уж пришлось пристроить туда своих людей.

А всё же тревога нарастает. Тяжко, мутрно. А тут еще Полина вытворила такое! Не зря говорят, что где тонко, там и рвется. Лучше бы шнур этот злосчастный оборвался, на котором она повесилась.

Пришлось Роману Станиславовичу постараться сгладить неприятное впечатление. Первое, пустил людей на базар, чтобы рассказывали, что вот родственница полицмейстера, пошла на балкон, бельё снимать, да запуталась в веревке, упала с балкона. Несчастный случай.

Вызвал он Моисея Гельмана владельца похоронного бюро:

- Похоронить по первому разряду!

И было действо. Шли похоронные служащие, в одетых поверх пальто позолоченных ливреях и, несмотря на мороз, в цилиндрах. Впереди шел мальчик с крестом, затем другой - с иконой. Оба они тоже в ливреях, в белых шерстяных чулках, и в цилиндрах.

Лошади черные, гладкие, с наглазниками, словно глаза их были обведены белым. Шесть лошадей запрягли цугом, они и тянули колесницу, некий балдахин с четырьмя витыми столбами, с куполом и крестом на крыше. Золотые покрывала спускались до земли, касаясь её пышными кистями. На высоком черном одре стоял лакированный саркофаг с львиными ножками. Лошади пугались, и взмахивали черными султанами.

Затем шли: седенький дьячок с дымящимся кадилом, хор певчих, факельщики в черных одеждах, белых чулках и перчатках.

Затем ехал длинный поезд черно-золотых карет. Шли в процессии переодетые полицейские, агенты. Потом ехала двуколка, с которой разбрасывали еловые ветви. И получилось внушительное зрелище.

И в церкви, и на кладбище нищим подавали с необычайной щедростью. И Шершпинский плакал искренне и горько.

После многие его даже жалели. Вот, содержал дальнюю родственницу, а умерла, так такие пышные похороны закатил! Сердечный всё-таки человек!

Он многие меры принял. И в городской тюрьме, и в пересыльном замке всё почистили, покрасили, побелили. Бандитов и воров, которые могли, что-нибудь выболтать, поспешили отправить по этапу, в другие города. Сисилию Ронне пришлось отпустить. А что делать? Пусть клеветет. Пусть брешет про тот случай в гостинице. Доказать что-либо трудно. А что забирали её, так по доносу, как иностранку. Проверjali.

Господин губернатор уже рассказывал этой комиссии о работе полицмейстера. О раскрытии заговора сепаратистов, о надзоре за бунтовщиками-поляками, и разными социалистами.

Хорошо бы сейчас дело какое-нибудь громкое организовать! Вот он, мол, полицмейстер! Действует! Чего же вам еще надо? Куда-то делся этот чертов Улаф Страленберг, как в воду канул. А так хорошо было бы сейчас его изловить. Иностраннный шпион, из российской земли хочет богатства наши исконные извлечь. Поймать бы за руку! С поличным! Да где он, этот Улаф Страленберг? Шпики по всему городу мечутся, Шершпинский шпыняет их, требует. Но нет, не могут найти. Стеречь надо, стеречь дом Каминэров. Рано или поздно он туда придет. Там его, голубчика, и схватят.

Шершпинский в эти дни вспоминал шведского ученого так часто, что тому должно было икаться. Но Улаф Страленберг жил спокойно в доме у замечательного ученого Матвея Зонтага-Брука. Многочисленные работники дома были молчаливы. Жили они в подвальном этаже, о существовании которого в первые дни пребывания в гостях Улаф даже и не подозревал.

А там, под домом, были и жилые комнаты, и кухня, и многочисленные кладовые. Из того же подвала вел подземный ход. Однажды Зонтаг-Брук пригласил Улафа прогуляться по этому ходу. Он представлял собой широкий листовенничный сруб. Это был как бы такой широкий и длинный колодец, положенный горизонтально.

- Я хочу довести этот ход до самой окраины города. И расширить его потом таким образом, чтобы можно было проехать здесь на тройке лошадей. Представляете? Скачу я по Почтамтской, по Пескам, в нужный момент земля разверзается. Моя тройка влетает под землю, и земля вновь смыкается за мной! Каково?

- Каким же образом будет разверзаться и смыкаться земля? - удивился Улаф.

- Очень просто! - отвечал Матвей Зонтаг-Брук, - придем домой, я покажу вам чертежи. Обыкновенная механика, поворотные камни, рычаги. Запускать механизм в дело сможет всего один служитель, простым поворотом рычага. Причем, сооружение будет располагать замаскированными зрительными трубами. Мой часовой всегда сможет видеть, кто именно приближается к подземному ходу. Врагу он не отопрёт!

- Но как вам в голову пришла такая смелая идея?

- Знаете, всё просто. В европейской части России города давно не знавали штурмов и осад. Многие столетия прошли. Разрушились крепости, обвалились и утрамбовались подземные ходы. Стерлась и сама па маять об этих ходах. А Томск сравнительно недавно еще отбивался от осад степняков. И растёт, изменяется он не столь быстро, как города в центре России. Здесь сохранились многие старые подземные ходы.

А богатеи и теперь их строят. Почему не соединить подземным ходом две усадьбы? Можно будет зимой ходить в гости, не надевая шубу и не обувая пимы. Да мало ли зачем подземный ход может понадобиться? К примеру, я имею счастье теперь беседовать с вами, благодаря небольшому подземному ходу, который мы подвели под стены тюрьмы. И я надеюсь, что мы с вами всё же найдем, при помощи другого подземного хода, заиленный колодец с его сокровищем.

Когда вернулись в дом, Зонтаг-Брук показал Улафу Страленбергу чертеж поворотного механизма. Улаф подивился остроумности решения проблемы.

- А вы не только археолог, но еще и талантливый механик! - воскликнул Улаф в восхищении. - И какой великолепный чертежник!

- Пустяки! - отозвался Зонтаг-Брук, - я раньше занимался гравировкой на металле, там, действительно, нужны глазомер и твердая рука. Теперь, увы, я вынужден от этого отказаться.

- Почему же?

- Глаза. Я быстро теряю зрение.

Был у одного местного волшебника. Давыдов, потомок знаменитого гусара, который громил Наполеона, и писал чудесные стихи. Этот Давыдов при помощи разных маятников и шаров, может читать волны мозга. Он определил у меня водянку мозга. Опухоль там, на зрительный нерв давит.

Да, я это и без маятников чувствую. Сначала перестал видеть левый глаз, теперь и правый начинает отказывать. Я последнее время читаю через сильнейшую лупу. Но не хмурьтесь, друг мой! Поверьте, я на это не обращаю внимания!

Да, Давыдов предупредил: сосуд закроется, и я умру. Что же? Умер мамонт, скелет которого мы с вами можем наблюдать в любое время. Мамонт был большим, а я маленький. И мой скелет будет совсем маленьким.

Но и мамонт, и я, мы, сыграем свою роль в этом мире, займем какую-то его клеточку. Станем звеном в цепи. Неважно, что мамонта убили, а я умру сам. И неважно, что он жевал траву, а я ел мясо. Мы станем землею. И кто скажет, зачем мы были?

Почему я имею большой мозг и маленькое тело? Какой-то сдвиг в плазме. Каприз природы, или наказание за грехи далеких или близких предков? Да и какая разница? Мамонт был, и я был! И мы оба устраивали свое бытие, как могли! Оба старались. Как говорится, *per aspera ad astra*. *

Улаф Страленберг и Зонтаг-Брук поднялись по лестнице вверх. Из комнаты с мамонтом винтовая лесенка вела в мезонин. Здесь были строенные окна, открывавшие вид на бескрайнее болото, с островками осинки и берез.

В этом мезонине у Зонтага-Брука была картинная галерея. Картин было пока всего две. Это, собственно, были портреты. На одном из них был изображен Зонтаг-Брук. Он изображен был возле своего дома, на фоне тенистого парка и голубого озера. Дом был похож, каждая ставенка, и каждое бревно нашли здесь свое отражение. Но дом смотрелся красивее, праздничнее, а главное, в действительности пейзаж вокруг него был совершенно иной.

И сам Зонтаг-Брук очень похож, но у него было не тело карлика, а тело молодого стройного юноши. И это не казалось странным. Новое тело Зонтагу-Бруку очень шло. Удивительно, как художник сумел добиться полнейшего сходства с оригиналом, хотя многое домыслил.

Со второго портрета смотрел Улаф Страленберг. Он был закован в рыцарские латы. Подобные латы носили в те времена, когда предок Улафа, Иоганн Филипп фон Страленберг воевал в армии короля Карла Двенадцатого. За плечами Улафа были Алтайские горы, а в руках он держал корону короля скифов, камни которой рдели, как закат.

Портреты написал художник Петр Тарабрин, появившийся на заимке недавно. И только Зонтаг-Брук знал, что у художника совсем иное имя.

- Правда, в мезонине уютно, хорошее освещение? Здесь очень к месту будут новые картины? - спросил Зонтаг-Брук.

- О, да! - согласился Улаф, - если бы можно было заменить пейзаж за окном. Всё же эти заснеженные болотные кочки навевают уныние.

- Милый друг! - воскликнул Зонтаг-Брук, - взгляните на этот альбом! Раскройте его! Вы видите чертежи, рисунки. Это моя мечта. Она будет воплощена. Еще летом не было вокруг дома ограды, и ворот не было. А теперь? Взгляните в окно. Видите эти массивные столбы, поддерживающие арку с фонарями? Оформление ворот закончили в последние дни осени. Тогда же посадили вон те тополя. Они сейчас тоненькие, но они быстро наберут силу. Как мощные насосы, они начнут осушать почву.

Да, сейчас пейзаж такой, как в знаменитом стихотворении Жака де Лиля "Сады".

В России северной свирепствуют метели,
Но мощные леса их, кедры, сосны, ели,
Мхи и лишайники во мгле морозных зим
Стоят зеленые под слоем снеговым!

Да! Мхи и лишайники! Эта книжечка вышла в Лондоне в 1801 году. Сентиментальный французик всё же слабо представлял северную Россию. Но настроение передал. Мы зеленеем под снегом!

У меня в дворне есть три старика. Пан Тадеуш, пан Людвиг, и пан Леопольд. Это еще первая волна польских ссыльных повстанцев. Рыцари нимфы и роз. Масоны. О! Они были ландшафтными строителями у королей! Вы знаете их ритуал? На алтарь возлагаются свежие розы, и окропляются кровью. Человек, накрытый черным плащом - Молчаливость, и рядом - шаловливая нимфа. На жертвеннике курится фимиам. Опоэтизированная эротика просвещенной Европы. Жажда таинственного флюида, посылаемого нам из магнетического центра Вселенной. Мы все притягиваем эти флюиды, подобно губке, впитывающей влагу.

То, что я создал пером и карандашом в этом альбоме, мои рыцари нимфы и роз изобразят на местности, при помощи лопат, садовых ножниц, и своего волшебного мастерства. При помощи улавливаемых ими флюидов.

Вам нравится то, что видите в альбоме? Заходите в гости через год-два, и вы всё это увидите вот за этим окном!

Улаф был совершенно очарован этим маленьким человеком, живущим такой полной, интересной жизнью. Он и в стылой Сибири умеет видеть интересное и прекрасное! Нет, он не маленький, он больше мамонта! Он велик.

40. ИВАНЫ ИВАНОВИЧИ

Комиссия давно уже поняла, что её окружают подставные лица. Лилия Александровна фон Мершрейдт посетила губернское правление. В комиссии ей сказали, что хотели бы встретаться со свидетелями где-нибудь вне правления.

Лилия подумала и предложила дом Асинкрита Горина. Это недалеко от правления, в то же время к дому легко подойти незамеченным. Дом этот окружен халупами, деревьями. К нему ведут многие кривые тупички.

И в одно пасмурное утро в дом Асинкрита Горина с Лилией Мершрейдт пришли два пожилых господина, одетых в хорошие шубы и шапки. У каждого из них была в руке трость, каждый курил дорожную сигару.

Господа эти велели называть себя Иванами Ивановичами, а как их настоящее имя - никого не должно интересовать.

В доме Асинкрита Горина господ этих ждали, чтобы дать показания граф Разумовский, Верочка Оленева и Сесилия Ронне.

Сам Асинкрит и Дмитрий Павлович Давыдов были посвящены в дело и дали обет молчания. Иваны Ивановичи сначала расспрашивали Верочку. Потом, проводив её из комнаты, позвали Разумовского и Лилию.

Верочку взялся развлекать Асинкрит Горин, как хозяин дома. Он предложил ей чаю. Верочка робко взяла чашку. Вид Асинкрита её поразил. Ужасная волосатость лица, грязный и рваный халат и валенки на одну ногу.

Девушка необычайно понравилась Асинкриту, но он чувствовал, что его боятся. Он никогда еще не ухаживал за девушками, ни одна из них не привлекала его внимания. И вот.

Горин быстро заговорил:

- Пожалуйста, не бойтесь меня, милая барышня! Меня зовут Асинкрит Горин, я - дворянин. Я давно не брился, увы. Я весь в мечтаниях. Книжки. Ах, когда я тоже учился в гимназии, мы много читали по программе, но это было не так интересно. Вы сахар берите! Да. Теперь у меня много интересных книг, остались еще от покойного батюшки. Сейчас принесу.

Асинкрит быстро зашаркал валенками в мезонин, принес оттуда груды пыльных книг, и свалил всё на стол, рядом с баранками. Пыль поднялась столбом, и Верочка чихнула.

Асинкрит кинулся затворять форточку:

- Ах, мы вас простудили!

- Это я от пыли! - сказала Верочка, - извините, пожалуйста.

Она дивилась неловкости Асинкрита, его волосатости и неухоженности.

- Вот, смотрите, - сказал Горин, - "Адская почта, или курьер из ада с письмами". А это? "Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга". Каково? А читали ли вы "Граф Вальмонт или заблуждение рассудка"?

- Нам не дозволяют такое читать, у нас нет в библиотеке.

- Я вам с удовольствием дам эти книги на прочтение! - воскликнул Горин, поправ пальцем в варенье, и облизав его.

Тут вышли господа из комиссии, стали надевать свои шубы, и откланиваться.

Лилия фон Мершрейдт, Сесилия Ронне и Верочка попросили Давыдова проверить их здоровье своими аппаратами. Асинкрит, сунулся, было, в комнату Давыдова, но Лилия сказала:

- Мы к Дмитрию Павловичу, обращаемся, как к доктору, а вы будете лишним.

- Да-да! Я понимаю! - ретировался Асинкрит.

В лаборатории таинственно мерцали шары и дуги, качались маятники, и курились свечи.

Давыдов проверял дам маятниками и магнитами. Наконец, он сказал:

- Я должен поздравить вас, сударыни никаких особых отклонений в вашем здоровье я не нашел.

- Это приятно слышать,- заметила Лилия фон Мершрейдт, - после всего, что перенесла бедная Сесилия в застенках Шершпинского, она еще и здорова?

Сесилия воскликнула:

- Нас, французов, так просто не сломить! Там был надзирающий, такой большой мушкетер-баба. Он мне хотел бить. Я его кусал. Он мне велел приковать на цепь. Я его ругал по-французски самыми гадкими ругательствами. Он не понимал. Мне было смешно, я хохотала, хотя сидела на цепи!

В сенцах гости нечаянно наткнулись на какой-то предмет, с которого соскользнуло покрывало. Верочка вскрикнула. Галантный граф Разумовский взял её по руку:

- Не беспокойтесь, милая барышня. Ну, да, это чугунный саркофаг, видите фигурных ангелочков на крышке? Я приобрел эту вещь для себя, на всякий случай, ведь цены всё растут. Вы знаете в нем очень удобно солить капусту, сразу столько насолишь, что хватает и себе, и дворовым людям.

Верочка забыла испуг и невольно рассмеялась.

Асинкрит Горин проводил гостей не только до дверей, но вышел на двор, где трещал мороз.

- Вы простынете, любезный, в своем халате! - сказала Лилия, возвращайтесь-ка побыстрее в дом.

- Не уйду, пока не пообещаете еще навестить нас! - зупрямился совершенно закоченевший Асинкрит.

После этого визита Асинкрит Горин стал беспокойным и нервным. Это заметили вскоре и граф Разумовский, и Дмитрий Павлович Давыдов. Горин теперь только и говорил, что о необычайной красоте Верочки Оленевой.

- Отчего ты Асинкрит мечешься?- говорил граф Разумовский, - разве ты не помнишь строки Михаила Юрьевича Лермонтова "Была без радостей любовь, разлука будет без печали?"

- Вы старая перечница, что вы можете понимать в любви! - сердился Горин.

- Ага! - воскликнул граф,- проняло! А то всё твердил: не женюсь, не женюсь! А ведь тебе обязательно нужны наследники.

- Сам знаю! - буркнул Горин.

Вскоре после этого он посетил Сисилию Ронне. Для этого визита он позаимствовал пальто и шапку у Давыдова, а у графа его серебряные часы на цепочке.

- Прошу руки вашей приемной дочери! - заявил Асинкрит, оторопевшей женщине. - Вы не смотрите так, я вам всего не могу пока сказать, но уверяю вас, если мы поженимся с Верочкой, наши дети будут сказочно богаты. Они, может, будут богаче всех в Томске!

Сесилия Ронне расхохоталась:

- Ты волосатый обельзьян! Как смель ты просить рука Верочка?

Горин пошел в кабак и пропил там часы графа Разумовского. Возвратившись домой, он каялся и плакал.

Граф процитировал стихи:

Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно!*

С этих пор Горин не мог уже ни о чём думать и говорить, кроме как о женитьбе на Верочке Оленевой. Граф Разумовский урезонивал его:

- Посмотри на себя, ну, какой же ты жених? Чем ты можешь прельстить юную особу? Ты ходишь в отрепье, ты зарос волосами по самые глаза.

- Я хочу жениться на Верочке! - отвечивал упрямый Асинкрит.

- Хорошо. Тогда тебе нужно открыть свой подвал, извлечь кое-что из сундука, пошить себе модные костюмы, нанять себе личного парикмахера, который бы брил тебя в день по два раза, и опрыскивал бы самыми модными духами.

- Нет, я не могу нарушить отцово завещание.

- Тогда иди работать.

- Я не умею!

- О, люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!* - вскричал граф Разумовский, - как же ты можешь тогда мечтать о близости с прекраснейшим созданием? Что за женитьба? Молодую жену ведь надо содержать достойно! Предоставлять всё удобства жизни! Особо это касается Верочки. Она столбовая дворянка. Она лишилась отца, и нуждается в сильной опеке. А что можешь ты дать ей? Свои стоптанные валенки, которые в Сибири почему-то называют пимами?

- Я дам ей счастье! - ответил Горин.

Вскоре Горин получил плату за проживание с Давыдова, и Разумовского. Вместо того, чтобы купить чаю, сахара, и муки, как ему советовал хозяйственный граф Разумовский, он купил в магазине Верхрадского огромную корзину живых цветов.

С этой корзиной стоял он несколько часов возле гимназии, караулил Верочку Оленеву. В воздухе уже пахло весной. В снегу протаяли многочисленные глазки. Солнце пригревало.

И Верочка Оленева неожиданно появилась перед ним, она вышла из гимназии с подружками. Они весело щебетали, как ласточки, когда вдруг перед ними появилось волосатое чудище с воспаленными глазами, бухнулось на колени перед Верочкой:

- Верочка! Я не могу вас забыть! Вы снитесь мне во сне! Просил вашей руки у матушки Сесилии... Вот, цветы, как знак моей...

Верочка в страхе отстранилась. Подружки закричали:

- Ах! Ах!

И Асинкрит остался один на углу с полной корзиной живых, нежных роз. Он вскрикнул, и пнул эту корзину изо всех сил, и кинулся бежать.

На углу Почтамтской, возле трактира на Трясихе, его сбили лошади. Он упал на снег лежал почти до самого вечера в сугробе. Никто не подошел, чтобы поднять его. Раз валяется возле трактира - значит, пьян. Известно, что пьяный проспится, а дурак - никогда.

Он мог бы замерзнуть ночью, но на его счастье мимо проходила женщина из дворни Разумовского. Она тоже подумала, что Асинкрит пьян, но поскольку это был

хозяин усадьбы, в которой она жила, Палашка (Так звали женщину) наняла Ваньку,* который и помог погрузить Асинкрита в кошеву.

Асинкрит был в беспамятстве. Давыдов и Разумовский внесли его в дом.

Дмитрий Павлович обследовал больного и пришел к выводу, что тот жестоко простудился. Они жарко натопили печь, натирали тело больного спиртом, прикладывали грелки, давали пить отвар из сушеной малины.

Асинкрит в бреду, всё повторял имя Верочки. Граф Разумовский это прокомментировал так:

- Худо если дева засидится, но еще хуже, если такой вот блудный сын заблудится.

Горин пришел в себя лишь на третий день.

Он исхудал и почернел.

- Хочу Верочку! - опять начал канючить он.

Граф Разумовский стал вразумлять его, и призвал в помощь себе поэзию:

- Помнишь ли ты, несчастный стихи Аполлона Майкова? Я тебе почитаю, слушай:

Её в грязи он подобрал,
 Чтоб всё достать ей, красть он стал,
 Она в довольстве утопала,
 И над безумцем хохотала.
 Он в шесть поутру был казнен,
 И в семь во рву похоронен,
 А уж к восьми она плясала,
 Пила вино и хохотала.

- Ну, о чём говорят сии стихи? - спросил граф Разумовский. - Сие означает, что не всякая Ева, для всякого Адама создана. Так-то вот бывает, когда зарятся на красивых женщин! Короче сказать: руби дерево по себе! Иначе не будет толка!

- Буду рубить! - еле слышным шепотом отвечал упрямый Асинкрит.

Как только он смог вставать с лежанки, и ковылять по дому, заявился он в алхимическую комнату Давыдова, и потребовал:

- Сведите мне с лица волос, чтобы я был, как все люди!

- Но я таких опытов никогда не ставил, даже не представляю, как это сделать, это же особая статья! - попробовал его отговорить Дмитрий Павлович. Всё было напрасно!

- В счет оплаты за проживание. Сведете мне волос, и живите здесь хоть сто лет бесплатно!

- Да вы упрямец! - усмехнулся Давыдов, - такое упорство похвально, если бы вы нашли ему иное применение!

- Поймите же, Дмитрий Павлович, это вопрос жизни и смерти!

Давыдов и сам был человеком эмоциональным, он тоже увлекался не раз какой-либо идеей, когда казалось, что кроме этой цели, уже никакой другой в жизни и быть не может.

Поэтому Дмитрий Павлович пообещал безутешному влюбленному подумать о способе сведения волос.

Горин стал приходить к нему каждое утро, и каждый вечер, спрашивая:

- Ну что?

И однажды Давыдов сказал:

- Я прочитал всё, что по этому вопросу написано и в старых манускриптах, и в новых журналах. Сведений нашлось не так уж и много. За успех не могу поручиться, но попробовать можно.

Дмитрий Павлович Давыдов сварил густой настой из красного вина и толченых скорлупок кедровых и грецких орехов.

В назначенный день голову Асинкрита обмотали полотенцами, густо смазанными колдовским варевом. Не видно было ни щек, ни глаз.

Асинкрит полулежал в плетеном кресле-качалке, а Давыдов воздействовал на него излучением двух огромных магнитов.

Печь протопилась, но выюшка была не закрыта, и в ней кто-то страшно подвывал.

В конце сеанса целитель хотел снять повязку, но Асинкрит замотал головой. Он прогнусавил сквозь тряпки, что будет спать с повязкой, чтобы целебная мазь лучше подействовала.

Утром Асинкрит снял повязку и, волнуясь и дрожа, подошел к зеркалу. Волосы были на лице, на своем месте, они только приобрели темно-коричневый цвет с синеватым оттенком. Теперь Асинкрит выглядел просто ужасно!

Асинкрит Горин дико взвыл и побежал к редактору

"Золотого руна", дабы вылить желчь свою, и тоску. Но Давыдова не оказалось дома.

Как раненый зверь, метался Асинкрит по всем закоулкам большого дома, выл и стонал.

Граф Разумовский, как мог, успокаивал его:

- Не сотвори себе кумира! Это не я говорю, это заповедь пророка Моисея. А ты сотворил, и стенаешь теперь. И опять же в библии сказано: " Недостойн, развязать ремень у сапог его". Ты хочешь, чтобы Савла превратили в Павла!* Подумал бы ты и о том, что псу живому лучше, нежели мертвому льву. Это тоже библия изрекает!

- Мало бы, что она там изрекает! Это Дмитрий Павлович неправильно составил рецепт!

- На священное писание пенять негоже, это всегда себе дороже.

Асинкрит замотал головой, выбежал на крыльцо, там стал ждать Давыдова.

Через какое-то время встревоженный граф Разумовский вышел за ним:

- Ты, Асинкрит, не дитя малое, после простуды великой, ты вновь остужаешься. Весенняя погода обманчива.

Давыдов пришел поздно, он был не в духе, на все претензии Асинкрита, ответил кратко:

- Дорогой мой, я же не обещал вам обязательный успех.

Волосатый дворянин поднялся к себе наверх, и долго было слышно, как в мезонине скрипели половицы.

Утром весь дом потряс отчаянный вопль. Казалось, убивают кого-то. Проснулся Разумовский, проснулся и Давыдов, прибежали люди из дворни Разумовского. Кое-как разобрались, что крики доносятся из мезонина. Собрались туда идти, как вдруг по лесенке скатился человек. Его никто не знал, но он был в халате Асинкрита.

- Ах, ты разбойник! Говори, что же ты сделал с несчастным дворянином и хозяином сего дома Гориним? Говори, не то распотрошу тебя, как курицу!

- Я ничего с ним не сделал! Это не я сделал, это вот он, Дмитрий Павлович, сделал! - заговорил вдруг незнакомец голосом Асинкрита.

- Что такое? Ты еще и голоса подделываешь? - громогласно заорал граф Разумовский! Да я тебя - на виселицу!

- Да это же я, Асинкрит! - занял незнакомец плачущим голосом. - Он меня уничтожил! У меня все волосы выпали! Все! Понимаете? И на лице и на голове! Я же был кудрявым, а теперь - что?

Давыдов уже понял, что незнакомец это и есть сам Асинкрит. Это было ужасно. Лишившись растительности на лице и на голове, он совершенно преобразился. Лицо его оказалось заостренным, как у лисички, голова была вытянута тыковкой. Без волос на лице, он смотрелся как паяц с лубочной картинки.

- М-да-а! - протянул граф Разумовский, - воистину - шёл в комнату, попал в другую!

- Всё пропало, всё! - стонал Асинкрит Горин, - как я теперь Верочке на глаза покажусь?

- Но она ведь вас и в прежнем вашем облике не жаловала! - сказал Давыдов, - и кто знает, может, ваш новый облик ей придется по душе?

- Да, по душе! Мне теперь самому на себя смотреть противно.

- Не надо отчаиваться, - урезонил его Дмитрий Павлович, - возможно волосы еще отрастут. Я подумаю, как помочь этому.

Но в принципе, что такое есть красота? Вот вам нравится Верочка. А что именно в ней нравится? Милый носик? Но кто сказал, что отросток, с двумя отверстиями для выделения слизи, это и есть красота? Волосы? Но ведь это просто шерсть, из которой можно скатать, если хотите, валенки! Так и всё остальное в ней. Красоту в данном случае создает ваша мошонка, и всё, что с ней связано. Спросите любого скопца насчет Верочки, никто из них ею не восхитится. Они отрезали и выбросили свое восхищение.

- Вы... вы... вульгарный материалист! - вскричал Асинкрит.

- Ну, какой же я материалист, если интересуюсь теологией, и даже сочиняю стихи! Вам надо успокоиться, в конце концов, всё образуется.

Горин ходил по дому, как неприкаянный, вздымал глаза к потолку, вздыхал.

Граф Разумовский, видя его смятение, рассуждал как бы сам с собой:

- Люди не хотят быть совершенными. Цепляются за власть, за золото до конца дней своих. С собой ничего не унести. Лучше бы дружили с музами, с облаком в небе, с цветком в поле.

Государь, Александр Павлович, хотя и в зрелых годах, но осознал, что власть и деньги не дают радости. Вспомнил, что ради власти поднял руку на отца своего. Ужаснулся, и ушел от власти и золота. В этом городе жил он, свободный от всего. Слушал птиц, и говор реки. И приблизился к совершенству. Я был на месте его упокоения. Четыре кедра навевают умиротворение.

Господи! Сделай так, чтобы многие люди ужаснулись делам своим, и станет больше совершенства на земле.

41. ЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА

Сибиряк, погруженный в пучину многомесячных морозов, нет-нет, да и вздохнет, читая о благословенных местах, где всегда тепло. Есть, оказывается, на земле такие места! Всегда лето. Тепло и не жарко. Ложится туземец под пальму, и оранжевый плод с пальмы падает прямо в рот ему! А мы? За что бог наказывает?

Но если вдуматься, то вечное лето, это же однообразие. Никогда, никогда этот туземец не узнает, что такое настоящая весна, с первыми проталинами, а затем с бурным таянием снегов. Когда небо голубеет, вскрываются реки, плывут на льдинах костры, так хочется любить! Хочется успеть насладиться коротким теплом! Крупные южные цветы никогда не имеют такого щемящего аромата, какой бывает у неярких цветов севера. Хотя бы нашу черемуху взять, от её аромата кружится голова!

И вот опять пронесли реки талые льды к океану, опять зацвела в Томске черемуха.

Каждый эту весну встречал по-своему. Герман Густавович Лерхе старался из всех сил укрепить свой авторитет. Его нервировали члены петербургской комиссии. Суется тут! И никакими их манерами и маневрами не проймешь.

В местной газете устроена была статья за подписью Петр Добродетельный. Этот Петр рассказывал о том, как много сделал губернатор для всей Руси, и для всего мира, изучая быт ойротских племен.

Деятельность губернатора благотворно повлияла на дальнейшее развитие золотой промышленности. Горные заводы в Алтайских горах и в Кузнецких степях, с помощью Лерхе, обновились. Он покровительствует культуре и науке. Благодаря нему благословенный град Томск и вся Томская губерния стали процветать.

Счастливые сограждане присвоили губернатору звание Почетного гражданина Томска, это такая малая благодарность за многочисленные великолепные деяния его.

Герман Густавович с удовольствием прочел газету. Но тут случилось, как на грех происшествие, встревожившее город. В день выхода статьи Петра Добродетельного часы на башне городской ратуши забили невпопад. Знаменитый часовщик Иван Мезгин уехал в Петербург за инструментами.

Нашли другого механика, доктора Штрауса. Тот влез на башню, стал починять механизм. В часах отломилась вдруг скоба, и колеса завертелись с бешеной скоростью, одним из колес полоснуло Штрауса по руке, отрезав напрочь кисть.

Народ собрался на вой и стенания Штрауса, и увидел окровавленную кисть руки, валяющуюся возле одной из чугунных Венер.

Город, оставшийся без часового боя, почувствовал некий уют. Тотчас поползли слухи. Неправильно дали Почетного гражданина господину губернатору. Потешили бесов, а теперь бесы и развлекаются.

Шершпинский поднял на ноги всех агентов. Ясно было, что кто-то нарочно испортил городские часы, чтобы и губернатору, и полицмейстеру насолить. Но кто?

Напротив ратуши стоял кособокий треугольный домишко. Его недавно построил мещанин Яшка Полторанин. Причем, стены складывал из могильных камней, которые валялись на берегу Томи неподалеку от биржи, там обнажилось древнее кладбище. Камни были хорошо обтесаны, это и прельстило безбожного мещанина Яшку Полторанина. Его предупреждали, мол, мертвые не простят. А Яшка только смеялся:

- Самый прочный материал! Дом будет, как крепость. А ночью часы с ратуши сниму и на своем доме повешу!

Роман Станиславович приказал арестовать Яшку. И что же? Яшку забрали вечером, а ночью его дом вдруг с грохотом провалился под землю! Причем дрожание земли ощутили сторожа в ратуше, и даже жители гостиницы "Европейская". Одна из чугунных Венер возле магистрата упала на землю. Скелет мамонта рухнул, разбросав свои части по земле, отдельные кости отлетели аж до Ушайского озера.

На месте дома обнаружилась громадная яма, в которой бурлила на дне вода. Откуда, что взялось. Инженеры сказали, что это природное явление такое. Но, говорят, видели, как со дна ямы вынырнул крокодил, дожевывая Яшкину козу. И невольно вспомнилось зимнее происшествие с лошадьми. Кто их задрал и сожрал? Что за история с крокодилом этим? Фантазия? Но почему фантазия скотину жрёт? Вот и будь тут полицмейстером!

Евгений Аристархович заходил. Поиски беглого шведа пока не дали результата. Правда, замечено, что известный нищий Севастьян Огурцов купил дом напротив соляного склада, неподалеку от дома Каминэров. Зачем? У Севастьяна еще два новых дома на Трясихе построено. Так зачем он древнюю развалину купил?

-Последить не мешает! - подтвердил Шершпинский, - Огурцов замечен в связях с разной шпанкой, может, он купил старый дом, чтобы краденое барахло прятать?..

Сказал и почувствовал раздражение. Ну что за успехи? Нищий дом купил! Тут надо по крупной птице стрельнуть так, чтобы вся губерния задрожала, Вот, мол, полицмейстер! Что за молодец! А получается я, что молодец - против овец, а против молодца, сам овца.

И Шершпинский стал невольно подумывать, а не Полина ли это вредит ему? Да разве он плохие ей похороны устроил?

Эх! Тут и так тошно. Комиссия эта. Все пятеро Иванами Ивановичами прозываются. И их имена в официальных бумагах, видать, тоже не настоящие.

Был он у них в присутствии. Вроде, как докладывал о делах. Сам напросился. Вежливые. По имени-отчеству. Присаживаетесь, Роман Станиславович, кофею не изволите? И спрашивают, и в бумаги пишут. Вроде допроса получается. И на откровенность никак не вызовешь. От помощи в расследовании отказываются.

Герман Густавович встречался с ихним старшим, спрашивал, каковы выводы намечаются, каков итог будет? Так этот мерзавец ответил, мол, вам потом всё из Петербурга сообщат.

И не подступишься к этим "Ивановичам". В гостинице сняли три смежных номера с окнами, из которых параднее видно. Всякого входящего в зрительную трубу разглядывают.

И что они узнали, а о чем догадываются? Думай теперь. Как-нибудь утопить бы их ненароком, нечаянно. Так нет! Это вам не Трущев. Осторожные! Хитрые. Сами, кого хочешь, утопят! И следят за ними, да не всегда услеживают, когда и куда ездили, с кем встречались. Уж так они хитро поворачиваются.

Вот дела! Бросить бы всё, выйти в оставку, да обратно в Петербург! Сын Федор сейчас в кадетском корпусе учится, жена его опекает, да дочери помогает. Взрослая дочь Любаша, скучает, поди, по отцу. Редко видятся. Эх, служба! Дела, ради которых обо всём забываешь. И вместо благодарности, какие-то бумажные пачкуны под него яму копают!

И понял Шершпинский, что это действует на него весна. Вот, и детей вспомнил, в сантименты впал! А дел-то сколько! Черемуха! Пусть себе цветет. Надо разглядеть, что за этой черемухой кроется.

А весна шла по городу, заглядывая и в роскошные дворцы, и в малые лачуги. Верочка Оленева загрустила, самая не зная - о чем. Опять вспомнился ей Миша Зацкой. Смешной такой юноша. Милый вообще-то. Немножко странный. Поэт, конечно. Любопытно было бы его встретить. Но сколько она не оглядывалась на улицах, Миши нигде не видела.

Мадам Ронне твердила ей, что у юной девушки всё впереди. Будет еще счастье, будет семья. Ах, мадам забыла свою молодость. Счастье Верочке нужно немедленно, теперь! Каждая минута без него - трагедия. И сознаться в ожидании счастья страшно даже самой себе. Не скажешь об этом даже лучшей подруге, там всё на шутках кончается.

Мадам Ронне тоже поддавалась влиянию весны. Гуляя по берегу Томи вместе с Верочкой, и малюсенькой болонкой на цепочке, мадам тайком вздыхала. С каждой весной она неумолимо приближается к рубежу, за которым женщина перестает быть интересной для мужчин.

Что же? Она так и увянет в этой чужой стране? Но сейчас уже и во Франции она не найдет своей судьбы. Её былую красоту, юность, свежесть уже не вернуть. Она может повторить это всё только в Верочке. Её удел до конца жизни опекать это прелестное существо. Да есть ли со стороны Верочки хоть маленькая взаимность? О чём она думает, мечтает? Как знать? Весна заглянула и в особняк Лилии фон Мершрейдт. И Лилия тоже вздохнула. Как тяжело ощущать свое одиночество весной! Никакие танцы в общественном собрании, никакие концерты, не принесут подлинного утешения. Годы улетают, как птицы, их не поймать, не остановить. А разве нет мужчин одиноких? Причем, вполне порядочных? Есть! Но она была слишком разборчива. Теперь-то ей это понятно.

Вот, когда были в доме Асинкрита Горина, она невольно загляделась на этого чудака. Такой он забытый, такой неухоженный! Конечно, ему нужна направляющая женская рука. А эта его звероподобная волосатость даже интригует. Если его отмыть, одеть в приличный костюм, он будет очень даже хорош! И ко всему прочему он - дворянин. Чем не партия? Надо будет найти какие-то ходы.

Асинкрит Горин в этот момент сидел на лавочке под черемухой, и весь трясся от кашля. Волосы у него отросли, но как-то клочками. С этими бурными клочками на голове и щеках выглядел он беспризорным калекой. А главное начала его бить ночами лихорадка. Пропал аппетит. Сухость во рту мучить стала.

Давыдов лечил его маятниками, граф Разумовский заставлял пить деготь с медом. Но пока что это мало помогало. Граф сказал:

- Дыши черемухой! Это от всех болезней помогает, по себе знаю.

Асинкрит дышал, но болезнь не отступала.

Ночами он метался во сне. Однажды ему приснился покойный батюшка. Он сказал:

- Так-то ты выполняешь мою волю о наследниках? Я мечтал о потомках. Если бы ты вовремя женился, у меня теперь уж был бы внук! А лет через двадцать мой внук мог взять всё мое золото из подвала, построить дворцы. И что же? Ты всё медлишь.

- Но, бабушка, у меня вылез волос.

- Идём!

- Куда?

- К Верочке Оленевой!

- Вы и про неё знаете?

- Я всё про тебя знаю! Я же тебе говорил сквозь землю, разве же ты не слышал?

Он схватил Асинкрита за руку и увлек на улицу. Город спал, и только в двух-трех местах тускло маячили фонари. Сторожа на окраинах стучали в свои колотушки.

- Куда же, бабушка? Верочка теперь спит!

- Разбудим!

Они шли всё быстрее, потом отец вдруг исчез. Горин уже собирался шагнуть, но вдруг первый проблеск зари показал ему, что стоит он на краю скалы Боец. Одна нога Асинкрита уже повисла в воздухе!

Горин проснулся в холодном поту, долго не мог прийти в себя. Голова болела, все кости ныли. Он поплелся во двор, на лавочку. Сидел под черемухой, кашляя и сморкаясь.

Из соседнего сарая в щелку смотрел на него граф Разумовский. На коленях у графа сидела Палашка, он обнимал так крепко, как только мог, и в то же время философствовал, совмещая сразу два удовольствия.

- Всякую часть тела, которую тебе дал Бог, не держи в бездействии. Это для Бога оскорбительно. Он старался, создавая тебя, продумал всё до мелочей. И это безбожие: сидеть вот так на лавке без дела, как Асинкрит. Нет, будь ты старый и даже больной, если в состоянии хотя бы немного шевелиться, шевелись!

И если бы кто-то мог бы в это время заглянуть в сарай, он бы увидел, что Палашка вполне разделяет философские взгляды великолепного старца.

42. ОТКУДА РУСЫ ПОШЛИ

Город встретил оркестром и толпой первый пароход. Опять у биржи золотопромышленники выкликали желающих по контракту работать на дальних и ближних приисках. В кабаках и трактирах играли гармонии и шарманки.

Каждый день кони Моисея Гельмана волокли колесницы с жуткой поклажей в сторону Вознесенского кладбища. И когда кого-то зарывали в яме, или помещали в склеп, в каком-нибудь доме раздавался крик новорожденного. Это новый человек начинал свое длинное или же короткое шествие к смерти.

В то же самое время на трактах трубили в рожки кучера почтовых карет. В большом доме на Почтамтской деловито постукивал телеграфный ключ, соединяя Томск с Петербургом.

На скрытых томских "каштках", на горах, вдали от строений, в лесах и колках полным ходом гнали вино. Топились там большие пароходные котлы фирмы Гулетта, доставленные из Тюмени. По змеевикам сочилась жидкость, готовая вспыхнуть, только поднеси к ней спичку. Ночами разлитое и опечатанное "акцызом" вино, везли тихие фуры к пристани. Отсюда "огненная вода" растекалась по всей Великой Сибири, превращаясь в меха, золото, банковские и кредитные билеты.

Город жил. Он хранил бумаги о дне своего рождения и о родителях своих казаках-землепроходцах в ратуше и в губернском правлении. Так что город всегда мог вспомнить свое прошлое. Будущего он знать не мог, как не знают его и люди. Он мог лишь предполагать. Мечтать.

Город прихорашивался. Высаживал деревья, мостил улицы.

Груженные камнем и глиной телеги то и дело подъезжали к яме, в которую провалился вместе со всем добром дом Яшки Полторанина. Яма глотала камни, но уменьшалась медленно. Горожане заглядывали в неё, надеясь увидеть зверя коркодила. Но он им не показывался.

Огорченный городской голова Тецков ходил тут же, прикидывал, как быстрее и лучше и яму засыпать, и скелет мамонта восстановить, и упавшую чугунную Венеру поднять. Кричал на возчиков, на грузчиков.

Упрямые томичи всё же засыпали яму, и высадили по берегу Ушайского озера вербу, ивняки, чтобы укрепить берег.

В эти дни гуляний, пикников, не все томичи отдыхали. На заимке Зонтага-Брука день начинался рано. Матвея будила Алена Береговая. Он сразу шел к рукомойнику, лил воду на лысину, умывался. Затем Алена приносила ему на подносе в чашке дымящийся кофий. Матвей медленно выпивал его, закуривал сигару. Он готов был к новому дню.

Зонтаг-Брук спускался в подвальный этаж, отдавал распоряжения. Шел в конюшню, смотрел: все ли кони ухожены и здоровы. Конюх стоял при этом не дыша. Не дай бог, что-то хозяину не понравится.

Улаф просыпался часа на три позже. И Зонтаг-Брук приветствовал его, приглашал к завтраку. И почти всегда был к чаю торт, и обязательно - фигурный, собственноручно изготовленный Матвеем.

- Могу сказать, дорогой друг, что поземный ход уже приближается к заветной цели. Но мои люди заметили, что шпики негодяя Шершпинского что-то стали подозревать. Они нашего героя Севастополя пасут, я имею ввиду слежку. Вот почему я приказал сделать там запасной подземный ход.

Вечерком приедет Философ Александрович Горохов. Сделаем вылазку. Посмотрим. Согласны?

- Конечно! Но, признаюсь, ваше сообщение о шпионах Шершпинского меня обеспокоило.

- Не волнуйтесь, дорогой друг, мы сумеем обвести вокруг пальца этих ищек!

- О! Обмотать вокруг пальца! Сколько всё же богат ваш русский язык! воскликнул Улаф Страленберг, - Я давно его изучаю, но в нем столько образов! Всё не изучить никогда. Для этого надо было бы родиться в России.

- Даже и рожденному в России никогда в жизни не постичь глубин этого языка! - сказал Зонтаг-Брук. - У великого народа и язык бывает великий.

Вы знаете, что народы так же рождаются и развиваются, как люди. Иной ребенок умирает в детстве или отрочестве, а иной вырастает. И судьба каждого человека, и каждого народа - разная.

Выпуклые глаза Зонтага-Брука оживились, он соскочил со своего стула, заложил руки за спину, и стал вразвалочку, мелкими шажками, ходить по столовой:

- Вы, конечно, читали Гомера. А знаете, кто он такой? Имя его по-гречески пишется -Хомерус. Вдумайтесь. Хомо - человек. Рус - русский!

О! Я был во всех крупных европейских городах. Во многих музеях и библиотеках изучал старинные манускрипты, папирусы и клинопись. Расшифровывал нерасшифрованное, проверял гипотезы.

Я расскажу о своих выводах. Вам первому поверяю я результаты своих исследований.

Это было в стране Арктиде, где на горе Меру под звездою Ур стоял Храм знаний человека. В столичном городе Арка жили мудрецы, владевшие знаниями, о которых теперь человечество может только мечтать. У них была священная русская книга Вед.

Расцвету знаний способствовал великолепный климат Арктиды. Там было тепло, но не жарко, теплые течения омывали материк. Обширные леса, где были кедры, и пальмы. В бескрайних полях работали умные машины, убирая хлеба, овощи, виноград. Причем, машинами этими никто не управлял.

Жители Арктиды умели такое, что теперь покажется сказкой. У них не было гимназий, но каждому ребенку вкладывалась в ухо горошина из особенного сплава. Эта горошина несла больше познаний, чем все вместе взятые книги всех европейских столиц. Причем, ребенку не нужно было зубрить, читать. Его мозг постепенно и навсегда усваивал знания, заключенные в чудо горошине.

Но что-то случилось. Споткнулась земля. Столкновение с космическим телом? Предания сохранили, то, что видели люди Арктиды в те дни и ночи. Три луны висело на небе и очень близко от земли. Ураганы разрушили Храм знаний человека. Вода заливала страну. Жрецы успели унести из Храма священные диски и камни, на которых возникают живые картины.

Холода и потопа. Люди Арктиды снаряжали корабли, которые могли идти и по воде и по суше. Они успели доплыть до гор Тибета, когда огромная волна нагнала их, разрушила корабли. Погибло всё имущество, огромное богатство. Арктидские мудрецы всё же сумели спасти и волшебные пластины, и камни.

Спасшиеся в тот день от наводнения люди прозывались русы. Какое-то время они жили в горах Тибета и Алтая, и на священной реке Сарасвати, впадавшей с востока в Каспийское море. Потом часть русов ушла на запад, часть на северо-запад, часть на юг.

Ушедшие на юго-запад добрались до Адриатического и Средиземного морей. Расселились на островах Италии и Греции. Вождь русов, Одоакр, покорила Рим.

Троянский герой Эней, тоже был древним русом, как и Александр Македонский.

Древними русами в одном из поколений был рожден сказитель Хомерус. Он поведал миру о золотом руно. Это повесть о поисках новых земель, новых богатств. Золотое руно - это и зерно на поле, это и руда в горах, это солнце, это жизнь! А древние русы и искали и находили жизнь.

На северо-западе древние русы занимали территории нынешней Скандинавии и Русы-Венеды жили в районе Балтийского моря. Так, что, возможно, вы, господин Улаф Страленберг, находитесь с русскими в близком кровном родстве, голос крови привел вас в Сибирь.

Проходили века, и Венеды мигрировали на юг, запад, восток. Вы услышите древнее название этого народа в таких именах, как Вена, Венеция, Равенна.

Многое меняется на свете, смешивается кровь, но голубизна глаз и лен волос выдают причастность человека к древним русам. Они были в большинстве своем беловолосыми и русыми.

И еще я нашел в древних документах указания на то, что один из древних арктидов, жрец Храма знаний человека, стал родоначальником династии скифских королей.

Именно у него хранились волшебные пластины и камни. Он видел, что понять истину арктидов окружающие его люди не готовы. Эти люди находились на более низкой стадии развития.

Тогда он нашел на кожаный каркас волшебные пластины и камни. Это и стало короной королей скифов на долгие века. Корону было завещано беречь больше жизни. Эта магнетическая корона соединена с Высшим разумом и даст её владельцу необыкновенное могущество, какое сегодня человечеству даже трудно представить.

В суровых степях поколения скифов забыли мудрость предков, были простыми скотоводами и воинами. Но корона хранила позабытый опыт.

Зонтаг-Брук закурил новую сигару, выпустил дым из ноздрей, и закончил свой рассказ так:

- Дорогой друг, когда я узнал от вас о завещании вашего предка, я понял, что это та самая корона! По крайней мере, я очень надеюсь на это. Мы с вами, возможно, вернем людям земли, утерянные ими познания!

Вы хоть понимаете, на пороге каких событий мы стоим? Как расцветут все науки и искусства, когда мы овладеем этим сокровищем! Какие возможности откроются перед человечеством!

Зонтаг-Брук подбежал к Улафу Страленбергу, воскликнув:

- Позвольте мне вас обнять, дорогой друг!

Матвей вытащил из кармана жилета носовой платок и отер глаза.

Пораженный Улаф, сказал:

- Это похоже на прекрасную сказку, я уже не раз убеждался в могуществе науки, в непредсказуемости, которая сопровождает исследования. Ах, как я рад сотрудничать с вами! Только одно меня тревожит: не завладеет ли сокровищем до нас Шершпинский?

Зонтаг-Брук вытянул вперед руку:

- Клянусь, что сделаю всё возможное, чтобы корона попала в руки к тому, кто её достоин!

43. ВЕСЕЛАЯ ИГРА

Ночью от дома Зонтага-Брука отъехали две кареты. Они были подрессорены и имели мягкий ход. Колеса были обиты войлоком. Лошадей обули в специальные валяные сапожки. Экипажи катили по улицам сонного города совершенно бесшумно.

На Воскресенской горе кареты медленно пробирались закоулками. Остановились они на пустыре за церковью. Зонтаг-Брук шепнул Улафу:

- Здесь у нас выходит запасной подземный ход, сейчас мы в него спустимся, и пройдем к дому героя Севастополя Севастьяна Огурцова.

Через минуту из карет вышли три женщины, у одной на руке была надета корзина с крышкой. Во тьме, в зарослях боярки и шиповника, земля словно расступилась перед этими тремя.

Минут через десять эти три женщины очутились в подвальном помещении старинного дома. Там их уже ждал Севастьян Огурцов. Подвал был хорошо освещен фонарями, там были картины на стенах, добротные диваны и лакированные столы. На одном из столов были вина, закуски, фрукты, и торт - в виде короны.

Женщина, принеся корзину, осторожно поставила её на пол, откинула крышку. Из корзины вылез улыбавшийся Зонтаг-Брук.

- Если бы кто-то и уследил нас в кустах, то всё равно ничего не понял бы! - весело сказал он. Пусть ищут трех женщин! Спасибо тебе, Алена, ты несла меня аккуратно, не уронила.

Философ Александрович, дорогой друг Улаф, снимайте парики и платья, теперь таиться нечего! Здесь мы в безопасности. Ход плотно закрыт камнем. В этом доме вверху плотно закрыты ставни и двери. Свет из подвала наверх не попадает. К банкету всё готово. Осталось нам пройти к подземному к колодцу, вынуть несколько камней из кладки. Мы скоро узнаем: существует ли знаменитая корона, или же нет!

Сейчас отправимся, я только выкурю сигару на счастье. В подземном ходе курить, увы, нельзя. Севастьян! Раздай кирки, ломы и заступы.

Подземный ход был отрыт основательно, в рост человека, лишь длинной Алене приходилось чуть пригнуться. Впереди семенил Зонтаг-Брук, освещая ход фонарем. Он оборачивался, скалил свои коричневатые зубы:

- Каково? Инженерная мысль работает и в Сибири! Прочные стойки, стены обшиты строгаными плахами, тут можно даже жить при желании! Я плохих работников не держу, сразу увольняю!

Вскоре они достигли цели. Зонтаг-Брук осветил фонарем часть выпуклой каменной стены колодца:

- Эта стенка старинного колодца, внизу, почти у его основания. Сейчас мы вывернем пару каменных блоков, и увидим его дно.

- Послушай, что я тебе скажу, братец ты мой! - обратился к Зонтагу-Бруку Философ Александрович. - А не получится ли так: мы вывернем эти камни, а в подземный ход хлынет вода?

- Не получится, многоуважаемый Философ Александрович! Вы, конечно, известный золотопромышленник, многое повидали, но ведь и мы не зря грызли науку. Я рассчитал глубину залегания водоносного слоя в этом месте. Мои люди замерили колодцы в соседних дворах. Другие мои люди подняли кое-какие старые документы в управе. Мы выломаем камни как раз над уровнем воды.

- Дай-то бог! А то у меня нет никакого желания намочнуть, у меня и так ревматизм!

Они начали долбить швы между камнями. Сцепка был очень прочной. Сломалась кирка в руках у Горохова. Севастьян Огурцов расшиб себе ломом ногу. Тогда Алена сказала:

- Все отойдите! - она так саданула ломом, что из камня посыпались искры, и он чуть повернулся:

- Пошел, падла! - по-жигански вскрикнула Алена, - подвернула камень ломом, и огромная каменная глыба свалилась к её ногам. Алена поплевала на ладони, схватила лом и вывернула второй камень.

- Теперь следует раскопать дно, - сказал Зонтаг-Брук.

- Отойдите! - повторила Алена, подоткнула подол и, с заступом в руках, полезла на дно колодца. Она ковыряла ил лопатой, вбрасывая его в подземный ход, ибо больше бросать его было некуда. Причем очередную порцию ила швырнула прямо на лысину Философу Александровичу.

- Эй, баба! Не дури, а то я тебя проучу! - разозлился Философ Александрович.

Зонтаг-Брук заговорил успокоительно:

- Она же не нарочно, Философ Александрович, она вообще-то добросовестная работница.

В это время Алена вскрикнула:

- Есть что-то! Сейчас достану!

Она наклонилась, крякнула и вытянула из вязкого ила небольшой, окованный медью сундучок. Натё!

Она подала сундук Зонтагу-Бруку, но тот предложил Улафу Страленбергу вскрыть крышку сундука. Улаф поддел её киркой, она со скрипом отворилась. Внутри был замшелый кожаный мешочек. Улаф трясущимися руками попробовал развязать шнурок, но не получилось. Философ Александрович вытащил из потайного кармана кинжал, и разрезал кожу. Зонтаг-Брук посветил фонарем. В свете фонаря проглянули запыленные пластины золота, и красные прямоугольники драгоценных камней.

- Есть! Корона есть! Поздравляю! - воскликнул Зонтаг-Брук. - идемте скорее на праздничный ужин!

Они вернулись подвал в великой радости. Зонтаг-Брук водрузил корону в центр праздничного стола, разлил вино по бокалам.

- За победу! За магнетическую корону скифских королей! - провозгласил свой тост Матвей Зонтаг-Брук. - Кушайте мой коронный торт!

- А корона, действительно, магнетическая? - спросил Философ Александрович.

- И не сомневайтесь. Пейте! Смотрите, как переливаются рубиновые огни! Вы видите, в камнях возникают картины! Видите?

Все уставились на корону. Камни были тускловаты, они вовсе не переливались, как сказал ученый коротыш. Но всё же каждый увидел в глубине камня что-то свое.

Карты золотых залежей разглядел в них Горохов. Улаф Страленберг увидел в глубине одного из камней своего предка в железных латах.

Алена увидела в камне своего сына Петюшку, который стал важным господином в дорогой одежде.

- Вы уверены? - спросил Улаф Страленберг. Он сморгнул, и лицо предка исчезло. Теперь он уже и не верил, что видел его.

Зонтаг-Брук отхлебнул из своего бокала и сказал:

- В любых камнях возникают символы тайн воды, огня и воздуха, и всего безбрежного мира. Но это лишь символы, к которым предстоит найти ключ. И не каждый эти символы может разглядеть. Это - сложная наука. Золотые пластины тоже насыщены зашифрованными сведениями. Господин Горохов должен знать, что золото может лечить и убивать. Не к каждому этот металл бывает ласков.

- Насчет золота - сущая правда!- подтвердил Горохов. - Старатели знают, что один человек может всю жизнь прожить на золотой жиле, но она никогда ему не откроется. Зато другой сразу её разглядит сквозь землю...

В этот момент над головами пирующих раздался оглушительный грохот.

- Что это? - воскликнули разом Горохов и Улаф.

- Что? Это вышибают окна и двери дома. Выследили всё-таки, сволочи!- вскричал Зонтаг-Брук, надевая корону на голову. - Ну, нет! У нас есть запасной ход. Пока они выломают подвальную дверь, мы успеем убежать. Алена! Сажай меня в корзину!

Алена быстро запихнула коронованного Зонтага-Брука в корзину и полезла в ход. Все кинулись за ней. Но догнать её было трудно.

Она выбралась из хода вместе с Севастьяном Огурцовым. Задвинула камень, и подперла его колом, чтобы изнутри камень повернуть было нельзя.

Первым понял всё Горохов. Он ругался самыми отборными ругательствами:

- Охмурил! Одурил! Порошка в вино подсыпал. Огарок! Обабок! Я же говорил, что Алена не зря с ним ошивается. И купец твой мнимый, Лошкарев, где-нибудь у него же на заимке живет. Шайка!

В это время и Улафа, и Философа Александровича схватили за руки люди в гороховых костюмах.

Алена с Севастьяном кинулись к карете. Севастьян вскочил на козлы. Алена влезла в карету, и открыла корзину. Зонтаг-Брук вылез из корзины, высунул голову в дверцу, и крикнул Севастьяну:

- Не жалея кнута! Гони!

-Куда? На заимку?

-К верхнему перевозу. Хлещи!

- А Петюшка с Ваняткой как же? - спросила Алена. - неужто мне деток бросать?

- Потом вызволим! С этой короной, всех купим! На перевозе нас лодка ждёт! А на заимку сейчас ехать нельзя, Улаф с Философом её уже раскрыли.

- Так надо было их кончить, лахман сделать.

- Ученого жалко, забавный такой. Философ мне тоже по душе. Широко жил! Не скряжничал. Это по-нашему!

Зонтаг-Брук, отдернул занавесочку, и глянул в заднее окошко:

- Крючки позади! Нашарили! Вот гады! Севастьян, хлещи сильнее! Не жалея вороных!

Карета уже начала спускаться к перевозу, когда Зонтаг-Брук вновь крикнул в дверцу:

- Разворачивай к Потаповым лужкам! Крути, говорю! Обложили! На перевозе - крючки!

Севастьян натянул правую вожжу, карета круто повернула. Заскакала по кочкам.

Зонтаг-Брук увидел в свете зари на холме темные фигуры:

- Останови карету! Алена дай мне зонт, и лупи агентов! После я тебя освобожу! До скорого!

Зонтаг-Брук подбежал к краю скалы Боец с огромным английским зонтом. Он думал при этом, что вот, загнали, как мамонта. С этого самого места мамонт срывался,

чтобы упасть на острые камни. Вниз было глядеть жутковато. Солнце вставало над бором и освещало леса, реку, зеленые заливные луга за ней.

За спиной Зонтага-Брука Алена Береговая яростно раскидывала агентов. Кому сломала нос, кому скулу, а кому и ключицу. Но агентов набежало много, силы были неравными.

Зонтаг-Брук глянул вниз, туда, где бешеные потоки воды разбивались об острые скалы. Нет, зонт тут не поможет. Он хлопнул себя ладонью по полному животу и скривил губы:

- Нагулял тело, наел пузо! Коронованный идиот! Тупица! Не продумал пути к оступлению. Да ведь в то, что корона существует, по настоящему и не верилось. Просто игра увлекала! Да и корона-то, может, и не скифская, и не золотая.

Но... сдать на милость крючков? Да ни за что на свете! Он всегда их дурачил с великой легостью. Он всегда был болен, но был сильнее их, здоровых. Сдаться? Нет!

Карлик снял корону, оглянулся, увидел бегущего к нему Шершпинского, озорно свистнул, и швырнул корону в реку.

- Мы оба воры, но я вор честный, а вы - нет! Ауфвидерзеен!-крикнул Зонтаг-Брук и бросился с обрыва.

Шершпинский застыл, как соляной столб, к краю обрыва и подойти-то было страшно.

44. "И В ВОЗДУХ ЧЕПЧИКИ БРОСАЛИ..."

Философ Горохов совсем недолго пробыл в тюремном замке. Уже через полмесяца его провели в кабинет к Евгению Аристарховичу. Горохов думал, что придется оправдываться, доказывать свою невиновность. А Евгений Аристархович открыл ему навстречу свои объятия:

- Уважаемый мой наставник! Прошу прощения за доставленное вам беспокойство, но вы сами виноваты, в плохую компанию затесались.

- Компания, как компания! - взъершился Горохов, - чего тебе от меня надо? Может, пытать будешь?

- Помилуйте! Философ Александрович! Как можно! Я же помню, как вы, будучи прокурором, меня, вчерашнего посредственного гимназиста, пристроили в присутственное место, дали должность. С этого момента началось мое восхождение по служебной лестнице.

Теперь я хочу сообщить вам приятную для вас новость. Господина Шершпинского арестовали, увезли в столицу для разбирательства.

Евгений Аристархович понизил голос:

- Скажу больше, сам Герман Густавович стоит на пороге отставки. Он ездил в Омск, говорят, что стоял там на коленях перед генерал-губернатором. Но отставки ему не избежать. Просто в Петербурге пока еще не подобрали ему замену.

- Его судить мерзавца надо! Вот уж кто преступник, так преступник!

- Не нашего это ума дело, дорогой Философ Александрович, царем он был назначен, царю и решать. Таких не судят, вы же знаете. Скажут: утомился, надо дать отдохнуть, да и переведут в другое хлебное место.

- Ладно, Женька! Я понял, что ты меня отпускаешь.

- Конечно! И прошу извинить за все доставленные вам неудобства. Но кто же вас просил дружить с таким человеком, как Рак?

- Рак? Кто это такой?

- А карлик.

- Его звали Зонтаг-Брук.

- Как выяснилось, у него много имен и фамилий. Среди шпаны он известен, как Рак.

- Ага! Но уж очень он такой, авантажный и вальяжный, маседуан и маскарон.* Всё науки превзошел. Поймали его? Нет? На заимке есть портрет, можно срисовать и отдать агентам.

- В этом нет нужды, Философ Александрович. - Сего Рака надо искать теперь на дне Томи. Боюсь, что его уже съела рыбка. За ним множество художеств. Вот, скажем, недавно нашли в склепе бедного юношу Мишу Зацкого. Заманил его Рак. А матушка Мишина и без того была больна, а как узнала о судьбе сына, так сразу скончалась. А вот, пойдём, в кладовку, что я вам покажу.

Евгений Аристархович взял Горохова под руку. Они спустились в подвал. Евгений Аристархович подошел к бочке, рывком скинул с неё крышку. Горохов глянул, отступил:

- Что это? Человек в воде?

- Человек в рассоле. Это привез неизвестный мужик в подарок Шершпинскому. Сказал, что бочка с кочанной капустой в подарок из деревни. А там засоленное тело беглого каторжника Петьки Гвоздя, или же иначе Петра Гвоздарева. И этот подарочек устроил Рак. Гвоздь ему стал не нужен. Вот с какими фруктами вы возжались!

- Да, я чувствовал что-то неладное, да, видно, с годами нюх потерял. Это же мнимый купец Лошкарев! Ах, мазурики! Ну, собаке и смерть собачья... А Улафа ты освобождаешь?

- Зачем же? Иностраный шпион, участвовал в банде. Зачем же я буду останавливать такое хорошенькое дельце?

- Ты, Женька, брось! Я сего шведа знаю. Он настоящий ученый и никакой не шпион. Он и так уже настрадался. Давай-ка, выпусти его. Иначе и я из кутузки никуда не пойду. Да ты награду на каком-нибудь ином деле заработаешь. А вот буду я новый прииск открывать, тебя в долю возьму, богатым станешь.

- Ну, мне за золотом гнаться не приходится. Я к своей работе прикипел. Ладно, казнить, так казнить, миловать, так миловать! Так и быть, выпущу твоего шведа. Только ты, Философ Александрович, сам проследи, чтобы он побыстрее уехал из Томска. И лучше всего, чтобы он вообще убрался из России в свою Швецию.

- Ладно! Но я хочу выйти отсюда вместе с ним.

- Что ж. Сейчас его приведут.

И вскоре привели Улафа. Одежда на нем была изорвана в клочья, тело всё в синяках и ссадинах. Он заметно поседел.

- Ну, как тебе, швед, наша российская наука? - спросил Философ Александрович. Улаф промолчал, Видно, было не до разговоров.

- Идем, швед! Нас отпускают! - сказал Философ Александрович.

- Подождите! - остановил Евгений Аристархович, - я не могу выпустить господина Страленберга в таком виде. Гаврила Гаврилович! Принесите господину Страленбергу новый костюм.

Охранник Гаврила Гаврилович через минуту вернулся в кабинет с отличным новым гороховым костюмом.

- Нет ли костюма другой расцветки? - невольно спросил несчастный Улаф. На что Гаврила Гаврилович привычно ответил:

- Бери, барин, что дают, у нас не французский магазин.

Вскоре Улаф и Горохов шли уже по Почтамтской. Навстречу им двигалась пышная процессия. В коляске, которая вся была засыпана цветами, ехал угрюмого вида человек. За коляской следовал пожарный оркестр, солнце резвилось на медных касках и трубах. Звучала музыка. Музыканты исполняли попеременно, то старый российским гимн "Коль славен Господь во Сионе", то новый "Боже, царя храни". Обычно оба этих гимна исполнялись в особо торжественных случаях.

Женщины из открытых окон бросали на дорогу цветы, подбрасывали в воздух свои чепцы. Крик "ура" катился от окна к окну.

- Чего орёте? - ухватил Горохов за ворот восторженного гимназистика.

- Ивана Алексеевича Комиссарова везут. Из ссылки едет. Каторжник бывший. В Петербурге его сын, Осип Иванович, государя императора спас. Караказов стрелял, а Осип-то руку преступную с пистолетом в сторону отвернул. Вот отец Осипа теперь едет в столицу с почетом.

- Видишь, что творится, шведец? - сказал Философ Александрович. - Героя везут! Россия - страна героев! То герой Севастополя, то герой - не поймешь чего. Каторжник. А его цветами осыпают. Тут и цари, и каторжники, всё вперемешку! И сам чёрт эту Россию не разберет, а ты решил разобраться. Зря!

А вдоль Почтамтской стояли и стар, и млад, вытягивали шеи, только бы взглянуть на Комиссарова одним глазком. Ах, ах! Сам государь приказал привезти в Петербург с почетом! Воспитал же такого сына, сумел же! Что? Каков с вида? Ура! Ура!

И Сесилия Ронне, и Верочка Оленева, и Амалия фон Гильзен тоже были в толпе, тоже кричали ура, забыв обо всём на свете. И граф Разумовский стоял впереди всех, у самой обочины дороги, расправляя пышные усы. И когда Комиссаров поравнялся с ним, громко сказал:

- Не выйди твой сын вовремя на прогулку, сгнил бы ты в Сибири! Да и то видно, что рожа твоя бандитская.

Давыдов говорил Сесилии Ронне, Верочке и баронессе фон Гильзен:

- Если вы полагаете, что вы сами сейчас кричите свои виваты, то вы заблуждаетесь, это в вас кричит толпа! Стихия кричит. Она вас захватила целиком полностью.

В такие минуты человек над собой не властен. Он уже не отдельная частичка мироздания, он часть огромного животного, по имени - толпа. Куда качнется это животное, туда и он качнется.

Ваши напряженные мозговые клетки сливаются в единое целое и посылают мощные волны-флюиды, которые летят по земле. И где-то в дальнем море рождается ураган, и где-то в Японии грохочет землетрясение, а в Италии просыпается вулкан. Милые женщины, остыньте, перестаньте кричать, в конце концов, это всего лишь бывший тюремщик...

Весь город собрался возле губернского правления, чтобы посмотреть, как высокое начальство выйдет встречать с хлебом солью этого бывшего каторжника.

Впрочем, не весь город. Не было в толпе Асинкрита Горина. В последние дни он страдал кровохарканьем. Давыдов не смог вылечить его. Асинкрит вызвал знаменитого доктора Бота. Тот долго простукивал грудь и спину Асинкрита согнутыми пальцами. Прикладывал к груди и спине и слушательную трубку.

В конце концов, велел пить тертый чеснок с медом. И предупредил, что жить Асинкриту осталось месяц, самое большое - два.

- Я своим пациентам никогда не лгу, - сказал доктор на прощанье.

- Доктор, а не могу ли я прожить месяца три-четыре? Я ведь еще не женат, доктор!

- О женитьбе надо было думать значительно раньше.

Теперь Асинкрит остался один в опустевшем доме, Смотреть на этого Комиссарова у Асинкрита не было ни сил, не желания. Асинкрит плакал, пинал стулья и табуретки.

Совершенно обессиленный, он взял банку с медом, спустился по лесенке и открыл заветный подвал. К чему золото, если наследников всё равно не будет? Кому завещать его? Не хотелось никому отписывать свое добро. С какой стати?

Асинкрит вскрыл сундук, достал один из мешочков с золотым песком. Насыпал в тарелку несколько пригоршней золотого песка, залил медом, и стал хлебать ложкой. Золотая похлебка с трудом шла в горло.

- Жри, гад! - сказал сам себе Асинкрит. - Осталось два месяца. Жри! Чтоб за это время всё золото съел. А то, смотри у меня!

45. ДВА ПИСЬМА В ШВЕЦИЮ

В 1867 году в Стокгольм и в Гетеборг пришли письма из Сибири, из неведомого и далекого города Томска. В Стокгольме пакет был доставлен родителям Улафа Страленберга. Бедные старики уже и не чаяли получить весточку от сына.

Матушка Улафа прижала к письмо к груди, и закричала:

- Он жив, жив!

Отец, набив трубку, сказал:

- Я же знал, что ничего с ним не случится, молодой, здравомыслящий человек, не пьяница. Читай, что он там сообщает.

Улаф просил прощения за долгое молчание. Дела сложились так, что он не мог доверять почте, за ним следили местные власти. Переслать письмо с оказией тоже как-то не удавалось.

"Матушка! Вы были неправы, когда говорили мне, что в Сибири я увижу людей на одной большой ноге и с двумя ртами. Да, здесь был один необычный человек, с короткими руками и ногами, и огромной головой. Он приблизил меня ко многим тайнам, но и к великому страху тоже. Встреча с ним всё же была очень полезной. Она дала новый импульс моим научным исследованиям.

Этого необычного человека больше нет. Остальные люди выглядят абсолютно также, как и все люди на нашей любимой родине. Хотя, конечно, есть у них и национальные особенности. В большой стране всё большое, в ней и достоинства велики, и недостатки тоже.

Матушка и батюшка! Я должен сообщить вам, что в жизни моей случились важные изменения. Я стал православным. Это позволило мне легче войти в здешнее общество.

Еще в 1721 году митрополит Тобольский Антоний Стаховский разрешил шведам и прочим людям нашей веры переходить в православие через миропомазание. Вот и мне священник мирром сделал крестик на лбу.

Итак, я стал православным. Теперь меня в бумагах пишут Ульяном Стралберовым. Это привычнее для русского уха. Я хорошо изучил русский язык и, как говорится, обрусел. Это судьба многих иностранцев, которые живут в Сибири. Иначе здесь было бы трудно жить. Но ко мне судьба очень благосклонна.

Матушка и батюшка! Может, вы станете меня ругать, но я здесь женился на русской девушке. Но если вы её увидите и узнаете, то вы меня поймете. Она очень красива, кроме того, она столбовая дворянка. Так, что в нашем браке объединились два старинных дворянских рода. Девушка эта рано осталась без родителей, и она будет рада вас считать своими родителями. Она образованна, умна, и добра. Чего же можно еще желать?

И кроме всего прочего, я получил здесь важную должность. Теперь я являюсь чиновником губернского правления, контролером золотых приисков. Это даёт мне возможность существовать безбедно. И еще я могу ездить по казенным делам в отдаленные таежные места и попутно вести там свои научные наблюдения. Думается, что со временем я смогу создать большой научный труд по истории, флоре и фауне Сибири. Европейцы так мало еще знают об этом удивительном, девственном и могучем крае.

Я посылаю вам 11 литографий с видами Томска. Выпущены они в Варшаве художником Юлиусом Вольдемаром Флеком. Он жил в этом городе, любил его. И вот, выпустил эти литографии. В Томске они пользуются громадным успехом, и быстро раскупаются.

Вы видите под пейзажами разъяснительные подписи на русском и польском языке. Поскольку вы этих языков не знаете, то я перевел эти подписи для вас.

Обратите внимание на литографию, где изображена лестница, поднимающаяся на крутую гору, поросшую вербой и шиповником.

Вы видите прилепившиеся к горе кузницы, этот место так и называется Кузнечный взвоз, или же Кузнечный развал, ибо на этом крутом подъеме обыкновенно разваливаются возы.

На горе возносится к небу изумительный храм, узкий и высокий, как стрела. Как сияют его кресты и маковки! Это Воскресенская церковь, находящаяся неподалеку от старинного шведского кладбища.

Именно в этой церкви я обвенчался с моей горячо любимой Верой Николаевной Оленевой. Она подобна богине, и во время венчания в церкви все только и любовались ею. Я думаю, что вы её полюбите так, словно это ваша родная дочь. Мы обязательно приедем в гости, как только начальство даст мне отпуск или же смогу поехать с целью служебной в Европу.

Я мечтаю еще пройти по пути предка нашего, который путешествовал с Даниилом Готлибом Мессершмидтом.

Со следующей оказией, дорогие мои, я пришлю вам свои подарки. Это будут меха и сибирские кедровые орехи.

Желаю вам крепкого здоровья и счастья.

Ваш любящий сын, Улаф фон Страленберг".

Тетушке Амалии в Гетеборге был доставлен другой пакет. В нем были литографии и еще бронзовая пластина, та самая, которую тетушка вручила когда-то Улафу. Он рассказывал в письме о своей жизни в Сибири, о женитьбе, о многом другом. Были там и такие строки:

"Милая тетушка! Спасибо вам за амулет нашего предка. Он сослужил свою службу. Я был близок к сокровищу, оставленному Иоганном Филиппом фон Страленбергом. Я даже держал его в руках. Но оно ускользнуло. Не смог его удержать. Оно сверкнуло и исчезло, как мираж, как видение. Очевидно, человечество еще не готово к обладанию этим сокровищем.

Это не просто золото и драгоценные камни. Это золото великих познаний тайн природы.

И к этому золоту не так просто приобщиться. Современные люди слишком нравственно слабы, несовершенны, чтобы владеть этой тайной. В материи таится колоссальная энергия, по сравнению с которой, изобретенный китайцами порох - сущий пустяк!

Но я ни о чём не жалею. Я здесь нашел иное золото. Мою милую и нежную красавицу- жену. Многих друзей.

Духовное богатство, богатство души способно противостоять времени. Оно тоже таит в себе огромную силу. Я пишу вам это письмо в старой ризнице монастыря, устроенной в колокольне монастырской церкви. Как вы догадались, наверно, я принял православие. Ризницу я избрал для уединенных научных трудов. Надо мной сейчас гудит трехсотпудовый могучий колокол. Это помогает мне думать. И я с грустью вспоминаю свой Стокгольмский чердак, где я так страстно штудировал Шопенгауэра, Бёме, Сведенборга. Философия? Чтобы понять жизнь, нужно страдать. Тот, кто всегда жил счастливо, ничего в жизни не поймет.

Тетушка! По приезде в Швецию я обязательно навещу вас и отдарю за всё, что вы для меня сделали. Вы подарили мне совершенно удивительную и замечательную судьбу.

А фигурку оленя передайте в Стокгольме в Королевское археологическое общество, либо в музей древностей Упсальского университета. По вашему усмотрению. Пусть сей амулет послужит науке.

Ваш счастливый племянник Улаф".

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. СУРОВЫЙ ПОРТРЕТ
2. СТРАННЫЙ ОБЕД
3. БРОНЗОВЫЙ ОЛЕНЬ
4. МОНТЕВИСТКА
5. КОЛЬЦО НИБЕЛУНГОВ
6. ЛОВИТЕ, ПОКА САМИХ НЕ ПОЙМАЛИ
6. К ВАМ ЕДЕТ...
7. В СТРАНУ ЗОЛОТЫХ МИРАЖЕЙ

8. ГДЕ МАКАР ТЕЛЯТ НЕ ПАС
9. НА СЕМИ ХОЛМАХ
10. ЦВЕТЫ И ФЛЕЙТА
12. СТАРИННЫЙ ДОМ
13. ГРЕХИ НЕ ОТМОЛИТЕ!
14. ВЗГЛЯД НИОТКУДА
15. ОСТРОВ СИБИРСКОГО ДИОГЕНА
16. ВРЕМЯ СОБИРАТЬ
17. ГОРОД СТАРЫХ РАН
18. ВЕСЕЛЫЕ ОСЕНИНЫ
19. КАМЕННЫЙ ДОМ
20. ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ
21. РАК ШЕВЕЛИТ УСАМИ
22. КАТАНИЕ В КАРЕТЕ
23. ИОСИФ ИГРАЕТ НА НИТКЕ
24. СИБИРСКИЕ ПАЛЬМЫ
25. ОТРАДНЫЙ ПРИЮТ
26. ПОЖАР! ПОЖАР!
27. НОЧНЫЕ ЛЮДИ
28. МУЗЫКА БАХА
29. ИГРАЙТЕ В КАРТЫ!
30. ЖИЗНЬ АГЕНТОВ
31. МОРСКОЙ БОЙ
32. КАК ЖИТЬ В МОСКВЕ
33. ДОМ УЧЕНЫХ
34. КАК ПЛАТЯТ ДОЛГ
35. ПЛАВАЮЩИЕ ОСТРОВА
36. ЗЕЛЕННЫЕ ЛОШАДИ
37. СКЕЛЕТ МАМОНТА
38. ВОЛНЫ ЧЕЛОВЕКА
39. ЧТО ЗА КОМИССИЯ, СОЗДАТЕЛЬ!
40. ИВАНЫ ИВАНОВИЧИ
40. ЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА
41. ОТКУДА ПОШЛИ РУСЫ
42. ВЕСЕЛАЯ ИГРА
43. "И В ВОЗДУХ ЧЕПЧИКИ БРОСАЛИ..."
44. ДВА ПИСЬМА В ШВЕЦИЮ

.....ПРИМЕЧАНИЯ

- * Так называли тогда главное венерическое заболевание
- * Стайка - так в Сибири называется сарай.
- * ЕИВ. А. I. Ё его императорское величество, Александр Первый. Инициалы связаны с легендой о том, что, обретавшийся в Томске, старец Федор Кузьмич был никем иным, как императором Александром Первым. Якобы не умер он в Таганроге, как было официально объявлено, а тайком удалился в Сибирь.
- * Думкопф - дурная голова (немецк.)
- * Пшеничка - золотые россыпи с зернами величиной с пшеничное.
- * Жолнеж - воин, солдат.(Польск.)
- * Польша не погибла
- * Тадеуш Костюшко (1746-1817), руководитель польского восстания 1794 г. Был ранен. Взят в плен. Умер в Швейцарии. Прах перенесен в Краков.
- * Доннер ветер - черт возьми! (Нем).
- * Ремки - рванье, обноски.
- * С.И. Попов умер в 1853 году и был похоронен по его завещанию в поселке Басандайка, в усадьбе, именуемой "отрадным уголком" под церковью. Теперь усадьбы нет, и на её месте стоит аляповатый торговый центр.
- * Пан, в греческой мифологии бог стад, изображался в виде человека с козлиными рогами и копытами, и бородой.
- * Фелиация наследственное дело.
- * Строки из стихотворения М.Ю.Лермонтова.
- * Цитата из стихотворения А.С. Пушкина.
- * Савла превратили в Павла. Разумовский имеет ввиду легенду об иудее Савле, который, услышав с неба голос Иисуса, обратился в христианство, и стал прозываться пророком Павлом.
- * Авантажный, вальяжный, маседуан и маскарон -высокоученый граф Разумовский имеет в виду, что Зонтаг-Брук очаровывает своей внешностью, и заколдовывает перевоплощениями.